

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

С. И. Хазанова

Пискаревский летописец

Происхождение,
источники, авторство

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Федеральное архивное агентство
Российский государственный архив древних актов

Издательство

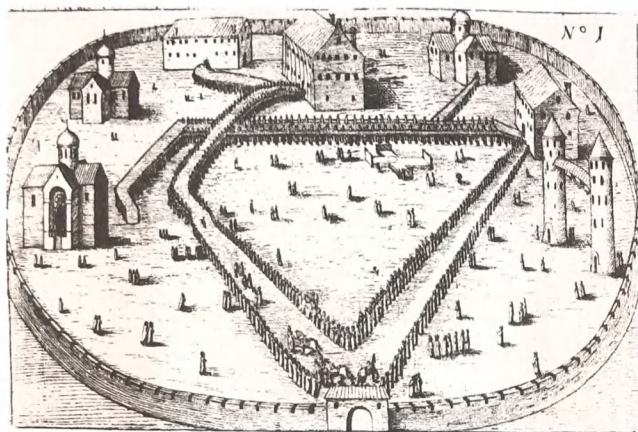

КВАДРИГА

РИПОЛ
КЛАССИК

Партнерская
программа

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

С. И. Хазанова

ПИСКАРЕВСКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ,
ИСТОЧНИКИ, АВТОРСТВО

МОСКВА
Квадрига
2020

УДК 94(470.6)"15/16"
ББК 63.3(2)44
Х66

Научный редактор
доктор исторических наук,
И. Н. Данилевский

Рецензенты:
доктор исторических наук, профессор
В. А. Муравьев;

кандидат исторических наук
Т. В. Гимон.

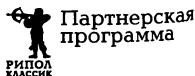
Хазанова С. И.

Х66 Пискаревский летописец: Происхождение, источники, авторство /
С. И. Хазанова. – 2-е изд., стереотип. – М.: Квадрига, 2020. – 176 с.
– (Исторические исследования).

ISBN 978-5-91791-362-9

Летописец содержит подробные и уникальные сведения о строительстве городов, военных походах, событиях опричнины и Смуты. Первое монографическое исследование памятника включает его всесторонний анализ. Убедительно показано возникновение его основной части в приказной среде в 1611–1613 гг. под пером московского дьяка Нечая Перфильева. Автору удалось выявить источники памятника: летописи, разрядные записи, окружные грамоты царя Василия Шуйского, записи устных рассказов и наблюдений составителя. Летописец интересен как памятник историографии и как записки современника событий, а также особой манерой изложения.

УДК 94(470.6)"15/16"
ББК 63.3(2)44

ISBN 978-5-91791-362-9

© Хазанова С. И., 2020
© Издательство «Квадрига», оформление, 2020
© Тихонюк И. А., Щакиров Н. А., дизайн
переплета, 2020

Введение

Одной из основных задач источниковедения средневековой истории России традиционно является изучение летописания. Существенным аспектом этой темы в последнее время, особенно в 80–90-х гг. прошлого века, стало исследование поздних летописей. Историки проявляли к ним интерес и раньше, публиковали и изучали отдельные памятники, но особенности позднего летописания до сих пор являются дискуссионными. В сегодняшней науке идут споры о характере этого вида источников второй половины XVI–XVII в. Некоторые исследователи, в частности В. Г. Вовина¹, отмечают, что, несмотря на внешнее сходство с ранними памятниками, летописи позднего периода представляют собой особый вид исторических источников. Однако до сих пор остается неясным, что именно отличает позднее летописание от летописей предшествующего периода, насколько глубоки эти различия, свидетельствуют ли они о разрыве с традицией раннего летописания или же являются ее продолжением на новом этапе. В связи с этим возникают вопросы, насколько выводы, полученные при изучении древнерусского летописания XI – первой половины XVI в., могут быть распространены на позднее летописание; возможно ли в последнем случае использование (и если да, то как) методик, разработанных на раннем материале.

¹ *Вовина В. Г. Особенности позднего русского летописания // Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII вв. М., 1990. С. 35.*

Актуальным для исследования летописных памятников второй половины XVI–XVII в. представляется изучение их происхождения. Для поздних памятников представления об этом далеко не полны. В специальном исследовании нуждаются следующие проблемы: в какой среде была составлена та или иная летопись, была ли она современна описываемым событиям, какими источниками пользовались ее составители. Все это имеет большое значение для интерпретации содержания поздних летописей, понимания их как феномена культуры, их видовой природы, выявления их информативных возможностей как исторических источников. Особой проблемой является выяснение места отдельных сводов в истории позднего летописания. Без этого нельзя судить о типичности или уникальности памятника, невозможно дать ему общую характеристику.

Временем позднего летописания нами, вслед за петербургской школой (В. Г. Вовина, В. К. Зиборов)², признается вторая половина XVI–XVII в. В московской школе (В. И. Корецкий, Я. Г. Солодкин³) к летописям относятся и все сочинения XVIII в., только внешне близкие к летописям. Их похожесть ограничивается погодной формой изложения событий. Авторы подобных произведений, в отличие от летописца, иначе объясняли причинно-следственные связи исторических событий, а именно в них отсутствует средневековый провиденциализм, они ставят своей целью научное изложение материала⁴.

Историки обращались к памятникам позднего летописания еще в XVIII и XIX вв. В трудах В. Н. Татищева встречаются упоминания о летописи «История о развитии русском» и Новом ле-

² *Вовина В. Г.* Новый летописец и спорные вопросы изучения позднего русского летописания // Отечественная история. 1992. № 5. С. 117–129; *Зиборов В. К.* Русское летописание XI–XVIII вв. СПб., 2002.

³ *Корецкий В. И.* История русского летописания второй половины XVI – начала XVII вв. М., 1986; *Солодкин Я. Г.* История позднего русского летописания. М., 1997.

⁴ *Богданов А. П.* Летописец и историк конца XVII в. М., 1994; *Он же.* Типологические признаки и группы в русском летописании конца XVII в. // Методы изучения источников по истории русской общественной мысли периода феодализма. М., 1989. С. 197–221.

тописце⁵. В XVIII и первой половине XIX в. были изданы Летопись о многих мятежах, Новый летописец, некоторые памятники двинского и сибирского летописания конца XVII в., новгородские и псковские летописи. Но систематический характер изучения и публикация поздних сводов приобрели лишь в середине прошлого столетия. К этому времени благодаря трудам А. А. Шахматова, М. Д. Приселкова, Д. С. Лихачева⁶ и др. история раннего летописания была представлена достаточно полно. Все основные памятники были опубликованы и изучены с точки зрения их происхождения, состава, целей. На материале раннего летописания отработывалась методика изучения летописных текстов вообще. Перед наукой встала задача исследования поздних сводов.

Середина XX в. отмечена изданием некоторых поздних летописей. Внимание привлекали прежде всего сочинения, возникшие во второй половине XVI–XVII в., которые заключали в себе сведения о событиях времен опричнины, Смуты. В 1941 г. появилась публикация М. Н. Тихомирова кратких летописных записей эпохи опричнины и выписки о строительстве городов⁷. В 1950 г. А. А. Зимин опубликовал в «Историческом архиве» краткие летописцы XV–XVI вв. монахов Иосифо-Волоколамского монастыря Марка Левкеинского и Игнатия Зайцева, а также пять кратких летописцев, составленных в Кирилло-Белозерском монастыре⁸. В 1954 г. М. Н. Тихомиров издал Постниковский летописец⁹, в 1955 – О. А. Яковлева опубликовала Пискаревский летописец за 1533–1645 гг.¹⁰ Особое внимание публикаторы обращали на па-

⁵ Солодкин Я. Г. История позднего русского летописания. М., 1997. С. 5.

⁶ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908; *Он же*. Обзорение русских летописных сводов XIV–XV вв. М.; Л., 1938; Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. Л., 1940; Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947.

⁷ Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники XVI в. // Исторические записки. М., 1941. Т. 10. С. 84–94.

⁸ Зимин А. А. Краткие летописцы XV–XVI вв. // Исторический архив. М.; Л., 1950. С. 3–38.

⁹ Тихомиров М. Н. Постниковский летописец // ИЗ. М., 1954. Т. 46. С. 270–288.

¹⁰ Яковлева О. А. Пискаревский летописец // Материалы по истории СССР. М., 1955. Т. 2. С. 6–145.

мятники, описывающие народные выступления (изучение классовой борьбы было одной из основных задач исторической науки 50–60-х гг. XX в.). В. И. Корецкий выпустил летописец с известиями о восстании Ивана Болотникова¹¹. М. Н. Тихомиров и В. И. Буганов издали летописные повести о московских восстаниях 1682 г.¹² Летописи XVI–XVII вв. продолжали выходить и в серии Полного собрания русских летописей: в 1965 г. был издан Новый летописец, в 1978 – Пискаревский и Постниковский летописцы, Московский летописец середины XVII в. В 1981 г. были опубликованы сибирские летописи.

В 70–80-х гг. XX в. издавали особенно много летописцев второй половины XVI–XVII в. К тому времени стало ясно, что позднее летописание сохранилось не в отрывках и фрагментах, а представляет собой многочисленные летописи и краткие летописцы, разбросанные по рукописным сборникам и недоступные широкому исследователю. В 1971 г. В. И. Корецкий и В. И. Буганов опубликовали неизвестный московский летописец XVII в. из Музейного собрания ОРГБЛ¹³. В 1973 г. С. О. Шмидт обнаружил летописчик со сведениями по истории XVI в.¹⁴ из сборника Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина. С. О. Шмидт дал краткую палеографическую характеристику сборника, описал его состав, отметив, что среди источников летописчика могли быть устные известия и «История о великом князе московском» Андрея Курбского. В. И. Корецкий опубликовал Соловецкий летописец конца XVI в. Появляются также публикации других кратких летописцев: московского краткого летописца, Безднинского летописца конца XVII в., краткого ростовского летописца конца XVII в., летописца с новыми известиями XVI – начала XVII в., кратко-

¹¹ *Корецкий В. И.* Летописец с новыми известиями о восстании Болотникова // *История СССР.* 1968. С. 120–130.

¹² *Буганов В. И.* Летописные известия о московских восстаниях 1682 г. // *Новое о прошлом нашей страны.* М., 1967. С. 310–320.

¹³ *Буганов В. И., Корецкий В. И.* Неизвестный московский летописец конца XVII в. из Музейного собрания ГБЛ // *Записки ОР ГБЛ.* М., 1971. Вып. 32.

¹⁴ *Шмидт С. О.* Поздний летописчик со сведениями по истории России XVI в. // *Летописи и хроники* 1973. М., 1974. С. 347–354.

го летописца Торжка XVII в.¹⁵ Публикуемые краткие летописцы рассматривались учеными как памятники исторической мысли позднего Средневековья. Исследователи обращали также внимание на содержащиеся в этих летописях оригинальные сведения о событиях XVI–XVII вв. Издание памятников вводило в научный оборот новые тексты и расширяло источниковую базу.

Появляются справочники, позволяющие исследователям ориентироваться среди неопубликованных поздних летописей. А. Н. Насонов, а затем М. Н. Тихомиров издали краткие описания неопубликованных летописей трех крупнейших хранилищ Москвы – Государственного исторического музея, Российской государственной библиотеки и Российского государственного архива древних актов¹⁶. Они доныне остаются единственными справочниками такого рода.

Историки уделяли внимание не только публикации, но и исследованию поздних летописей. Особый интерес вызывали обширные летописные своды общерусского содержания. П. Г. Васенко пришел к выводу, что Латухинская степенная книга представляет собой переработку в 1677 г. Степенной книги первой половины 1560-х гг.¹⁷ Из других работ по общерусскому летописанию можно назвать исследования Л. В. Черепнина о Новом летописце¹⁸ и И.

¹⁵ *Корецкий В. И.* Соловецкий летописец // ЛиХр 1980. М., 1981. С. 223–244; *Буганов В. И.* Краткий московский летописец конца XVII в. из Ивановского областного краеведческого музея // ЛиХр 1976. М., 1976. С. 283–293; *Корецкий В. И.* Безднинский летописец конца XVII в. из собрания С. О. Долгова // Записки ОР ГБЛ. М., 1977. Вып. 38; *Богданов А. П.* Краткий ростовский летописец конца XVII в. // Советские архивы. 1981. № 6. С. 33–38; *Корецкий В. И., Морозов Б. Н.* Летописец с новыми известиями XVI – начала XVII в. // ЛиХр 1984. М., 1984. С. 187–219; *Станиславский А. Л.* Краткий летописец Торжка // Там же. С. 235–236.

¹⁶ *Насонов А. Н.* Летописные памятники хранилищ Москвы // Проблемы источниковедения. М., 1955. Т. 4. С. 243–286; *Тихомиров М. Н.* Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962.

¹⁷ *Васенко П. Г.* Академический список Латухинской Степенной книги // Доклады АН СССР. Отд. гуманитарных наук. М., 1929. № 15. С. 280–282.

¹⁸ *Черепнин Л. В.* Смута и историография XVII в. // ИЗ. 1945. Т. 14. С. 81–129.

А. Жаркова о «Летописи о многих мятежах»¹⁹. Историки обращали внимание прежде всего на происхождение этих летописей, а не на их специфику как памятников позднего летописания. По мнению Л. В. Черепнина, Новый летописец был плодом совместной работы Посольского приказа и окружения патриарха Филарета, причем литературная обработка сырого архивного материала, предоставленного Посольским приказом, производилась уже лицами, близкими к патриарху²⁰. И. А. Жарков пришел к выводу, что Летопись о многих мятежах возникла в гражданской среде по заказу Василия Григорьевича Меньшого Ромодановского, служившего в 1642–1644 гг. воеводой в Воронеже²¹. И. А. Жарков занимался также и Новым летописцем. Исследователь датировал один из списков этого памятника – Оболенский. Время его составления историк отнес к 80–90-м гг. XVII в.²² Труды Л. В. Черепнина и И. А. Жаркова дали представление об истории создания Нового летописца и Летописи о многих мятежах, позволив проследить процесс работы над исходными материалами.

В 60-х гг. историки интересовались летописями, отразившими участие народа в политических волнениях XVII столетия. Е. В. Чистякова изучала летописные записи о народных движениях середины XVII в. Исследовательница пришла к выводу, что во второй половине XVII в. многочисленные компилятивные сборники кратких летописцев, хронографы поздних редакций, а затем обзоры типа «Синописисов» потеснили постепенно угасавшее официальное летописание²³. Появление летописных заметок о народных движениях также свидетельствовало о том, что наряду с офици-

¹⁹ Жарков И. А. Из каких кругов вышла Летопись о многих мятежах // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967. С. 310–420.

²⁰ Черепнин Л. В. Смута и историография XVII в. С. 81–129.

²¹ Жарков И. А. Из каких кругов вышла Летопись о многих мятежах. С. 310–420.

²² Жарков И. А. Новый летописец по списку М. А. Оболенского // ЛиХр 1974. М., 1974. С. 293–299.

²³ Чистякова Е. В. Летописные записи о народных движениях середины XVII в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963. С. 242–253.

альным летописанием все более широкое значение стали получать краткие летописцы.

Ряд историков изучали провинциальные летописи XVII в. Труды С. В. Бахрушина посвящены сибирскому летописанию XVII в.²⁴ Начало сибирского летописания историк связывает с деятельностью первого тобольского архиепископа Киприана, по заказу которого был составлен синодик для тобольского Софийского собора. В работах В. И. Сергеева, Р. Г. Скрынникова, Н. А. Дворецкой²⁵ также рассматриваются сибирские летописи. Труды В. И. Сергеева и Р. Г. Скрынникова посвящены раннему сибирскому летописанию. В. И. Сергеев установил, что источником для Саввы Есипова, составителя первой сибирской летописи, и Строгановского летописца послужили материалы вотчин Строгановых, устные рассказы казаков, синодик Киприана. Р. Г. Скрынников выяснил, что Есиповская и более поздняя Строгановская летописи представляют собой разные редакции одного и того же памятника. Основным источником для Есиповской, а позднее Строгановской летописи стала краткая тобольская летопись. Исследователь предположил также, что одним из авторов Строгановской летописи был известный русский писатель XVII в. Семен Иванович Шаховской²⁶. Н. А. Дворецкая писала о Тобольском летописном своде, редактировавшемся в 1686–1690-х гг. и 1694 г.²⁷ Исследователи изучали летописи и других регионов страны. Вологодскому летописанию посвящены труды Ю. С. Васильева, Н. А. Казаковой²⁸, устюжскому – К. Н. Сербиной²⁹. Ю. С. Васильев пришел к выводу,

²⁴ *Бахрушин С. В.* Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. М., 1927 С. 1–35.

²⁵ *Сергеев В. И.* У истоков сибирского летописания // Вопросы истории. 1970. № 12. С. 45–61; *Скрынников Р. Г.* Ранние сибирские летописи // История СССР. 1979. № 4. С. 82–100; *Дворецкая Н. А.* Сибирский летописный свод. Новосибирск, 1984.

²⁶ *Скрынников Р. Г.* Ранние сибирские летописи. С. 82–100.

²⁷ *Дворецкая Н. А.* Сибирский летописный свод. Новосибирск, 1984.

²⁸ *Васильев Ю. С.* Летописное наследие Поморья // ВИД. М., 1979. Вып. 11. С. 19–42; *Казакова Н. А.* Вологодское летописание XVII–XVIII вв. // ВИД. Л., 1981. Вып. 12. С. 66–90.

²⁹ *Сербина К. Н.* Устюжские летописи XVII–XVIII вв. Л., 1985.

что летописание в Вологодском крае велось на протяжении XV–XIX вв. при дворе пермских и вологодских епископов, а также в Спасо-Прилуцком и Спасо-Каменном монастырях³⁰. К. Н. Сербина выяснила, что в конце 70-х – начале 80-х гг. XVII в. был составлен краткий устюжский летописец. В основу его легла устюжская летопись первой четверти XVI в. Появление устюжского свода исследовательница связывала с учреждением Велико-Устюжской и Тотемской епархии, освященной в 1682 г.³¹ Исследования историков местных летописей дают представление об эволюции провинциального летописания.

В конце 60–80-х гг. XX в. стали выходить и обобщающие труды по летописанию. В монографии А. Н. Насонова одиннадцатая и двенадцатая главы посвящены позднему летописанию. В них, в частности, рассматриваются Новый летописец и патриаршие своды. В работе дана история русского летописания за все время его существования, были показаны его особенности в различные периоды³². Публикация поздних летописей и изучение отдельных сводов позволили В. И. Корецкому написать обобщающую работу по летописанию второй половины XVI – начала XVII в. Историк, изучая неофициальное летописание эпохи опричнины и Смутного времени, обратил внимание на содержащиеся в них сведения, относящиеся к более ранним периодам. Ученый полагал, что в рассказах о событиях XVI–XVII вв. нужно уметь увидеть руку современника³³. В. И. Корецкий отметил такую особенность позднего летописания, как участие в составлении памятников служилых и посадских людей. Это свидетельствовало, по его мнению, о демократизации этого вида источников³⁴. Если В. И. Корец-

³⁰ Буганов В. И. Отечественная историография русского летописания. М., 1975. С. 102–103.

³¹ Сергеев В. И. У истоков сибирского летописания // Вопросы истории. 1970. № 12. С. 45–61.

³² Насонов А. Н. История русского летописания XI – начала XVIII вв. М., 1969. С. 478–483.

³³ Корецкий В. И. История русского летописания второй половины XVI – начала XVIII вв. М., 1986. С. 4.

³⁴ Там же. С. 267.

кий уделял внимание памятникам второй половины XVI – начала XVII в., то труды А. П. Богданова посвящены летописным сводам второй половины XVII в. Он рассмотрел летописные записи о Стрелецком восстании 1682 г., ростовский летописец конца XVII в., патриарший свод 1686 г., Забелинский свод 1690-х гг.³⁵ Исследования А. П. Богданова помогают понять характер и особенности памятников последней четверти XVII в., которые историк считает предшественниками научных исторических сочинений Нового времени. А. П. Богданов прослеживает, как постепенно летописание превращалось в научное сочинение, хотя летописные традиции еще живо чувствуются в памятниках конца XVII – начала XVIII в.

Я. Г. Солодкин рассмотрел боярские и митрополичьи летописцы, провинциальные летописи и хронографические сочинения, летописцы дворян и приказных людей, патриаршие своды и краткие летописцы, а также такие памятники общерусского летописания, как Новый, Пискаревский летописцы, Московский летописец второй четверти XVII в. Он представил общую картину летописания последней трети XVI–XVII в. Исследователь обращает внимание на характер летописания разных этапов: последней трети XVI в., первой половины XVII в., второй половины XVII в. Многообразии разновидностей летописания, представленное в XVI–XVII вв., подтверждает мысль Я. Г. Солодкина о том, что этот вид источников продолжал существовать и в позднее Средневековье, при этом позднее летописание, по мнению исследователя, ничем принципиально не отличается от раннего. Такой вывод был сделан прежде всего на основании изучения памятников, возникших в церковной среде. Во многих сводах XVII в., особенно патриарших и владычных новгородских, несложно выделить первоначальный протограф³⁶. В этом точка зрения Я. Г. Солодкина принципиально расходится с точкой зре-

³⁵ *Богданов А. П.* Редакции летописца 1619–1691 гг. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1982; *Он же.* Общерусский летописный свод конца XVII в. из собрания И. Е. Забелина // Там же. С. 183–210; *Он же.* Летописец 1686 г. и патриарший летописный скрипторий // Книжные центры Древней Руси. СПб., 1994. С. 64–90.

³⁶ *Солодкин Я. Г.* История позднего русского летописания. М., 1997.

ния другой исследовательницы, В. Г. Вовиной, занимающейся Новым летописцем. Она видит в позднем летописании компиляцию иного рода: «Источники Нового летописца ‘переплавляются’ в нем, ‘подравниваются’, разрываются, чтобы получился внешне связный текст»³⁷. В. Г. Вовина обратила внимание на то, что поздние летописцы не являются сводами в привычном понимании этого слова, в них нет необратимого перехода текстов одного в другой, когда сразу можно узнать источник заимствований. В таких памятниках часто невозможно вычленить предшествующие, поэтому поиск источников в летописях XVI–XVII вв. затруднен³⁸. Исследовательница не отрицает существования в XVII в. вполне традиционных сводов; такие памятники, как Новый летописец, не вытеснили их полностью, а представляют только параллельную ветвь к нему³⁹. Таким образом, вопрос об особенностях памятников XVII в. является дискуссионным в историографии позднего летописания. Он требует для своего решения тотального монографического исследования поздних сводов, так как недостаточно изучены конкретные памятники.

В монографии проблемы специфики позднего летописания рассматриваются на материале Пискаревского летописца как одном из представителей позднего летописания. Пискаревский летописец – один из самых крупных сводов XVII в. Памятник описывает события на протяжении значительного хронологического периода: от древнейших времен до 40-х гг. XVII в. Историки, обращавшиеся к Пискаревскому летописцу, отмечали, что тот является сложной по составу компиляцией, причем происхождение многих его известий неясно и требует углубленного изучения. Непонятными остаются также принципы и приемы отбора источников, которыми руководствовались составители Пискаревского летописца.

³⁷ Вовина В. Г. Особенности позднего русского летописания // Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII вв. М., 1990. Ч. 1. С. 38.

³⁸ Вовина В. Г. Новый летописец и спорные вопросы изучения позднего русского летописания // ОИ. 1992. № 5. С. 129.

³⁹ Вовина В. Г. Особенности позднего русского летописания. С. 38.

Пискаревский летописец неоднократно упоминался в литературе, ему посвящено несколько статей, но предметом специального источниковедческого исследования он еще не становился. До сих пор неизученными остаются источники начальной части Пискаревского летописца, спорными и противоречивыми представляются выводы о многих источниках оригинальной части. Проблема атрибуции памятника тоже еще не решена до конца. Незученным остается и место Пискаревского летописца среди поздних летописей.

В центре внимания – изучение Пискаревского летописца как источника по истории России. Это поможет установить, в чем состоит его особенность как летописца XVII в.: является ли он классическим летописным сводом, а если не является, то можно ли рассматривать эти отличия как признаки вырождения позднего летописания.

В этой связи в книге рассматриваются следующие проблемы:

1) анализ предшествующей историографии Пискаревского летописца, чтобы установить, в частности, какие стороны памятника и в какой степени изучены, а какие остались неисследованными;

2) выявление источников, легших в основу Пискаревского летописца;

3) установление автора Пискаревского летописца; при этом внимание уделяется прежде всего социальной принадлежности автора, а также обстоятельствам создания источника, значению памятника в контексте породившей его эпохи; в свою очередь это поможет очертить круг источников, которыми пользовались создатели летописи, понять цель их труда, определить осведомленность в тех или иных вопросах, выявить интересы составителя (или составителей). Только после изучения этих проблем можно перейти к характеристике источника в целом, к интерпретации его содержания, к установлению того, что дает его оригинальная информация для реконструкции исторической реальности.

В своей работе мы опирались на теоретико-методологические положения, сформулированные А. С. Лаппо-Данилевским. Методология Лаппо-Данилевского сохранялась и развивалась в трудах

его учеников и последователей: А. Е. Преснякова, С. Н. Валка, А. И. Андреева⁴⁰. Потом, в течение длительного времени, в силу господствующей в советской исторической науке идеологии, такой подход ученых к изучению источника оказался неактуальным. Только на рубеже XX–XXI вв. стали возрождаться идеи школы А. С. Лаппо-Данилевского. В современном источниковедении это направление продолжают О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева и др.⁴¹ В рамках такого подхода изучение источника является самостоятельной научной проблемой, источник рассматривается как продукт психической деятельности человека и в силу этого как отражение ментальности определенной эпохи. В современном источниковедении источники все в большей мере трактуются как памятники культуры своей эпохи. Основой такого подхода является рассмотрение исторического источника как реализованного продукта человеческой психики, пригодного для изучения исторических фактов, как произведения культуры своей эпохи. Здесь акцент делается прежде всего на понимании психологической и социальной природы исторического источника.

При изучении Пискаревского летописца нами применена сравнительно-источниковедческая (или сравнительно-текстологическая) методика, разработанная в трудах А. А. Шахматова и развитая М. Д. Приселковым, Д. С. Лихачевым, Я. С. Лурье⁴² и другими исследователями. Эта методика требует рассмотрения всего летописного свода, а не изолированных известий из него⁴³. Изучение

⁴⁰ Пресняков А. Е. А. С. Лаппо-Данилевский как ученый и мыслитель. Пг., 1922; Валк С. Н. А. С. Лаппо-Данилевский. Очерки русской дипломатики частных актов // Русский исторический журнал. 1922. № 8. С. 255–258; Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. М., 1960–1965.

⁴¹ Данилевский И. Н., Кабанов В. В., Медушевская О. М., Румянцева М. Ф. Источниковедение. М., 2000. С. 10, 122; Румянцева М. Ф. Теория истории. М., 2002. С. 214–215.

⁴² Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908; Он же. Обзорение русских летописных сводов XIV–XV вв. М.; Л., 1938; Приселков М. Д. История русского летописания. СПб., 1996; Лихачев Д. С. Текстология. Л., 1962; 2-е изд.: СПб., 2001 (далее ссылки на это изд.); Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976.

⁴³ Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV–XV вв. С. 12–13.

летописи при таком подходе включает в себя три стадии. На первой из них проводится полное сравнение всех родственных с ней летописей. Такое сопоставление дает возможность установить взаимоотношения между ними и выявить наличие протографа – общего текста, к которому они восходят. Вторая стадия исследования состоит в определении состава и содержания этого общего текста (или свода-протографа). На третьей стадии проводится характеристика изучаемого памятника, он также сравнивается с другими, обычно более древними источниками. Именно на этой стадии исследователь и обнаруживает уникальные тексты, отсутствующие во всех известных летописях и представляющие собой либо плоды оригинального творчества летописца, либо следы не дошедших до нас источников⁴⁴.

К Пискаревскому летописцу применена методика исследования истории текста памятника, сохранившегося в единственном списке⁴⁵. Исследование памятника, сохранившегося в единственном списке, затруднено тем, что нет широких возможностей для изучения протографа, редакций, истории текста, которые позволяет сделать сравнительный анализ нескольких списков. Наша методика предусматривает, что внимание обращается не только на единственный имеющийся в распоряжении исследователей текст источника, но и на саму рукопись: на ее состояние, утраты, дополнения, загрязненность отдельных листов, сделанные на ней поздние записи. При этом нужно установить владельцев рукописи, выявить все пометы на полях, приписки к основному тексту. Все это позволяет, опираясь на косвенные данные, проследить в какой-то мере историю создания и бытования памятника. Методика изучения текста, сохранившегося в единственном списке, предусматривает также сравнение летописи с другими источниками.

Для выявления общих чтений с Пискаревским летописцем в монографии привлечены следующие летописи XVI–XVII вв.: Воскресенская, Никоновская, Типографская, Летописец начала

⁴⁴ Лихачев Д. С. Текстология. С. 169.

⁴⁵ Лихачев Д. С. Текстология. СПб., 2001. С. 360–361.

царства, Александро-Невская, Новый летописец, Московский летописец середины XVII в. Воскресенская и Никоновская летописи привлечены для сравнения с Пискаревским летописцем на том основании, что в литературе не раз отмечалось то, что многие поздние своды в статьях о раннем периоде используют эти летописи. Типографская летопись составлена в конце XV – начале XVI в. в Кирилло-Белозерском монастыре. Исследователи обратили внимание на некоторые северорусские известия Пискаревского летописца, и сравнение с Типографской летописью поможет определить, могла ли она послужить источником для Пискаревского летописца. Остальные летописи являются памятниками позднего происхождения – второй половины XVI–XVII в. Они охватывают тот же период, что и Пискаревский летописец, и поэтому могут содержать сходные с ним чтения.

С целью выявления общих чтений с изучаемым памятником в работе привлечены также краткие летописцы XVI–XVII вв., как изданные, так и неопубликованные. Эти летописцы охватывают тот же хронологический период, что и Пискаревский летописец, многие из них возникли в близкое к изучаемому памятнику время. К числу опубликованных относятся: Соловецкий летописец XVI в., краткие летописные записи эпохи опричнины, Сокращенный временник⁴⁶. Неопубликованные краткие летописцы сохранились главным образом в списках XVII в. в фондах Российского государственного архива древних актов и Отдела рукописей Российской государственной библиотеки (далее сокращенно – РГАДА и ОР РГБ). Эти памятники представляют собой выписки из обширных летописей за тот же хронологический период, что и Пискаревский летописец: летописная заметка о строительстве церкви Василия Блаженного⁴⁷, Московский краткий летописец от времени великого князя Да-

⁴⁶ Тихомиров М. Н. Соловецкий летописец второй половины XVI в. // Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 192–206; *Он же*. Краткие летописные записи эпохи опричнины // Из. М., 1941. Т. 10. С. 84–94; Сокращенный временник // Материалы по истории СССР. М., 1955. Т. 2. С. 145–152.

⁴⁷ РГАДА. Ф. 199. Портфели Миллера. Д. 1. Л. 113.

нила по избрание царя Михаила Федоровича⁴⁸, Краткий российский летописец от древнейших времен до 1650 г.⁴⁹, Краткое сказание о произведении и возвращении народа русского⁵⁰, оканчивающееся избранием на престол Михаила Романова, Хронограф особого состава⁵¹, Избранный летописец вкратце по 1613 г.⁵², летописец, «написан выбором из старых летописцев о том, что учинилось в русском государстве и во всей русской земле»⁵³, краткие выписки из летописей от крещения св. Владимира до 1652 г.⁵⁴, краткий летописец за 1533–1652 гг.⁵⁵, летописный сборник XVI–XVII вв., содержащий сведения о пожаре Москвы при нашествии крымского хана Девлет-Гирея⁵⁶, летописец русский краткий со сведениями о разгроме Новгорода Иваном Грозным, строительной деятельности Бориса Годунова, Григории Отрепьеве⁵⁷, краткий летописец, описывающий события до 1589 г. Последний летописец неполный, обрывается на словах: «Приехал к царю, государю и великому князю Федору Ивановичю вся России служить крымский...» Он заканчивается припиской о смерти царя Михаила Федоровича, сделанной другим почерком⁵⁸. Из других кратких летописцев привлечены также: летописные выписки о взятии Иваном Грозным Казани, Астрахани, Полоцка, смерти царевича Ивана Ивановича, Борисе Годунове и Григории Отрепьеве, избрании на престол Михаила Романова, находящиеся в составе сборника повестей, лето-

⁴⁸ РГАДА. Ф. 181. Рукописное собрание МГАМИД. Д. 65.

⁴⁹ Там же. Д. 64.

⁵⁰ Там же. Д. 79.

⁵¹ Там же. Д. 361.

⁵² Там же Д. 76.

⁵³ Там же. Д. 1147.

⁵⁴ Там же. Ф. 201. Рукописное собрание кн. М. А. Оболенского. Д. 44.

⁵⁵ Там же. Ф. 196. Рукописное собрание Мазурина. Оп. 3. Д. 65.

⁵⁶ ОР РГБ. Ф. 310. Собрание В. М. Ундольского. Д. 754.

⁵⁷ Там же. Д. 758.

⁵⁸ Там же. Д. 1326.

писных записей и иных статей⁵⁹, летописец русский от начала мира до 1612 г.⁶⁰, краткое перечисление событий от рождения Ивана IV до кончины царя Михаила Федоровича⁶¹, летописец с выписками от 1379 до 1604 г.⁶², летописец краткий, начинающийся сообщением о взятии Казани и заканчивающийся статьей о воцарении Алексея Михайловича⁶³, летописец краткий за 1339–1584 гг., начинающийся с известия о том, что в Москве при Иване Калите был заложен деревянный кремль, и заканчивающийся сообщением о смерти царя Федора Ивановича; в летописце перепутана хронология – уже после статьи о смерти царя Федора Ивановича помещены заметки о взятии Казани, поставлении в Казань архиепископа Гурия, казанском наводнении⁶⁴.

Отмеченная Я. Г. Солодкиным близость Пискаревского летописца и разрядов заставила привлечь для сравнения с изучаемым нами памятником источники делопроизводственного и актового происхождения: разрядные книги 1478–1605 гг.⁶⁵, разрядные записи за Смутное время, окружные грамоты Василия Шуйского о Лжедмитрии I, Утвержденную грамоту 1598 г. об избрании Бориса Годунова на царство, грамоту об избрании на царство Михаила Романова⁶⁶. Такое сравнение дает возможность уточнить происхождение отдельных сообщений свода и степень их достоверности.

Для того чтобы выявить особенности Пискаревского летописца как исторического источника, определить новизну сообщаемых им известий, памятник сравнивается также с повестями и

⁵⁹ ОР РГБ. Ф. 310. Собрание В. М. Ундольского. Д. 611.

⁶⁰ Там же. Д. 771.

⁶¹ ОР РГБ. Ф. 256. Собрание Румянцева. Д. 380.

⁶² Там же. Д. 368.

⁶³ ОР РГБ. Собрание Никифорова. Д. 601.

⁶⁴ Там же. Ф. 178. Музейное собрание. Д. 1835.

⁶⁵ Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. Т. 3; Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1982. Т. 2. Ч. 1.

⁶⁶ Собрание государственных грамот и договоров. М., 1819. Т. 2.

сказаниями Смутного времени, записками иностранцев, посещавших Россию во второй половине XVI – начале XVII в.: Генриха Штадена, Альберта Шлихтинга, Таубе и Крузе, Джильса Флетчера и Джерома Горсея.

В монографии Пискаревский летописец изучается комплексно, как единое произведение. Мы старались охватить все аспекты памятника как исторического источника, с возможной полнотой. Здесь проведено детальное текстологическое сопоставление памятника с другими источниками, решен вопрос о происхождении летописи.

Глава I

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СПИСКА ПИСКАРЕВСКОГО ЛЕТОПИСЦА

До конца XIX в. Пискаревский летописец не попадал в поле зрения историков. Трудно сказать, с чем это было связано. Возможно, причиной такого невнимания стало то, что он хранился в фонде Пискарева в Отделе рукописей Румянцевского музея и к этому памятнику редко обращались специалисты. Однако пометы в рукописи свидетельствуют о том, что она читалась и в XVIII, и в XIX вв. Но ни один из читателей не ввел Пискаревский летописец в научный оборот.

В конце XIX в. в статье об истории строительства храма Василия Блаженного священник Иван Кузнецов упомянул о том, как в храме появился лишний придел, сведения о чем он, по его собственным словам, почерпнул из «какого-то летописца»¹. Судя по всему, в данном случае речь шла именно о Пискаревском летописце, потому что Иван Кузнецов назвал ее летописью собрания Пискарева². Но статья Ивана Кузнецова осталась не замеченной научной общественностью, видимо, потому, что была посвящена частному вопросу, для изучения которого в статье привлекался Пискаревский летописец.

Это упоминание Пискаревского летописца оказалось первым и – до середины следующего века – единственным. До революции

¹ *Кузнецов И.* О постройке московского Покровского собора // ЧОИДР. 1896. Кн. 1. Отд. 4. С. 19–24.

² Там же. С. 20.

Пискаревский летописец не только не изучался и не публиковался, но и не цитировался.

1) История открытия и публикации Пискаревского летописца

В сферу внимания историков Пискаревский летописец вновь попал лишь в 1950 г., когда он был обнаружен О. А. Яковлевой в отделе рукописей Государственной библиотеки им. Ленина. Заметка об открытии была опубликована в журнале «Огонек»³. С этого момента, собственно, и начинается изучение источника. Оригинальная часть летописца за 1533–1645 гг. была опубликована О. А. Яковлевой в «Материалах по истории СССР» с кратким предисловием, включавшим палеографическое и кодикологическое описание сборника, заметкой о новых сведениях Пискаревского летописца и комментариями исследовательницы в 1955 г.⁴ Публикация отвечала всем требованиям, предъявлявшимся к научным изданиям документов XVII в.: была сохранена почти вся орфография оригинала, выносные буквы внесены в строку, буквенная цифирь заменена арабской. Комментарии объясняли неясные чтения рукописи памятника, фактические ошибки, встречающиеся в Пискаревском летописце. В частности, было отмечено, что сообщение об убийстве сына князя Владимира Андреевича Старицкого является неверным⁵.

Полностью Пискаревский летописец был опубликован в 1978 г. под редакцией В. И. Буганова и В. И. Корецкого в «Полном собрании русских летописей». В предисловии к публикации Пискаревского летописца они отметили, что испорченные места в рукописи были исправлены по тексту близкой Пискаревскому летописцу Воскресенской летописи, а также по текстам Софийской I, Новгородской IV, Московского летописного свода конца XV в.⁶

³ Яковлев А. И., Яковлева О. А. Новая летопись // Огонек. 1950. № 42. С. 21–22.

⁴ Материалы по истории СССР. М., 1955. Вып. 2. С. 6–16.

⁵ Там же. С. 178.

⁶ В основном все испорченные места, пропуски текста исправлены по Воскресенской летописи, но в ряде случаев исправления даны по Московскому своду конца XVI в., Софийской I и Новгородской IV летописям. Так, под

Основанием для этого послужили текстологические наблюдения, позволившие установить, что именно перечисленные летописи могли быть опосредованными источниками Пискаревского летописца. Публикаторы не объяснили, почему, кроме очевидной близости летописей, привлеченных для сравнения с Пискаревским летописцем, никаких формальных оснований для подобных реконструкций издатели не привели. Они не описали проведенную текстологическую работу по соотношению текстов. В. И. Буганов подробно описал лишь правила передачи текста рукописи: «... Буква 'ъ' в конце слов опускается. Титла раскрыты, в том числе и после выносных букв; при внесении в строку надстрочных букв ставится буква 'ъ' в тех случаях, когда слышится мягкость. Вместо славянских (буквенных) цифр даны арабские. Заголовки и буквы, выделенные в тексте киноварью или 'утолщенным' написанием чернилами, передаются полужирным шрифтом. Названия народов и жителей разных областей Древней Руси начинаются со строчной буквы, прямая речь – с заглавной буквы. Там, где необходимо, ставятся вопросительные и восклицательные знаки. Пропуски в

6865 г. в заметке о после царицы Тайдулы к митрополиту Алексею вместо неправильного чтения «посети мне здравие» дано правильное по Московскому своду конца XV в. (Пискаревский летописец // ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 113). Под 6886 г. в статье о Мамаевом побоище вместо неправильного чтения рукописи «высоких Рахиль плачущих чад своих Рахиль же есть с рыданием и со вздыханием не хотящее утешиться» дано исправленное по Софийской I и Новгородской IV летописям «Рахиль плачущися чад своих с рыданием и со вздыханием, не хотящее утешиться» (Там же. С. 125). На с. 127 восстановлен по Софийской I летописи пропущенный в рукописи текст о Дмитрии Донском, празднующем победу над татарами в Куликовской битве. Под 6890 г. в статье о взятии Москвы Тохтамышем читаем исправленное по Софийской I «и едва умолени быша позже некако выпустиша их из града, и то ограбившее» вместо «некогда и» (Там же. С. 129). Под 6830 г. читаем пропущенное в рукописи известие о поставлении митрополитом Пименом сарайского епископа Саввы, восстановленное по Московскому своду конца XV в. (Там же. С. 133). Под 6897 г. в статье «О житии и представлении великого князя Дмитрея Ивановича» вместо слов «отеи место» рукописи дано исправленное по Новгородской IV «ты убо предстоиша» (Там же. С. 141). Под 6900 г. в статье об ушкуйниках неправильное чтение рукописи «них» исправлено по Московскому своду конца XV в. «рекою Вяткою на низ» (Там же. С. 142). Под 6938 г. дана по Московскому своду пропущенная в рукописи статья о походе на Литву ордынского князя Андара (Там же. С. 166). Одна дата исправлена по Никоновской летописи. Статья о мятеже в Москве в 1547 г. приведена в рукописи под 7055 г., в публикации исправлена на 7056 г.

тексте, восстановленные составителями, заключены в квадратные скобки. Хронологические указания летописцев на годы, данные от 'сотворения мира', на современное летоисчисление не переводятся⁷. При публикации отмечены все пропуски в рукописи, утраты текста из-за ветхости, выносные буквы, написание вязью и киноварью, даны разночтения публикуемого текста с рукописью, указаны «неправильные» чтения (так, на с. 31 вместо ошибочного «Светенлду» дано «Свентелду», на с. 63 вместо «Ссетомли» приведено чтение «с Сетомли» и др.).

Издание в Полном собрании русских летописей является на сегодня единственной полной публикацией Пискаревского летописца, в ней учтены все особенности оригинального текста самого летописца. В то же время следует отметить, что внетекстовые пометы читателей и владельческие записи, сохранившиеся на Пискаревском летописце, были оставлены публикаторами без внимания. Между тем их анализ позволяет судить о том, как писался текст рукописи, кто его читал, кому принадлежал памятник.

2) Палеографическое и кодикологическое изучение рукописи

Первый публикатор Пискаревского летописца О. А. Яковлева установила, что кодекс, в котором сохранился Пискаревский летописец, принадлежал купцу Д. В. Пискареву (Дементий Васильевич Пискарев, московский купец XIX в., как рукопись попала к нему, неизвестно). Кроме летописца в состав кодекса входили родословия русских и литовских князей, чин венчания на царство московских государей, две татарские сказки. Исследовательница дала подробное палеографическое и кодикологическое описание рукописи. Она отметила, что рукопись № 228/176 (под таким номером Пискаревский летописец хранится в ОР РГБ) имеет формат в четверть листа. Рукопись переплетена в XVIII в. в деревянные доски размером 14,5×20 см, обтянутые темно-коричневой кожей, украшенной тисненым (без золота) орнаментом, сохранились следы застежек. О. А. Яковлева подробно описывает переплет и особенности нумерации листов в летописце: «На внутренней стороне

⁷ Буганов В. И. Предисловие // ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 5, 7.

верхней доски переплета наклеен печатный ярлык с гербом графа Румянцева и с надписью: “Московского Публичного и Румянцевского музеев № 611”. Корешок переплета создан из этой же кожи и также украшен тисненым (без золота) орнаментом. Поперек корешка в верхней его части вытеснена (без золота) шрифтом XVIII в. надпись: “летописец”. На корешке в нижней его части наклеен ярлычок с напечатанным на нем номером “611”. Отдельные сплетенные вместе тетрадки, из которых состоит “Пискаревский летописец”, занумерованы в XVII в. при создании летописца древнерусскими цифрами по нижним полям лицевой стороны первого листа каждой тетрадки. В большинстве случаев каждая такая тетрадка включает в себя восемь листов (16 страниц). Листы “Пискаревского летописца” имеют двойную и несовпадающую нумерацию арабскими цифрами XVIII в. – на нижних полях лицевой стороны листов и XIX в. – на верхних правых углах лицевой стороны листов». Публикатор охарактеризовала рукопись как писанную чернилами и киноварью разными почерками русской скорописью первой четверти XVII в., а в некоторых местах (например, в заголовках) – вязью. Она отметила, что отдельные заглавные буквы украшены орнаментом, сделанным киноварью и чернилами, а некоторые буквы выделены из остального текста: они выполнены крупнее и жирнее. О. А. Яковлева заметила, что небольшая часть текста летописца пострадала при обрезе, когда его переплетали, и текст в этих местах утрачен. Публикатор обратила внимание на иллюстрацию и заставки Пискаревского летописца: «В рукописи имеется всего одна иллюстрация на л. 57об., исполненная от руки красками и золотом, изображающая киевского великого князя Владимира Святославича, и много заставок с растительным орнаментом, из которых одни отпечатаны черной краской, по-видимому, ручным штампом, а другие рисованы от руки чернилами и разноцветными красками и расположены не только в виде заставок наверху страницы летописца, но и на боковых и на нижних полях этих страниц»⁸. О. А. Яковлева дала подробное описание миниатюры: «Она застлана куском блеклосиней шелковой ткани (тафты) XVII в., края которого подклеены

⁸ Яковлева О. А. Пискаревский летописец // Материалы по истории СССР. М., 1955. Т. 2. С. 9–11

полосками белой бумаги, и сильно попорчена. В одном месте в «Пискаревском летописце» имеется концовка, нарисованная от руки чернилами (л. 606об.)». Исследовательница заметила то, что в некоторых местах сборника имеются приписки на полях и между строк и что некоторые из этих приписок заключены в нарисованные пером рамки с орнаментом⁹. В тоже время в публикации О. А. Яковлевой не были учтены внетекстовые приписки.

О. А. Яковлева подробно описала состав сборника, но не охарактеризовала почерки списка Пискаревского летописца. Однако без такой характеристики исследование рукописи Пискаревского летописца представляется неполным. При визуальном изучении рукописи, проведенном автором исследования, к палеографической характеристике О. А. Яковлевой можно добавить, что первые два листа писаны полностью красными чернилами, листы третий, четвертый написаны красными и черными чернилами, с пятого листа и до конца рукописи используются только черные чернила, но заглавные буквы, а также даты выделяются красными чернилами.

Всего в рукописи 723 листа, среди них несколько пустых листов: листы 54, 55об., 72–72об., 206–206об., 294–294об., 295об., 342, 406об., 501–502, 503об. – 512, 517об., 616–617, 657об., 680об., 710–711об., 718об., 719об. Текст собственно Пискаревского летописца занимает 681 лист. На листе 327 – запись в красной рамке почерком XVII в., принадлежащая, видимо, переписчику рукописи: «Тут пропали две тетради о Мамаеве побоище 4 годам и написан (sic) вновь справен с книгою». На листе 503 – запись: «Прописано в сей книге тетради многие по по сю тетрадь не писано. А все писано рядом, а с сей списать было нечево по великой нуже книги подлинной не было. Прописано княжение великого князя Василия Васильевича. Только начало написано, а то было списать нечево. Княжение великого князя Ивана Васильевича самодержца все не написано. Княжение великого князя Василея Ивановича всеа Русии все не написано». На нижней доске переплета – запись синими чернилами: «Переплет. ГБЛ, июнь 1964 г. мастер Клеменшова».

В Пискаревском летописце автором монографии выделено три основных почерка. Первый почерк – отчетливый, без накло-

⁹ Там же. С. 143.

на, буквы средней величины, им написаны л. 85–134, 143–148, 173–181, 183–188, 191–206, 343–382об., 385–414об., 419–714. Для него характерны слитные написания буквосочетаний «ша», «ме», «мя», «тв», «ила», «де, тве», «вел» в начале и конце слов. В почерке встречаются три мачтовых соединения букв: «бе», «ся», «ов». Здесь есть некоторое количество выносных букв: «х», «з», «д», «ж», «в, г», «л», «р». В этом почерке встречаются два способа написания буквы «в», «д», «а», «ц», «х», «и». Здесь присутствуют также два способа написания «л», «м» в строке и выносных. Буква в пишется в виде треугольника и четырехугольника, выносное «т» напоминает современное «г», буква «м» встречается в виде волнистой линии и косой черты. Буква «д» пишется в виде дельты и в виде современной буквы «з». «Л» пишется как обычное «л», «л» выносное имеет вид замкнутой петли. Написание «а»: обычное и «а», напоминающее греческую альфу. Буква «е» пишется как обычное «е», как «э», повернутая направо, и как греческая альфа (напоминает «а»). Встречающееся написание «ц» с коротким и длинным хвостом. Буква «х» пишется как обычное «х», в конце слов и выносное – в виде перевернутой восьмерки.

Второй почерк – крупный, волнистые буквы, с большим нажимом, он занимает л. 135–144, 149–151, 182–183, 189–190, 229–298, 304, 316–320, 321–328, 415–419, 513–515, 583–584, приписки на л. 681об. выполнены им. В этом почерке гораздо меньше слитного написания букв, чем в первом. Слитно написаны слоги «бе», «ла», «де». Две мачты такие же, как и в первом почерке: «бе», «ов», одна встречается только здесь – соединение «з» с «а». Для второго почерка характерны выносные лежащие «з», «р». Его особенностью является большее количество вариантов в написании отдельных букв, чем в первом почерке. Здесь можно выделить три способа написания «н», четыре способа написания в, пять вариантов «д». Встречающееся написание «и» в виде двух косых черт. Здесь также попадает написание «и» краткого с точкой. Два способа написания «б»: напоминающее твердый знак и современное печатное «б». Три способа написания «в»: треугольник, напоминающее современное «у», и «в», заключенное в кружок, перечеркнутый косой линией. Во втором почерке, как и в первом, встречается выносная «м» в виде волнистой линии, выносная «т», напоминающая современную «г».

Третий почерк – мелкий, отрывистое написание букв, он помещается на л. 5, 207–228, 383–384. Он характеризуется большим количеством выносных букв, написанных взметом, чем два первых почерка: «в», «л», «с» со скобкой, «м», «х», «д», «н», «ж», «б», «з», «п», «р». Здесь есть мачта «бе» и появляются отсутствующая в первом и втором почерках мачта «дб», а также способы написания букв «т», «юя», «ю», «д». Вторым почерком написана большая часть сборника: венчание царя Ивана Васильевича на царство, родословие литовских князей. Третьим почерком написаны две татарские сказки об Аслане – «От книг бытей татарских о разуме человеческого».

Филиграни Пискаревского летописца подробно изучала Т. В. Дианова. Она выделила девять типов филиграней в Пискаревском летописце: «1) Лотарингский крест под короной с двумя буквами 'С' и контрамаркой 'JR' – с начала рукописи до листа 26; б) этот же тип знака в поврежденном варианте – лист 6; 2) Гербовой щит под короной с перевязью, под ним монограмма из букв 'GVD' и контрамарка 'JC' рядом со щитом – листы 30–31; 3) Кувшин одноручный под полумесяцем, с буквами 'JC' на туловище; б) поврежденный вариант этого знака с утраченными двумя бусинками над носиком кувшина и перекошенным поддоном, оба варианта на листах 53–60, 86–126, 143–196, 245–284, 513, 520–538, 593–600; 4) Кувшин одноручный под полумесяцем, крупного размера, с буквами 'F/IR' на туловище и лилией на поддоне – листы 127–134, 221–244, 578–592; 5) Столбы, между ними буквы 'PGR', над ними виноград – листы 197–220, 539–575; б) поврежденный вариант этого знака с утратой столбов (виден лишь виноград) – листы 2, 299–318, 516, 604–639; б) Гербовой под короной щит с геральдической лилией – листы 328–342, 503–512, один лист без пагинации между листами 522 и 523; 7) Гербовидный щит без заполнения, под ним буквы 'JDM' – листы 63–84, 135–142, 285–292, 343–470, 665–707, 770; 8) Кувшин одноручный, под полумесяцем, крупного размера, с буквами 'J/QQ' на туловище и лилией на поддоне – листы 319–326, 641–664; 9) Орел одноглавый под короной, на голове рог изобилия – листы 471–501, 708–709, 715–770»¹⁰.

¹⁰ Дианова Т. В. К вопросу о времени создания рукописи Пискаревского летописца // ЛиХр 1976. С. 143.

Т. В. Дианова сопоставила водяные знаки Пискаревского летописца с филигранями рукописных и печатных книг XVII в. и пришла к выводу, что рукопись Пискаревского летописца можно датировать 1640–1646 гг.¹¹

Выводы Т. В. Диановой помогают установить время написания рукописи (*terminus ante quem*), но остается открытым вопрос о датировке текста летописца.

Кодекс, в составе которого находится Пискаревский летописец, состоит из семи частей. О. А. Яковлева отметила, что первая начинается на листе 4 и заканчивается на листе 480об.: «Эта часть летописца снабжена витиеватым предисловием, вероятно, составленным самим заказчиком рукописи или одним из ее писцов и относящимся к Пискаревскому летописцу в целом. После этого предисловия до конца первой части следуют сделанные различными почерками выписки из летописца от начала Киевского государства в IX в. до 1431 г. включительно»¹². Вторая начинается на листе 482 и заканчивается на листе 681об. Она содержит выписки из древнего летописца, записи, основанные на воспоминаниях некоего москвича, и пять летописных приписок, относящихся к 1625–1645 гг. Третья начинается на листе 682 и заканчивается на листе 699об. Она состоит из чина венчания на великое княжение русских государей, приуроченного к венчанию на царство Ивана Грозного. Четвертая начинается на листе 700 и заканчивается на листе 714. Она включает в себя краткие родословия различных княжеских и боярских родов, озаглавленных «Родословие московских вельмож, которые от московских великих князей и от литовских государств и приежжих из ыных розных земель». Это перечисление родов, происходящих от Рюрика, а также известных родов московского боярства, таких, как Шереметьевы, Воронцовы и прочих. Здесь большей частью приведено не родословие данного рода, а его происхождение. Пятая находится на листе 714–714об. Эта часть представляет собой перечень киевских митрополитов и московских митрополитов и патриархов, начиная от первого киевского митрополита Михаила (X в.) и кончая патриархом Иосифом,

¹¹ Дианова Т. В. К вопросу о времени создания рукописи Пискаревского летописца. С. 147.

¹² Яковлева О. А. Пискаревский летописец. С. 7–9.

умершим в 1652 г. Перечень этот озаглавлен 'От крещения Руския земля великого князя Владимира митрополиты киевския и московския'. Шестая помещается на листах 715–716. В ней заключено сообщение о происхождении и возвышении литовского великого князя Гедимина и о сыновьях его; попутно вкратце рассказаны некоторые события русской истории. Часть эта озаглавлена 'Родословие литовского княжения'. Седьмая начинается на листе 717 и заканчивается на листе 722об. Здесь помещена татарская о царе татарской орды Слам-Гирее и его ближнем человеке Аслане Золотом Слове, озаглавленной 'От книг бытей татарских о разуме человеческом'. Сказка эта делится на две части: первая часть – о спасении от царского гнева Асланом Золотым Словом своего брата и вторая часть – о птичьем языке»¹³.

Родословия княжеских и боярских родов, перечень киевских и московских митрополитов, патриархов встречаются, помимо рукописи, содержащей Пискаревский летописец, во многих кодексах XVII в. Но относительно записей о литовском князе Гедимине и татарских сказок этого нельзя сказать. Трудно объяснить, почему в сборник, почему в сборник с Пискаревским летописцем помещены сообщение о великом литовском князе Гедимине и татарские сказки. Присутствие их в сборнике нетипично для кодексов того времени, они представляются не связанными с основным текстом Пискаревского летописца, т.к. в последнем не замечено особого интереса ни к Литве, ни к родам литовского происхождения, ни к татарам. Вряд ли три заметки Пискаревского летописца, связанные с Литвой, могут служить доказательством особого внимания составителя именно к Литве: под 6934 г. рассказано о походе князя Витовта на Псков, под 6938 г. говорится о том, что митрополит Фотий находился в заложниках у Витовта, после смерти последнего новый князь Свидригайло освободил митрополита, под 7043 г. помещена заметка о походе на Литовскую землю. Все известия о Литве ограничиваются этими сообщениями, они посвящены взаимоотношениям Русского государства с Литвой, в памятнике не встречается больше ни одной заметки по истории последней.

На протяжении XVIII–XIX вв. кодексом, содержащим Пискаревский летописец, владели разные люди. В XVIII в. он принад-

¹³ Яковлева О. А. Пискаревский летописец. С. 7–9.

лежал некоему Михаилу Полевскому, который первоначально был «служителем» княжны Екатерины Алексеевны Голицыной, а позже – графа Михаила Илларионовича Воронцова (кроме этого, ни о М. Полевском, ни о прочих владельцах рукописи нельзя ничего сказать. У нас нет сведений не только о их биографии, но и о социальном происхождении). Об этом в рукописи имеются надписи XVIII в., сделанные чернилами. После Михаила Полевского летописец принадлежал некоему Александру Емельянову. На листе 2 почерком второй половины XVIII в. чернилами написано: «Из книг Александра Емельянова». Кто были дальнейшими владельцами рукописи – неизвестно, хотя пометы XIX в. свидетельствуют о том, что она читалась позже. Так, на листе 3 почерком начала XIX в. написано: «Оная книга очень писана связна, при ком писано, тот и умеет читать, а мы не умеем». И здесь же, ниже, другим почерком этого же времени написан чернилами следующий ответ на это замечание: «Не справедливо, мой друг, это ты сказал: когда ты был младенец, то, что написал теперь, и таво не знал»¹⁴. Знание владельцев рукописи дает представление о бытовании Пискаревского летописца в последующее время, об интересе к нему. Но для Пискаревского летописца наше знание является неполным, мы знаем имена только нескольких его владельцев. В XIX в. рукопись принадлежала московскому купцу Д. В. Пискареву (запись на л. 1об.), от которого и получила свое название. Он был известным московским книгопродавцем, помогал таким коллекционерам, как М. П. Погодин и А. И. Хлудов, но более подробных сведений об этом человеке не сохранилось¹⁵. Рукопись была передана Д. В. Пискаревым в Румянцевский музей, нынешнюю Государственную библиотеку. Точный год передачи не указан. О. А. Яковлева приводит запись об этой передаче: «...Здесь же почерком XIX в. карандашом записано: «Пискарев № 177 и 75 руб.», т.е. либо сам Пискарев, либо музей у Пискарева купили эту рукопись за 75 руб.»¹⁶

¹⁴ Яковлева О. А. Пискаревский летописец. С. 11–12.

¹⁵ Полунина Н., Фролов А. Коллекционеры старой Москвы. М., 1997. С. 262, 372.

¹⁶ Яковлева О. А. Пискаревский летописец. С. 10.

3) Пискаревский летописец: источниковедческий аспект изучения

В предисловии к первой публикации Пискаревского летописца О. А. Яковлева так охарактеризовала задачи своего труда: «Для того чтобы дать полную и правильную оценку сообщаемых сведений, надо произвести детальное исследование их и сопоставление с другими источниками. Наше же предисловие ограничивается лишь кратким указанием на разнообразные данные по социально-экономической, политической, культурной и бытовой истории нашей Родины, содержащихся в записках москвича-современника, послуживших источником для “ПЛ”»¹⁷. О. А. Яковлева установила, что Пискаревский летописец включает в себя «выписки из древней летописи, большей частью соответствующие по своему тексту Патриаршей или Никоновской летописи, хотя и не совпадающие с нею во всех частях. Эти выписки относятся к 1533–1554 гг.; выписки, основанные на воспоминаниях некоего москвича, написанные в период с 1612 по 1615 г. Они рассказывают о событиях, начиная с конца 30-х гг. XVI в. и кончая 1615 г., которым датирована казнь Ивана Заруцкого, Марины Мнишек с сыном и Федора Андронова»¹⁸. Исследовательница, основываясь на собственных наблюдениях, датировала время написания рукописи между 1621–1625 гг., т. к. самой поздней датой, встречающейся в основном тексте летописца, является 1621 г., под которым помещена заметка о поставлении в Тобольской епархии митрополита Киприана, а самая ранняя приписка к тексту летописца сделана в 1625 г. О. А. Яковлева отметила, что главный интерес Пискаревского летописца заключается в сообщаемых автором новых фактических сведениях, которые нередко уточняют и исправляют ряд искажений (исследовательница не оговаривает, какие именно искажения она имеет в виду)¹⁹. Как уже отмечалось выше,

¹⁷ Яковлева О. А. Пискаревский летописец. С. 14.

¹⁸ Там же. С. 13.

¹⁹ Там же. С. 16.

О. А. Яковлева не проводила подробного исследования Пискаревского летописца, поэтому ее мнение о нем как памятнике достоверном представляется недостаточно убедительным.

К числу новых сведений Пискаревского летописца О. А. Яковлева отнесла следующие: сообщение под 1539 г. о месте погребения Алексея Адашева (город Углич, Покровский монастырь); под тем же годом – о центре правления в эпоху управления Русской землей Адашевым и Сильвестром – избе в Московском Кремле около Благовещенского собора; пребывание Алексея Адашева в Турции под 1539 г.; сообщение об утвержденной грамоте 1598 г., по которой Борис Годунов был избран на царство; о маневрах русского войска в 1598 г. во время приема Борисом Годуновым крымского посла; о том, что Григорий Отрепьев, перед тем как бежать в Польско-Литовское государство, посетил инокиню Марфу в монастыре, договорился с ней о том, что она признает в нем своего сына, и получил от нее в благословение крест царевича Дмитрия под 1603 г.²⁰ К числу новых сведений были отнесены также следующие сообщения: о видении митрополиту Макарию об опричнине под 1560 г.; о подозрительном отношении царя Бориса Годунова к верхам служилого сословия и о доносах ему боярских людей под 1600 г.; о сохранении после смерти Лжедмитрия I чинов и земельных владений за теми, кому он дал их под 1603 г.; о политическом сыске при Грозном без указания даты; о мятеже в Москве после смерти Грозного под 1584 г.; о женитьбе Лжедмитрия I в Польско-Литовском государстве на Марине Мнишек под 1603 г.; о голоде, хлебных ценах и раздаче населению денег при царях Борисе и Василии Шуйском и в эпоху междуцарствия под 1601, 1611, 1612 гг.; о присылке митрополитом Макарием Ивану Грозному погребальня под 1560 г.; о малолетнем князе Иване Андреевиче Шуйском и дядьке его под 1586 г.; о жизни в московском Новодевичьем монастыре царицы Ирины под 1604 г.; о пожаре в этом же монастыре того же года; о свадьбах в Москве при Лжедмитрии I под 1603 г.; о попытках добычи золота и серебра из руды под 1569 г.²¹ О. А. Яковлева отметила также, что Пискаревский летописец содержит много новых сведений о строительстве

²⁰ Яковлева О. А., Яковлев А. И. Новая летопись. С. 27.

²¹ Там же. С. 27.

в Москве и других городах. Однако все эти сообщения были только перечислены, но не проанализированы. Поэтому для проверки оригинальности и достоверности перечисленных выше сведений потребовалось подробное источниковедческое изучение нами Пискаревского летописца.

После публикации О. А. Яковлевой Пискаревский летописец уже не исчезал из поля зрения исследователей. Особенности этого памятника как исторического источника изучали М. Н. Тихомиров, А. А. Зимин, Р. Г. Скрынников.

М. Н. Тихомиров подтвердил вывод О. А. Яковлевой о Пискаревском летописце как памятнике московского происхождения: «Перед нами редкий источник, – писал он, – в котором ярко чувствуется московский говор XVII в., с сильно выраженным “аканьем”... Уже по своему языку Пискаревский летописец – памятник московского происхождения. По содержанию этот летописец также произведение, целиком связанное с Москвой и московскими событиями...»²² В то же время М. Н. Тихомиров не согласился с О. А. Яковлевой, которая считала весь Пискаревский летописец воспоминаниями некоего московского приказного человека: «Прежде всего вызывает сомнение само определение записей Пискаревского летописца как “воспоминаний” москвича, так как невозможно приписать одному и тому же автору разнородные по стилю и политической направленности летописные записи нашего источника. Перед нами текст, явно написанный разными лицами в разное время... Конечно, можно предполагать, что различные источники были обработаны одним человеком, и следы такой обработки действительно заметны. Однако невозможно представить себе, чтобы один и тот же человек (на протяжении нескольких страниц) писал в совершенно разном аспекте, допустим, о царствовании Бориса Годунова. Так, часть известий о Борисе Годунове дает высокую оценку его деятельности. Борис Годунов постоянно именуется “слугой и конюшим”, а позже “государем царем”. Другие же известия говорят о нем как о ‘сластодержителе мира сего’, желавшем царского престола и организовавшем убийство царевича Дмитрия Углицкого. В первых известиях виден сто-

²² Тихомиров М. Н. Пискаревский летописец как источник о событиях XVI – начала XVII вв. // Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 232.

ронник Годуновых, вторые написаны приверженцем Шуйских»²³. Такое мнение М. Н. Тихомирова представляется не вполне обоснованным, противоречивые оценки Бориса Годунова встречаются не только в Пискаревском летописце, но и в других памятниках Смутного времени. Так, князь Семен Иванович Шаховской в «Летописной книге» писал о Борисе Годунове: «Той же Борис образом своим и дела множество людей превзошед, никто бе ему от царских синьклит подобно в благолепии лица его и в разсужении разума его, милостив и благочестив, паче же во многом разсужении доволен, и велеречив зело, и в царствующем граде многое диве особе творяще». Но в то же время автор «Летописной книги» не умолчал и об отрицательных качествах шурина царя Федора Ивановича: склонности обвинять людей по ложным доносам и властолюбию²⁴.

М. Н. Тихомиров первым поставил вопрос о происхождении статей Пискаревского летописца со сведениями о времени Ивана Грозного. При датировке этих известий он обратился к статье 1569 г., сообщающей о свадьбе дочери Владимира Андреевича Старицкого Марии. Она была выдана замуж за шведского короля Магнуса. После смерти мужа королева Мария вернулась с дочерью в Москву. Это произошло уже при царе Федоре, в 1586 г., и все статьи об опричнине датируются не позднее этого года. В отличие от О. А. Яковлевой, которая не стала решать вопрос, для кого и с какой целью был создан Пискаревский летописец, М. Н. Тихомиров попытался выявить социального заказчика памятника. Он определил Пискаревский летописец как компиляцию сторонника Шуйских. Этот летописец ставил своей целью очернить всех возможных претендентов на престол после смерти царя Федора Ивановича и поэтому сообщал почти всегда благоприятные сведения о князьях Шуйских²⁵. М. Н. Тихомиров предположил, что заключительная часть Пискаревского летописца, которая по всем признакам была написана по позднейшим припоминаниям (исто-

²³ Тихомиров М. Н. Пискаревский летописец как источник о событиях XVI – начала XVII вв. С. 233–234.

²⁴ Шаховской С. И. Летописная книга // Памятники литературы Древней Руси конца XVI – начала XVII вв. М., 1988. С. 361–362.

²⁵ Тихомиров М. Н. Пискаревский летописец как источник о событиях XVI – начала XVII вв. С. 234, 245.

рик не указывает, на основании каких наблюдений он пришел к такому выводу), была составлена в среде московских печатников: «Пискаревский летописец в своей заключительной части может быть сопоставлен с таким источником, как “Сказание известно о воображении книг печатного дела...” В “Сказании” очень близко к Пискаревскому летописцу говорится о воцарении Романовых. Царь Михаил назван в “Сказании”, как и в летописце, ‘племянником’ царя Федора, тогда как позже его предпочитали называть внуком царя Ивана Грозного. Автор “Сказания” среди злодеев и изменников особо отмечает Фedyку Андрoнова, о казни которого сообщает и Пискаревский летописец. В “Сказании” говорится также о том, что печатники, и в их числе Никита Федоров сын Фофанов, бежали в Нижний Новгород “от насилия и страха тех сопостат” (имеются в виду поляки)».

Из числа таких людей, по мнению М. Н. Тихомирова, и вышел создатель Пискаревского летописца, повествование которого о событиях 1612–1615 гг. написано так, что заставляет предполагать, будто автор повествования жил в это время не в Москве и писал о московских событиях с чужих слов (исследователь не привел аргументов немосковского происхождения заключительной части Пискаревского летописца для доказательства своего вывода). М. Н. Тихомиров обратил внимание на наблюдение М. В. Щепкиной о большом количестве различных водяных знаков в Пискаревском летописце. По его мнению, это свидетельствует о том, что при создании летописца использовался запас «самой разной, вероятнее всего, казенной бумаги». Из этого следовал вывод о том, что тогда «предположение о лице, написавшем летописец, начинает приобретать вероятие». Только человек, связанный с Печатным двором, мог иметь свободный доступ к казенной бумаге. Исследователь, анализируя социальное положение автора летописца, атрибутировал его псковскому печатнику Никите Фофанову: «Пискаревский летописец был составлен в среде печатников, может быть, даже Никитой Фофановым»²⁶.

М. Н. Тихомиров, предложив гипотезу о Никите Фофанове как возможном авторе памятника, не настаивал на ее беспорности.

²⁶ Тихомиров М. Н. Пискаревский летописец как источник о событиях XVI – начала XVII вв. С. 246–247.

Но тем самым впервые был поставлен вопрос о принадлежности Пискаревского летописца конкретному автору. До этого времени Пискаревский летописец рассматривался как безымянный памятник московского происхождения.

После М. Н. Тихомирова изучением источников Пискаревского летописца занимались и другие ученые. Почти все они рассматривали лишь отдельные свидетельства Пискаревского летописца, связанные с интересующей их темой. Поэтому, если не считать статей О. А. Яковлевой и М. Н. Тихомирова, памятник до конца XX в. так и не получил общей характеристики в исторической литературе. Но все же полностью игнорировать проблемы, затрагивающие источники Пискаревского летописца, оценку его сведений, исследователи не могли. При этом неизбежным было то, что вопросы происхождения и степени достоверности статей Пискаревского летописца разбирались с разной степенью подробности, в зависимости от интересов и потребностей того или иного историка.

Так, А. А. Зимин ограничился краткой характеристикой Пискаревского летописца: «Свежие, хотя и не всегда точные, сведения находятся в Пискаревском летописце и в хронографе 1617 г.»²⁷ (Одной из областей научных интересов А. А. Зимина была история опричнины, и он прежде всего обращал внимание на заметки Пискаревского летописца о том времени.) Но исследователь не объяснил, в чем он видел неточность этих сведений, потому что памятник не был им проанализирован.

В отличие от А. А. Зимина Р. Г. Скрынников, также занимающийся историей того периода, дал более подробную источниковедческую характеристику своду в целом. Он пытался оценить достоверность известий летописца, посвященных опричнине: «Наряду с легендарными сведениями Пискаревский летописец включает в себя много достоверных сведений об опричнине. Пискаревский летописец оказался единственным источником (помимо синодика), в котором точно названо место казни В. А. Старицкого»²⁸. Исследователь обратил также внимание на происхождение источников тех статей памятника, где содержатся известия об опричнине.

²⁷ Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 75; М., 2001. С. 62.

²⁸ Скрынников Р. Г. Начало опричнины. Л., 1966. С. 62–63.

По Р. Г. Скрынникову, составители Пискаревского летописца использовали разнообразные источники. Среди них выделялась московская официальная летопись 1533–1564 гг. Но, по мнению Р. Г. Скрынникова, она могла послужить только косвенным источником Пискаревского летописца. Он писал, что доступ к официальным летописям был ограничен при Грозном и его преемниках, и поэтому авторы Пискаревского летописца не могли ими пользоваться. Но, вероятно, они имели возможность справляться с краткими разрядными книгами, сообщающими сведения о походах, строительстве крепостей и т.д. Р. Г. Скрынников согласился с мнением О. А. Яковлевой и М. Н. Тихомирова о том, что Пискаревский летописец был составлен в кругах, близких роду князей Шуйских. Он трактовал это обстоятельство как придающее источнику особую ценность, потому что летописец оказался одним из немногих памятников периода опричнины, передающих традицию земского происхождения²⁹. Р. Г. Скрынников критически осмыслил сообщение Пискаревского летописца об учреждении опричнины. Он писал, что «один из поздних источников» (имеется в виду Пискаревский летописец) утверждает, будто царь учредил опричнину по совету В. М. Юрьева. Но исследователь подверг сомнению достоверность подобного сообщения: «Пискаревский летописец в начале XVII в. возник в кругах, близких Шуйским, а следовательно, враждебных Захарьиным. Главным опровержением приведенной им версии служит тот факт, что В. М. Юрьев никогда не был принят в опричнину. Трудно представить, чтобы инициатор опричнины мог остаться вне опричнины»³⁰. Однако и Р. Г. Скрынников не провел систематического анализа памятника в целом. Как видно, Р. Г. Скрынников ограничивал источниковедческую характеристику памятника только разбором статей, сообщающих об опричнине. Это можно объяснить тем, что он обращался к Пискаревскому летописцу прежде всего как к источнику о терроре периода правления Ивана Грозного.

Как видим, и А. А. Зимин, и Р. Г. Скрынников интересовались Пискаревским летописцем лишь в качестве источника по истории опричнины. Их изучение памятника не выходило за рамки этой

²⁹ Там же.

³⁰ Скрынников Р. Г. Начало опричнины. С. 301–302.

темы. Историки не рассматривали его как особый памятник летописания XVII в., не анализировали его в контексте сборника, в котором он сохранился, и тем более не ставили вопрос о его отличиях от ранних сводов.

Только в последние годы Пискаревский летописец начал привлекать внимание историков в качестве «особого представителя» позднего русского летописания. Это связано с изменившимся отношением к источнику в историографии конца XX в. К нему перестали подходить потребительски, видеть в нем исключительно хранилище исторических фактов, а стали рассматривать как явление своего времени. Источник можно изучать не только исходя из тех сведений, которые он дает для исторических построений, он должен быть также понят исходя из реалий своей эпохи. Такой подход позволяет получить историческую информацию даже в недостоверном сообщении источника. Известие, ошибочное фактически, дает возможность увидеть отношение к событию людей прошлого.

Новое понимание места и роли источника не могло не сказаться и на исследованиях историков. Так, В. Г. Вовина и Я. Г. Солодкин провели сравнительное изучение Пискаревского летописца и других летописей, нарративных сочинений и документов Смутного времени. Пискаревский летописец для этих исследователей не только источник по истории какого-либо периода, но и памятник, помогающий понять особенности позднего летописания. Для нашей темы особенно интересно то, что В. Г. Вовина провела сравнение некоторых статей со сведениями о Смутном времени Нового и Пискаревского летописцев. Отметив ряд совпадений в их чтениях, исследовательница установила, что составители Пискаревского и Нового летописцев независимы друг от друга. Рассматривая оба летописца, нельзя обнаружить и общего источника, во всяком случае, протограф здесь невозможно выделить с той же легкостью, что и для раннего летописания.

В. Г. Вовина отметила отличия в содержании Пискаревского и Нового летописцев. Так, она проследила, что в рассказе о будущем еретичестве Григория Отрепьева в Пискаревском летописце патриарха Иова, на подворье которого остановился Григорий Отрепьев, предупреждает ростовский митрополит Варлаам, а в Новом летописце тот же ростовский митрополит назван Ионой;

Новый летописец называет имена двух казаков, посланных из Москвы Иваном Заруцким убить князя Дмитрия Пожарского, Пискаревский же летописец пишет о казаках и детях боярских, но не сообщает их имена; и в том, и в другом летописце покушавшиеся ошиблись и ранили случайных людей, но по Пискаревскому летописцу был ранен сын боярский, ведший князя, а по Новому – казак Степанко перезал ногу казаку Роману³¹. Близость сюжетов подобных рассказов ставит исследователя в тупик. Эти явные совпадения и, в то же время, разночтения, нельзя объяснить, если исходить из традиционного шахматовского представления о летописных сводах, протографах, списках.

Особой заслугой В. Г. Вовиной является ее вывод о необходимости выработки нового подхода к поиску источников в поздних летописях, исследование которых требует новой методики: «Очевидно, что, обнаружив эти параллели, мы не сможем далее сдвинуться с места в их интерпретации, если будем подходить к поздним летописям, как того требует “классическая методика”»³². Поиск общего источника, к которому восходят оба памятника, или установление происхождения одного источника от другого в этом случае не всегда оправдывает себя. Как видно из статьи В. Г. Вовиной, здесь наблюдается сходство не собственно текстов, а сюжетов. В раннем летописании подобие двух источников принято рассматривать либо как заимствование одним источником сведений другого, либо как свидетельство того, что оба текста восходят к общему протографу. В позднем летописании проследить взаимовлияние текстов гораздо сложнее. Сходство здесь уже не может служить безусловным доказательством о заимствовании летописями сведений друг друга или об общем источнике. Дело в том, что поздние своды могут строиться на основании сразу нескольких похожих источников.

Таким образом, сравнительное изучение двух интересующих нас летописцев выводит на проблему развития позднего летописания в целом. Перед нами стоит вопрос о том, насколько широкое

³¹ *Вовина В. Г. Новый летописец и спорные вопросы изучения позднего русского летописания // ОИ. 1992. № 5. С. 120.*

³² Там же. С. 124.

распространение в XVII в. получили такие своды, как Новый и Пискаревский летописцы.

Изучение поздних летописей требует пристального внимания к методам отбора и обработки составителями своего материала. Специально занимался исследованием особенностей обработки, редактирования источников в Пискаревском летописце и других произведениях Смутного времени Я. Г. Солодкин. Он отметил, что в первой части Пискаревского летописца составитель часто не указывает, откуда он черпает информацию: «В Пискаревский летописец вставлены повести о тверском Отроче и новгородском Шилове монастырях, приведено краткое “Сказание о новгородском белом клобуке”. Обращение компилятора к источникам данной части летописца оговорено не всегда. Так, составитель Пискаревского летописца дважды заимствовал из одного из них сообщения за 7054 г., но лишь однажды сопроводил их пометой «В сем летописце прописано»³³. Кроме того, исследователь отмечает еще две особенности обработки источников в Пискаревском летописце:

- 1) выборочное использование бывших в распоряжении составителя свода материалов, что вело часто к изменению их содержания;
- 2) пополнение соответствующих разделов летописца информацией из ранее цитированных источников³⁴.

Я. Г. Солодкину удалось установить некоторые источники Пискаревского летописца, не выявленные предшествующими исследователями. В частности, он считает, что Степенная книга послужила основой для статьи о «чудесах» великого князя Даниила Александровича Московского и известия о пророчестве Василия Блаженного, касающемся пожара 1547 г. в столице. Статья об издании Царского судебника, по мнению Я. Г. Солодкина, повторяет заглавие самого этого кодекса. Исследователю удалось также доказать близость, если не полную текстуальную зависимость многих статей Пискаревского летописца от краткого летописца 1533–1574 гг., изданного М. Н. Тихомировым. Кроме того, Я. Г. Солод-

³³ Солодкин Я. Г. О проблеме использования источников в Пискаревском летописце и своде Исидора Сназина // Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании. М., 1996. С. 189.

³⁴ Солодкин Я. Г. О проблеме использования источников в Пискаревском летописце и своде Исидора Сназина. С. 189.

кин высказал предположение о возможности дополнения этого краткого летописца сообщениями о событиях 1612–1613 гг. на Вологде, происхождение которых он не уточняет.

Многие записи в Пискаревском летописце, как считает автор, восходят к «разрядам» (например, сведения о Ливонской войне, о первых сибирских воеводах, отражении крымского вторжения 1591 г., о Русско-шведской войне конца XVI в., об основании города Царева-Борисова, о «посылке» войск в Грузию в 1603/1604 г.)³⁵. Однако, как подчеркивает исследователь, скорее всего, в этих случаях компилятор обращался не непосредственно к разрядным записям, а к какому-то летописцу, использовавшему их³⁶. К сожалению, высказывая эти гипотезы, Я. Г. Солодкин не приводит параллельных текстов, что существенно затрудняет их проверку. Поэтому остается открытым вопрос о том, в составе какой летописи читались разрядные записи, была ли она известна автору Пискаревского летописца, или же составители последнего сами провели летописную обработку разрядов.

Особое внимание исследователь уделяет происхождению некоторых документальных источников Пискаревского летописца: «Документы, разоблачающие Лжедмитрия I (большинство из них помещено в приложении ко второй “окружной” грамоте Шуйского), и “крестоцеловальная запись” царя Василия, по-видимому, попали в компиляцию в составе ее летописного источника. Названная ‘запись’ сопровождается комментариями, по стилю и идейной направленности не отличающимися от непосредственно предшествующего им текста. Документы 1606 г., сопутствующие ‘окружной’ грамоте царя Василия, не воспроизведены целиком, а пересказаны»³⁷. Выявление этих источников существенно развивает наши представления о степени достоверности сообщений Пискаревского летописца. В то же время Я. Г. Солодкин, в отличие от своих предшественников, считает, что составитель Пискаревского летописца не пользовался другим документом – Утвержден-

³⁵ Пискаревский летописец. С. 192–193, 195–197, 202, 204.

³⁶ Солодкин Я. Г. О проблеме использования источников в Пискаревском летописце и своде Исидора Сназина. С. 188–189.

³⁷ *Он же*. О документальных источниках Пискаревского летописца // Восточная Европа в древности и в средневековье. М., 1998. С. 109.

ной грамотой об избрании Бориса Годунова царем. В частности, для объяснения своего положения ученым подчеркивается следующее обстоятельство: «Но в летописце сказано, что после кончины Федора Ивановича Ирина “прияша власть” на “малое время”, пока Бог ‘царя даст’ и ‘вся земля’ ей присягнула, тогда как по “Утвержденной грамоте” овдовевшая государыня “не изволила” быть на престоле, отклонила челобитную всего народа и приняла постриг в Новодевичьем монастыре. В грамоте пространно описаны многодневные ‘моления’ Бориса Годунова и иноки Александры; в летописце указана только дата наречения на царство Бориса, получившего благословение сестры после крестного хода в Новодевичий монастырь. Если в “Утвержденной грамоте” инициатива ее составления приписана земским “чином”, то в Пискаревском летописце с явным осуждением сообщается, что царь Борис велел всем написать и скрепить подписями ‘излюблену’ запись, и это было немедленно сделано»³⁸. Однако такой негативный вывод порождает другой вопрос, на который исследователь не отвечает: если Утвержденная грамота не является источником Пискаревского летописца, то какой памятник был использован его создателем при рассказе об избрании царем Бориса Годунова?

В более поздней работе Я. Г. Солодкин суммирует выводы, сделанные О. А. Яковлевой и М. Н. Тихомировым, а также собственные наблюдения над источниками Пискаревского летописца. В данном пособии исследователь уделяет особое внимание проблеме датировки Пискаревского летописца: «Вероятно, – подчеркивает он, – в основу оригинальной части компиляции был положен летописец, поначалу доведенный до 1612/1613 г. Сообщив об отправке в Литву низложенного Василия Шуйского с братьями и судьбе его жены, автор летописца замечает: “А кровь льетца и до нынешнего дни 121-го, а вперед Бог весть” (позднейшая запись сделана по счищенному тексту, который читается весьма отчетливо). Таким образом, один из источников ПЛ возник осенью–зимой 1612/1613 г., еще до воцарения Михаила Федоровича. Затем он был продолжен сообщениями о последующих событи-

³⁸ Солодкин Я. Г. О документальных источниках Пискаревского летописца // Восточная Европа в древности и в средневековье. М., 1998. С. 111.

ях»³⁹. Кроме того, Я. Г. Солодкин возвращается к наблюдению М. Н. Тихомирова, заметившего, что Пискаревский летописец завершается статьей «О Ивашке Заруцком». В этой статье, в частности, говорится об отправке в 1614 г. плененных астраханцами И. Заруцкого, М. Мнишек и ее сына к «государю». М. Н. Тихомиров при этом считал, что статья об избрании Михаила Федоровича является припиской основному тексту компиляции. По его мнению, идейная направленность и стиль заметки не отличается от большинства предыдущих. Однако Я. Г. Солодкин не согласен с таким выводом. Для обоснования своего мнения он приводит следующие аргументы, обращая прежде всего внимание на стиль различных заметок памятника: «Библейская фраза “кто разумеет ум господень, или кто советник ему” имеется и в рассказе о воцарении Бориса Годунова. Формулировку “венчался царским венцом” находим и в известиях о коронации Федора Ивановича и Шуйского. Сообщение о том, что ‘над ним’ (Михаилом Федоровичем) по законному обычаю молитву говорили нареченную... и крест животворящий на него положили по закону, имеет аналогию в статье о вступлении на престол Шуйского. Выражения “и бысть тако”, “отворися град” также употребляются ранее. Наконец, автор, упомянувший о воцарении Михаила Романова (в статье о Заруцком), вряд ли мог воздержаться от описания этого крупного политического события»⁴⁰. Все это позволяет Я. Г. Солодкину отказаться от предположения М. Н. Тихомирова о том, что статьи 1625, 1626, 1645 гг. являются приписками к Пискаревскому летописцу. Они, на его взгляд, представляют собой органическое продолжение и завершение текста самого летописца, входят в его основной текст.

Не согласен исследователь и с О. А. Яковлевой, рассматривавшей статьи «сибирском взятии» как поздние добавления в текст Пискаревского летописца. Я. Г. Солодкин отмечает, исходя из наблюдений над особенностями обработки источников в летописце, что расширение хронологических рамок изложения при соблюдении тематического единства свойственно не только рассказу «О взятии Сибири», но и свидетельствам о кончинах удельного князя Владимира, царевичей Ивана и Дмитрия. Он обращает внимание

³⁹ *Он же*. История позднего русского летописания. М., 1997. С. 58–67.

⁴⁰ *Солодкин Я. Г.* История позднего русского летописания. С. 61–63.

на то, что разрыв между фактами, изложенными в заключительной статье Пискаревского летописца, и предшествующей записью составляет 18 лет, тогда как разница во времени между первыми событиями царствования Михаила, привлечшими внимание публициста, и заключительной статьей равна всего 4–8 годам. Кроме того, исследователь подчеркивает, что стиль летописных статей 1624/25–1626/27 гг. родственен многим предыдущим. Так, по его мнению, «выражения “во дни”, “богатество”, “благодать слепым, бесным и иным многое исцеление”, “и от тово пожару выгорело” находим не только в записях, посвященных событиям середины 1620-х гг., но и более ранних статьях Пискаревского летописца» (об исцелении от мощей царевича Дмитрия, о пожаре в Новодевичьем монастыре 1606 г.)⁴¹. Припиской к основному тексту Пискаревского летописца Я. Г. Солодкин считает только известие о событиях 1645 г., так как в ней название места погребения Михаила Федоровича отличается от предыдущего – в «соборной церкви Архангела Михаила» вместо просто: «Архангила». Все это свидетельствует, по мнению Я. Г. Солодкина, о том, что Пискаревский летописец представлял собой до 1645 г. единый памятник, а статьи 1625–1626 гг. он считает принадлежащими основному тексту летописца.

Таким образом, 20-е гг. XVII в., по мнению Я. Г. Солодкина, являются временем окончания работы летописца над произведением.

Помимо В. Г. Вовиной и Я. Г. Солодкина, источниковедческим изучением отдельных статей Пискаревского летописца занимался в 80-х гг. С. А. Морозов. Исследователь заинтересовался проблемой происхождения оригинальных сведений Пискаревского летописца. Он, в частности, обратил внимание на источники Пискаревского летописца за 1533–1554 гг. С. А. Морозов пришел к выводу, что в этих статьях в отдельных случаях нашел отражение летописец 1554 г. Последний же представлял собой сокращение летописца 1553 г. Так, историк подчеркнул, что уже первая статья этого источника, подобно большинству последующих, «сходна с летописцем 1553 г.». «Учитывая характер использования в Пискаревском летописце текста Воскресенской летописи (он не сокра-

⁴¹ Солодкин Я. Г. История позднего русского летописания. С. 61–63.

шался составителем Пискаревского летописца), можно предположить, – отмечал исследователь, – что составитель Пискаревского летописца имел перед собой рукопись с уже сокращенным по летописцу 1553 г. текстом». В пользу такого предположения говорит полная передача составителем Пискаревского летописца некоторых известий летописца 1553 г. Как считал С. А. Морозов, в основу текста летописца 1554 г. был положен текст, редакционно близкий именно к летописцу 1553 г. Статьи же 7062 и 7063 гг. нашли, по его мнению, соответствие в тексте Никоновской летописи. В то же время статья о колоколе «Лебедь» Пискаревского летописца текстуально отличается от статей летописца 1553 г. и других летописцев середины XVI в.⁴² Эту статью, по мнению С. А. Морозова, следует атрибутировать составителю или переписчику рукописи, в которой содержался текст летописца 1554 г., послужившего источником текста Пискаревского летописца. Но С. А. Морозов, приписав статью о колоколе «Лебедь» переписчику, не указал источника, из которого она была заимствована. Поэтому проблема поиска источников свода 1533–1554 гг. решена им не полностью.

4) Пискаревский летописец в трудах по истории России

Этот параграф специально посвящен рассмотрению тех проблем и тем, для изучения которых привлекался Пискаревский летописец. Как уже отмечалось, многие историки обращались к Пискаревскому летописцу для решения многих проблем источниковедения и вопросов истории России. При этом вопросы происхождения Пискаревского летописца и его общей характеристики как исторического источника волновали их в меньшей мере. Они оставили без внимания и вопрос о том, какое место занимают те или иные сведения в составе Пискаревского летописца, но полностью игнорировать Пискаревский летописец как памятник историки все же не могли. Их исследования в некоторых случаях затрагивали и источниковедческие проблемы, связанные с Пискаревским летописцем, в частности установление достоверности отдельных статей памятника.

⁴² *Морозов С. А.* К изучению источников Постниковского и Пискаревского летописцев // *ЛиХр* 1984. С. 74.

Чаще всего историки обращали внимание на те статьи летописца, где читаются рассказы, повествующие об опричнине и Смутном времени. Это, прежде всего, объясняется тем, что в составе Пискаревского летописца имеется ряд оригинальных сообщений, касающихся этих периодов. Нельзя не заметить и того, что история опричнины и Смутного времени вызывала на протяжении 50–90-х гг. XX в. у исследователей особый интерес, и поэтому они неоднократно обращались к известиям о них, сохранившимся в составе интересующего нас памятника.

Одна из первых статей Пискаревского летописца, содержащая сведения по истории опричнины, говорит о разделении государства на опричнину и земщину. В. И. Корецкий привлек эту статью для изучения земельной политики того времени. «С точки зрения земских землевладельцев, — отмечает историк, — суть опричной земельной политики передана в Пискаревском летописце... В этом неофициальном летописном рассказе подчеркивается момент опричной разделения русской земли, государства»⁴³. Здесь историк обратил внимание на то, что Пискаревский летописец дает возможность проследить отношение к опричнине земских людей. В. И. Корецкий заметил, что в летописи особо оговорено то, что высланные из опричных уездов землевладельцы лишились своих старинных вотчин и поместий и не получили взамен никакого земельного возмещения⁴⁴. Статья памятника углубляет и дополняет знания исследователей об опричной земельной политике.

Изучение взаимоотношений земщины и опричнины не ограничивается наблюдением В. И. Корецкого. Других историков также интересовали подобные сюжеты. В частности, споры исследователей вызвала статья, где приведены сведения о выступлении земских людей против опричнины. Разногласия возникли, прежде всего, из-за датировки этого события. А. А. Зимин относил выступление против опричнины к 1566 г. Однако еще П. А. Садиков, незнакомый с текстом Пискаревского летописца, предположил, что выступление ряда участников земского собора против

⁴³ *Корецкий В. И.* Развитие феодальной земельной собственности в России XVI в. // Социально-экономические проблемы российской деревни. Ростов, 1980. С. 40.

⁴⁴ Там же.

опричнины состоялось вскоре после назначения митрополитом Филиппа Колычева (25 июня 1566 г.). Этот вывод, по мнению А. А. Зимина⁴⁵, подтверждается свидетельством Пискаревского летописца, сообщающего о протесте земских людей против опричной политики Ивана Грозного (без точного указания на время): «И бысть в людех ненависть на царя от всех людей и биша ему челом, и даша ему челобитную за руками о опришнине, что не достоин сему бытии»⁴⁶.

На недовольство земских людей опричными порядками обратил внимание и Р. Г. Скрынников. «По свидетельству (Пискаревского. – С. X.) летописца, опричнина вызвала крайнее озлобление в земщине», – писал Р. Г. Скрынников. При этом он ссылаясь на тот же текст источника. По мнению исследователя, «летописец отметил, что в выступлении участвовали «все люди земли». Однако, как совершенно справедливо подчеркнул Р. Г. Скрынников, летописцем не называлась дата выступления⁴⁷. Вывод историк повторяет и значительно позже⁴⁸. Отсутствие датировки делает затруднительным для исследователей установить связь между летописным сообщением и историческим событием.

С. О. Шмидт, как и А. А. Зимин, датирует выступление против опричнины 1566 г.: «В позднейшем летописце (Пискаревском) вряд ли случайно произошло смещение событий: вслед за упоминанием о начале опричнины ('того же году') говорится о 'ненависти на царя от всех людей' и о челобитной за руками о опришнине, что не достоин сему бытии». «Видимо, – продолжает исследователь, – сходство событий 1564 и 1566 гг. было так велико, что оба протеста слились в один уже в представлении людей, писавших сравнительно скоро после этого времени»⁴⁹. В связи с этим наблюдением С. О. Шмидт приходит к выводу, что в одной статье автор Пискаревского летописца объединил под одним годом два разновременных события.

⁴⁵ Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 203.

⁴⁶ Пискаревский летописец. С. 190.

⁴⁷ Скрынников Р. Г. Начало опричнины. С. 343.

⁴⁸ Скрынников Р. Г. Царство террора. С. 293.

⁴⁹ Шмидт С. О. У истоков российского абсолютизма. М., 1996. С. 260–261.

В отличие от своих предшественников В. И. Корецкий в одной из поздних работ оспаривал датировку «массового выступления против опричнины» 1566 г.: «В исторической литературе стало обычным относить это известие к лету 1566 г. однако такая датировка не может быть принята, ибо о передаче челобитья говорится уже после сообщения о переезде царя на новый опричный двор (январь 1567 г) и до известия о гибели князя Владимира Андреевича Старицкого (осень 1569 г.). Следует также отметить, что и в летописных отрывках, и в Пискаревском летописце подчеркивается массовость и народность выступления, что не вяжется с известием о выступлении дворянских фрондеров, даже если принять их число, по Шлихтингу, в 300 человек»⁵⁰. Ссылаясь на Сокращенный временник, имевший, по его мнению, общий источник с Пискаревским летописцем, В. И. Корецкий связывал выступление против опричнины с волнениями посадского населения: «Еще более массовый характер выступление против опричнины, как возмущение посадского населения Москвы, всего посадского 'мира', а не земской дворянской оппозиции, предстает в Сокращенном временнике, имевшем общий источник с Пискаревским летописцем». «Все это, – заключал историк, – заставляет сблизить известие Пискаревского летописца не с событиями лета 1566 г., когда группа земских дворян выступила против опричнины, а с событиями лета 1568 г., когда против опричнины поднялось все посадское население Москвы, московский посадский "мир"»⁵¹. Таким образом, мы видим, что Пискаревский летописец не содержит точного указания даже на дату широко известного события. Это заставляет исследователей делать выводы на основе его сообщений с известной осторожностью.

Запись о выступлении земских людей против опричнины не является единственным сообщением, достоверность которого внушает сомнение. Другая статья Пискаревского летописца, вызвавшая противоречивые оценки исследователей, посвящена деятельности Алексея Адашева и священника Сильвестра. В Пискаревском летописце сообщается, что они сидели вместе в избе у

⁵⁰ Корецкий В. И. История позднего русского летописания второй половины XVI – начала XVII вв. М., 1986. С. 25.

⁵¹ Там же. С. 26.

Благовещенского собора и управляли Русской землей. Историки по-разному оценивали достоверность этой статьи. А. А. Зимин рассматривал известие об Адашеве и Сильвестре как вполне заслуживавшее доверие и даже ссылался на него при подтверждении достоверности других источников: «Свидетельства Грозного и Андрея Курбского можно подкрепить оценкой деятельности Адашева и Сильвестра, данной Пискаревским летописцем»⁵². С. О. Шмидт согласен с такой версией, но уточняет, что Адашев был известен царю еще до пожара 1547 г., а не стал известен во время пожара, как это описано в Пискаревском летописце, потому что Адашев и его жена названы в числе самых близких лиц к царю в «чине» царской свадьбы февраля 1547 г.⁵³ Исследователь объясняет причину такого смещения событий временной отдаленностью: «Но уже у ближайших современников царя приближение Адашева к царю и его возвышение связывали с событиями июня 1547 г. (близкая аналогия в рассказе Курбского). К 1547 г. отнесено возвышение Адашева и в Степенной книге А. Ф. Хрущова»⁵⁴.

Д. Н. Альшиц тоже ссылался на Пискаревский летописец, когда писал о высокой оценке современниками справедливого характера правления Адашева: «Современники высоко оценили справедливый характер правления Алексея Адашева, возглавлявшего фактически правительство, и участие в его работе священника Сильвестра»⁵⁵. Адашев и Сильвестр прежде всего осуществляли правосудие, наказывали бояр за челобитную волокиту.

Р. Г. Скрынников согласился с мнением об Адашеве и Сильвестре, высказанном автором Пискаревского летописца, но отметил фактическую неточность статьи об Адашеве и Сильвестре. Историк указал на то, что Адашев и Сильвестр не сидели вместе в избе у Благовещения: Сильвестр находился в Благовещенском соборе, а Адашев в приказной избе, стоявшей напротив этого собора⁵⁶. Р. Г. Скрынников обращался к свидетельству Пискаревского лето-

⁵² *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. М., 1960. С. 324.

⁵³ *Шмидт С. О.* У истоков российского абсолютизма. М., 1996. С. 324.

⁵⁴ Там же. С. 48.

⁵⁵ *Альшиц Д. Н.* Первый опыт перестройки государственного аппарата в России // Общественное сознание, книжность, литература периода позднего феодализма. Новосибирск, 1990. С. 245.

⁵⁶ *Скрынников Р. Г.* Начало опричнины. Л., 1966. С. 62–63.

писца, когда писал об Адашеве: «В своей общественной деятельности Адашев руководствовался принципами, которые спискали ему всеобщую популярность. Он любил справедливость, сурово карал приказных, повинных во взяточничестве и плутнях, не терпел боярской волокиты в судах»⁵⁷. Другое известие Пискаревского летописца о пребывании Адашева год в Константинополе Р. Г. Скрышников привел как бесспорный факт, ничем не аргументировав свой вывод⁵⁸.

А. Н. Гробовский является представителем другой точки зрения, диаметрально противоположной приведенным выше. Он не признает важной политической роли Адашева и Сильвестра и, соответственно, иначе оценивает известие о них Пискаревского летописца: «Бросим беглый взгляд на “некоего москвича” О. А. Яковлевой, чьи воспоминания дают такие важные и ценные сведения о Сильвестре, сведения, полностью подтверждающие рассказы Ивана Грозного и князя Курбского о всемогуществе священника... Подведем итог: оказывается, воспоминания “некоего москвича” в действительности основаны на воспоминаниях нескольких москвичей. Встает вопрос – кого именно? Я считаю очевидным, что, несмотря на восторженные заявления историков о содержащихся в Пискаревском летописце новых сведениях относительно власти и влияния Алексея Адашева и Сильвестра и их совместного управления Русской землей, в действительности эти новые сведения довольно стары»⁵⁹. А. Н. Гробовский отмечает, что единственные источники XVI столетия, которые дают характеристику Алексея Адашева и Сильвестра, соответствующую той, которую мы находим в Пискаревском летописце, по воспоминаниям москвичей, следующие: послания царя Ивана Грозного князю Курбскому, приписка к Царственной книге, сделанная царем Иваном, и рассказ князя Андрея Курбского, который представляет собой не что иное, как пересказ и зеркальное отражение гипербола Грозного. Исследователь сравнивает Пискаревский летописец с «Историей» князя Курбского, т.к. оба памятника одинаково пи-

⁵⁷ Там же. С. 162.

⁵⁸ Скрышников Р. Г. Царство террора. С. 99.

⁵⁹ Гробовский А. Н. Иван Грозный и Сильвестр (история одного мифа). Лондон, 1987. С. 146–147.

шут об Адашеве и Сильвестре: «Воспоминания какого москвича 'вспоминал' некий москвич, когда писал об Алексее Адашеве и всемогущем Силвестре, становится совершенно очевидно, если вспомнить несколько необычные привычки Алексея Адашева, касающиеся его образа жизни и еды, – так, как о нем сообщается в Пискаревском летописце: “А житие его было: всегда пост и молитва безпрестани, по одной просвиरे ел на день”»⁶⁰.

Продолжая сравнение, А. Н. Гробовский иронически замечает, что «поистине Алексей Адашев был, как писал князь Курбский, «ангелом подобен»⁶¹. Таким образом, исследователь рассматривает «Историю» Курбского и Пискаревский летописец как произведения, находящиеся в русле одной традиции, резко враждебной опричнине. Но А. Н. Гробовский не провел детального текстологического сравнения Пискаревского летописца и «Истории» Курбского, поэтому его вывод об общей традиции, связывающей Пискаревский летописец и «Историю о великом князе московском» представляется несколько опрометчивым. В летописце незаметно никакого влияния сочинения князя Курбского: заметка об Адашеве и Сильвестре является единственной, которая читается в обоих произведениях, но текстуально у них нет ничего общего. Противоположные оценки, даваемые исследователями сведениям Пискаревского летописца об одних и тех же событиях, показывают, что изучение этого памятника далеко от завершения.

Многие исследователи Пискаревского летописца обращались к нему для изучения истории опричного террора. А. А. Зимин взял из памятника сообщения о казнях в Пскове: «Во Пскове погибли игумен Псково-Печерского монастыря Корнилий и келарь (вероятно, упоминавшийся в синодиках Вассиан Муромцев)»⁶². Известие Пискаревского летописца о казнях историк оценивал как достоверное. В подтверждение его достоверности он ссылался на синодик, где названы те же лица, что и в Пискаревском летописце.

Другой историк опричнины, Р. Г. Скрынников, приводил свидетельства Пискаревского летописца, когда писал о казни Вла-

⁶⁰ Там же. С. 146–147.

⁶¹ Там же.

⁶² *Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 302; М., 2001. С. 190.

димира Андреевича Старицкого и его семьи: «В начале октября Старицкий прибыл на ямскую станцию Богану и разбил там свой лагерь... После короткого судебного “разбирательства” князь Владимир был доставлен 9 октября 1569 г. в царский лагерь и по приказу царя выпил кубок с отравленным вином. Вместе с ним приняли яд его жена и девятилетняя дочь Евдокия»⁶³. Р. Г. Скрынников обращался к Пискаревскому летописцу и тогда, когда писал о казни матери князя Владимира Андреевича Старицкого: «Опричники забрали старицу Евдокию из Горитского монастыря и на речных повезли в Слободу. 11 октября она была казнена. Царь “по дороге велел ее в судне в ызбе в дыму уморить”»⁶⁴. Свидетельство Пискаревского летописца о казни Евдокии Старицкой Р. Г. Скрынников приводил и в позднейшей монографии⁶⁵.

Обращение историков к памятнику как источнику по истории времени Ивана Грозного не ограничивалось только привлечением свидетельства о казнях. Статьи Пискаревского летописца о взаимоотношениях Москвы и крымских татар, передаче трона Симеону Бекбулатовичу также часто служили для историков источником, к которому они обращались в исследованиях по истории XVI в. А. А. Зимин ссылался на свидетельства Пискаревского летописца при описании пожара 1572 г., случившегося во время нападения на Москву крымского хана Девлет-Гирея: «Пожар был кратковременным, но катастрофическим: «Крымской царь посадки на Москве жег, и от того огня грех ради наших оба города выгорели, не осталось ни единые храмины, а горела всего три часа»⁶⁶.

Р. Г. Скрынников следовал тексту Пискаревского летописца при описании нападения татар на Москву в 1571 г.: «От взрывов, сообщает Пискаревский летописец, вырвало две стены городовых у Кремля»⁶⁷. Свидетельства Пискаревского летописца приводил и А. А. Зимин, рассказывая о гибели в битве при Молодях мурзы Теребердея, пленении суздальцем Темиром Алалыкиным мурзы Дивея, хитрости русских военачальников: «Во время сражения

⁶³ Скрынников Р. Г. Трагедия Новгорода. СПб., 1994. С. 79.

⁶⁴ *Он же*. Опричный террор. С. 127.

⁶⁵ *Он же*. Царство террора. С. 356.

⁶⁶ Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964; М., 2001. С. 272.

⁶⁷ Скрынников Р. Г. Царство террора. С. 450.

Девлет-Гирей взял в плен гонца с грамотами, которого послал русским военачальникам московский наместник Юрий Токмаков. В грамотах сообщалось, чтобы воеводы “Сидели (в Гуляй-городе) безстрастно, а идет рать наугородцкая многая”»⁶⁸. Р. Г. Скрынников писал о том же самом, только добавил, что ложные грамоты о походе царской рати побудили хана не к отступлению, как это представлено в летописце, а к более энергичным действиям⁶⁹.

В. Б. Кобрин использовал сведения из Пискаревского летописца, когда писал о переговорах Ивана Грозного с крымскими послами после нападения татар на Москву: «Переговоры Ивана IV начались в необычной атмосфере. По приказу царя во время аудиенции бояре были не в торжественном парчовом одеянии, а в простых черных одеждах. Пискаревский летописец сообщает, что и сам царь одел сермягу»⁷⁰.

Р. Г. Скрынников приводил данные Пискаревского летописца при описании казней 1570 г., передаче трона Симеону Бекбулатовичу и последующих вслед за этим казнях⁷¹. В. Б. Кобрин разбирает две версии о причинах передачи трона Симеону Бекбулатовичу: «Автор Пискаревского летописца передает противоречивые слухи, ходившие в то время среди русских людей. Одни утверждали, что царь испугался предсказания волхвов, напророчивших на этот год “московскому царю смерть”. Другие же полагали, будто царь “искушал люди: что молва будет в людех про то”. Больше доверия, чисто психологически, заслуживает первая версия. Ведь в колдунов и предсказателей тогда верили безоговорочно. Дела о “ведунах”, которых держали у себя для гаданий, весьма распространены. И все же не забудем, что даже автор Пискаревского летописца не утверждает истинности этого слуха, а пишет лишь, что “говорили неции”»⁷². В. Б. Кобрин показал здесь, что сам составитель Пискаревского летописца дал оценку достоверности

⁶⁸ *Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного. М., 1964; М., 2001. С. 272.

⁶⁹ *Скрынников Р. Г.* Царство террора. С. 450.

⁷⁰ *Кобрин В. Б.* Иван Грозный. М., 1989. С. 219.

⁷¹ *Скрынников Р. Г.* Опричный террор. С. 136; *Он же.* Царство террора. С. 485, 455–469; *Он же.* Трагедия Новгорода. С. 113, 148, 150–151.

⁷² *Кобрин В. Б.* Иван Грозный. С. 129.

своих сообщений и что он пользовался, скорее всего, «слухами», т.е. устными источниками.

К другим статьям Пискаревского летописца, основанным, вероятно, тоже на устных источниках, обращались Р. Г. Скрынников и С. О. Шмидт. Первый привел рассказ о пирах Ивана Грозного, когда царь велел составить список боярских речей: «Во время веселых пиров во дворце царь Иван не прочь был потешиться и пошутить не только над иноками, но и над ближними боярами»⁷³. Р. Г. Скрынников ничего не сообщил ни об отношении к этим пирам автора летописца, ни о том, как соотносится эта статья памятника с другими. О речах, на этот раз записанных в посаде, упоминает и С. О. Шмидт: «Можно лишь догадываться о том, что существовали письменные источники, в какой-то мере выражавшие умонастроения и “черных людей”, памятники “народной публицистики” – челобитные, “сказания”, подметные письма, тайные записи разговоров, которые велись в рядах московского торгового (как в последующие десятилетия, когда по заданию царя посылали “слушать в торг у всех людей всех речей и писати тайно”, и, ознакомившись однажды со “списком речей мирских”, Иван IV удивился мирскому волнению)»⁷⁴. В. Б. Кобрин оценивал такие сообщения Пискаревского летописца следующим образом: «Обстановку в стране и при дворе в последующие годы жизни царя хорошо рисует слух, записанный в Пискаревском летописце о “списке речей срамных”»⁷⁵. Но историки, процитировав эти «слухи», не определили их происхождение, не дали оценку достоверности подобных «речей».

Другая тема, для изучения которой исследователи обращались к Пискаревскому летописцу, касается кануна Смутного времени и последующих событий Смуты. Но, в отличие от событий времени опричнины и эпохи Ивана Грозного в целом, ссылки на Пискаревский летописец при исследовании Смуты и предшествующих ей годов в трудах историков встречаются реже. Возможно, объяснение такого предпочтения кроется в том, что от XVI в. сохранилось гораздо меньше источников, чем от Смутного времени. Но все же

⁷³ Скрынников Р. Г. Опричный террор. С. 162–163.

⁷⁴ Шмидт С. О. У истоков российского абсолютизма. М., 1996. С. 78.

⁷⁵ Кобрин В. Б. Иван Грозный. С. 135–136.

полностью игнорировать Пискаревский летописец исследователи, занимающиеся историей конца XVI – начала XVII в., не могли. При этом они часто не ограничивались иллюстративным привлечением памятника, а пытались дать оценку достоверности его сообщений.

Р. Г. Скрынников ссылался на свидетельства Пискаревского летописца, когда писал о народных волнениях после смерти Грозного: «...В случае успеха Бельский мог ликвидировать регентский совет и править от имени Федора единолично, опираясь на военную силу. Над Кремлем повеяло новой опричниной. Но Бельский и его приверженцы не учли одного важного фактора. Таким фактором была народная стычка у кремлевских ворот, послужившая толчком к восстанию». В подтверждение своего вывода Р. Г. Скрынников привел цитату из Пискаревского летописца: «Народ всколебался весь без числа со всяким оружием». Историк пришел к выводу, что факты заставляют признать участие в вооруженных выступлениях против вместе с городскими низами и купечества и дворян. Именно они подали сигнал к восстанию, вспыхнувшему сразу после смерти Грозного, что отмечено и в Пискаревском летописце. Молодой сын боярский, повествует летописец, проскакал тогда по столичным улицам, вопя во весь голос «в народе, что бояр Годуновы побивают»⁷⁶.

О народных волнениях, цитируя Пискаревский летописец, Р. Г. Скрынников писал и в другой монографии – «Россия накануне Смутного времени»⁷⁷. В работах «Борис Годунов», «Россия накануне Смутного времени» Р. Г. Скрынников опирался на этот же памятник при описании сражений с татарами под Москвой в 1591 г., богомолья в церквях за царицу Ирину⁷⁸. Последнее он выделил особо: «Православный люд был изумлен, услышав в церквях многолетие царице. Летописцы отметили этот факт как неслыханное новшество»⁷⁹. Таким образом, исследователь объяснил, поче-

⁷⁶ Скрынников Р. Г. Борис Годунов. М., 1978. С. 24–25.

⁷⁷ Он же. Россия накануне Смутного времени. М., 1980. С. 71.

⁷⁸ Он же. Борис Годунов. С. 64, 107; Он же. Россия накануне Смутного времени. С. 90, 126–127.

⁷⁹ Там же. С. 126.

му сообщение о богомолье за долголетие царицы Ирины попало в летописец.

Но Пискаревский летописец, в отличие от других источников, уделяет внимание царице Ирине не только из-за нарушения традиционного порядка православной литургии. Р. Г. Скрынников считал, что летописец проявлял особый интерес к царице, и привел для доказательства своего мнения статью Пискаревского летописца о строительстве крепости в Астрахани: «Ввиду опасности турецкого нападения на Астрахань русское правительство отдало приказ о строительстве крепости на переволоке между Доном и Волгой, названной Царицыным в честь Ирины Годуновой»⁸⁰. Но автор не объяснил причину особого внимания летописца к царице, т.к. не проанализировал это сообщение в контексте самого памятника.

Большой интерес историков вызывали статьи свода, связанные с Григорием Отрепьевым и другими событиями Смутного времени. Исследователи обратили внимание на рассказ Пискаревского летописца о скитаниях Григория Отрепьева по монастырям, но дали им совершенно различную оценку. Здесь, как и в ряде сообщений об опричнине, разногласия вызвала прежде всего достоверность события, описанного в Пискаревском летописце. В. Б. Кобрин не сомневался в том, что рассказ Пискаревского летописца соответствует действительности: «Автор летописца, хорошо осведомленный о различных слухах, бродивших по Руси, рассказывает, что Отрепьев перед побегом в Польшу проник в монастырь, где содержалась царица, “и, неведомо каким вражьи́м наветом, прельстил царицу и сказал ей воровство свое. И она ему дала крест злат с мощьми и камением драгим сына своего, благоверного царевича Дмитрея Ивановича Углецкого”»⁸¹. Р. Г. Скрынников же, наоборот, считал сообщения об этих событиях фантастическими, принадлежащими перу не слишком хорошо информированного человека: «Самый загадочный эпизод в биографии Отрепьева – его блуждания по провинциальным монастырям. Современники знали о них понаслышке и неизменно противоречили друг другу, едва начинали перечислять места, в которых побывал чернец.

⁸⁰ Скрынников Р. Г. Россия накануне Смутного времени. С. 54.

⁸¹ Кобрин В. Б. Кому ты опасен, историк? М., 1992. С. 91.

Хронология их рассказов и вовсе легендарна. Один из летописцев записал, что Гришка прожил три года в монастырьке под Галичем, а потом два года 'пребываше и безмолствоваше' в Чудове, но, кажется, этот летописец был не особенно осведомленным человеком. Железнодорожный Галичский монастырь Ивана Предтечи он почему-то именовал Живоначальной Троицы Костромского уезда. Совсем фантастичен его рассказ о посещении Отрепьевым царицы Марии Нагой в монастыре на Выксе»⁸².

В. И. Корецкий ссылался на Пискаревский летописец, когда писал о борьбе за власть в боярских кругах в 1606 г.: «Факт острой борьбы за власть в боярских верхах в мае 1606 г. подтверждается Пискаревским летописцем. Однако там на Лобное место с Шуйским выходил не Голицын, а Мстиславский. О кандидатуре Мстиславского писали Горсей и Маржерет»⁸³. Таким образом, исследователь, приводя примеры из других источников, подтвердил достоверность сообщения о событиях 1606 г. Пискаревского летописца.

Пискаревский летописец содержит сведения не только по общей русской истории, но и по некоторым частным вопросам. Многие исследователи обращаются к информации, содержащейся в Пискаревском летописце, при изучении истории строительства, книгопечатания, металлургии.

Как уже отмечалось, в XIX в. первым сослался на Пискаревский летописец как источник по истории строительства Покровского собора священник Иван Кузнецов⁸⁴. Пискаревский летописец, по его мнению, вполне достоверно объясняет пристройку лишнего Никольского придела в соборе в честь прибытия в Москву иконы святителя Николая. Летописец является, как считал И. И. Кузнецов, единственным источником, содержащим подобные известия о строительстве в храме лишнего придела. Но в составе Пискаревского летописца читается не только заметка о строительстве храма Василия Блаженного, но и о других сооружениях.

⁸² *Скрынников Р. Г.* Материалы для биографии Григория Отрепьева // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Л., 1976. С. 77.

⁸³ *Корецкий В. И.* История русского летописания второй половины XVI – начала XVII вв. М., 1986. С. 157.

⁸⁴ *Кузнецов И.* О постройке московского Покровского собора. С. 20–24.

Как источник по истории архитектуры Пискаревский летописец широко привлекал А. Л. Баталов. Известный историк архитектуры показал, что памятник содержит многочисленные известия о строительной деятельности времен Федора Иоанновича, Бориса Годунова: об изготовлении рак святым Кириллу Белозерскому, Макарию Калязинскому, сооружении Вознесенского собора в Московском Кремле, планах по строительству «Святая святых», сооружении деревянного города Царева-Борисова, сооружении Годуновыми самого большого колокола для Кремля и др., причем сообщения Пискаревского летописца в ряде случаев помогают уточнить датировку тех или иных храмов. Пискаревский летописец позволил отнести новый собор Пафнутия Боровского, сменившего постройку 1466 г., к концу XVI в., причем в летописце он ошибочно назван Успенским⁸⁵. Исследуемый нами памятник содержит также упоминание о некоторых московских монастырях, например о Иоанно-Предтеченском монастыре, где произошло чудо, предшествовавшее рождению великого князя Василия II⁸⁶. Майкл Флайер обратил внимание на то, что Пискаревский летописец сообщает дату учреждения «царского трона» в Успенском соборе, тогда как многие основные источники этого периода, в том числе Никоновская летопись, обошли молчанием это событие⁸⁷.

Заметки о строительстве привлекли внимание и Р. Г. Скрынникова. Историк привел статьи из Пискаревского летописца, в которых содержатся сведения о строительной деятельности Бориса Годунова и книгопечатании при нем: «Годунов проявлял исключительную заботу о благоустройстве столицы и укреплении городов. В Кремле был сооружен водопровод с мощным насосом, благодаря которому вода из Москва-реки поднималась по подземелью на Конюшенный двор. Борис велел выстроить каменный мост через Неглинную против Тверской улицы... При Борисе Годунове книги были «печатаны в разных городех»»⁸⁸. Исследователь рассматри-

⁸⁵ Баталов А. Л. Московское каменное зодчество конца XVI в. М., 1996. С. 21, 25, 33, 40–41, 58, 60, 62–63, 87, 88, 96–99, 101–102.

⁸⁶ Он же. Московский Иоанно-Предтеченский женский монастырь. М., 2005. С. 8–9.

⁸⁷ Флайер М. «Мономахов трон» Ивана Грозного в пространстве перед иконостасом // Иконостас. М., 2000. С. 602.

⁸⁸ Скрынников Р. Г. Россия в начале XVII в. М., 1988. С. 140.

вал Пискаревский летописец как источник, сообщающий дополнительные сведения о строительстве типографий и книгопечатании времен Бориса Годунова. По мнению Р. Г. Скрынникова, Пискаревский летописец дает представление о Борисе Годунове как о правителе, проявлявшем особую заботу об украшении и благоустройстве столицы, поэтому он и привел в своем исследовании сведения из этого источника.

Помимо Р. Г. Скрынникова, заметка о книгопечатании вызвала интерес у О. А. Яковлевой и Л. Н. Теплова. Исследователи также обратились к Пискаревскому летописцу для изучения книгопечатания времен Федора Ивановича и Бориса Годунова⁸⁹. Они пришли к выводу, что фактов о книгопечатании, приводимых в своде, недостаточно для каких-либо широких обобщений, тем более для вывода о том, что книгопечатание в начале XVII в., помимо Москвы, получило распространение и в других городах, в частности в Казани. Поэтому, чтобы получить новые факты по истории книгопечатания, необходимо детальное текстологическое исследование Пискаревского летописца и других современных ему памятников. О. А. Яковлева и Л. Н. Теплов отметили также, что заметку о строительстве можно истолковать и как сообщение о попытке устройства типографий в разных городах, и как свидетельство о том, что книги печатали на протяжении нескольких лет в Москве.

О. А. Яковлева рассматривала Пискаревский летописец в качестве источника по истории металлургии. Она отметила, что памятник сообщает интересные сведения о московском рудознатце конца XVI в.⁹⁰ Исследовательница опубликовала эти сведения в четвертом томе трудов Института истории естествознания за 1952 г. В опубликованной заметке говорилось о том, что в городе Твери появился человек, выплавляющий золото и серебро из руды. О нем сообщили царю Федору Ивановичу и привезли в Москву. Царю показалось умение рудознатца подозрительным, он счел его колдуном и приказал казнить. Такой случай интересен для изучения представлений людей Средневековья, он показывает, что

⁸⁹ Яковлева О. А., Теплов Л. Н. Новые данные о книгопечатании в конце XVI – начале XVII вв. // Полиграфическое производство. 1951. № 10. С. 26–27.

⁹⁰ Яковлева О. А. Любопытное известие о московском рудознатце конца XVI в. // Труды Института истории естествознания и техники. М., 1952. Т. 4. С. 443.

человек того времени относился к технике как к магии. Других сведений по истории металлургии, кроме статьи о рудознатце, исследовательница не привела.

Подведем предварительные итоги. Проведенные исследования Пискаревского летописца показали, что интересующий нас памятник содержит самые разнообразные сведения, нужные как для изучения событий общей истории, так и для исследования специальных вопросов. Но для того чтобы сделать вывод о том, в какой мере сведения Пискаревского летописца могут служить для решения разных проблем общей истории, истории строительства, металлургии и т.д., необходимо детальное источниковедческое исследование памятника. Без подобного исследования немыслима также оценка достоверности сообщений, их новизны и оригинальности. Историки часто обращались к Пискаревскому летописцу, но, за редкими исключениями, делали это без достаточного изучения свода в целом. Некоторые статьи Пискаревского летописца содержат противоречивую информацию об одних и тех же событиях, их достоверность вызывает споры исследователей. Решение подобных проблем требует детального изучения Пискаревского летописца. Последний неоднократно цитировался и в историографии, и уже сам факт частого обращения к памятнику показывает важность его исследования.

Исследователи установили некоторые источники Пискаревского летописца – летописец 1554 г., Степенную книгу, Царский судебник 1550 г. О. А. Яковлева дала описание кодикологии сборника, в составе которого сохранился Пискаревский летописец.

Историки часто обращались к Пискаревскому летописцу для исследований по истории опричнины, Смутного времени. Летописец интересовал их прежде всего как источник по определенной теме, но иногда попутно ставился вопрос и о достоверности сведений летописи. При исследовании истории опричнины, Смуты, как мы видим, появляется много спорных проблем: о датировке земского выступления против опричнины, характере правления Адашева и Сильвестра, достоверности «слухов» о Симеоне Бекбулатовиче, пирях Ивана Грозного и других событиях, скитаниях Григория Отрепьева по монастырям. На подобные вопросы историки не дают окончательных ответов. Пискаревский летописец, его источники, степень их достоверности недостаточно подробно

исследованы для этого. Многих Пискаревский летописец интересовал только в связи с теми историческими сюжетами, над которыми они работали, историки часто ограничивались цитированием его для иллюстрации разных примеров, не стараясь разобраться в происхождении и достоверности сообщений, а тем более понять их в контексте всего Пискаревского летописца. Поэтому общей источниковедческой характеристики, основанной на подробном текстологическом изучении, Пискаревский летописец не получил. Исследователями не был также поставлен вопрос, отличается ли Пискаревский летописец от ранних летописных сводов, насколько применима к его изучению классическая методика (этот вопрос был поставлен только В. Г. Вовиной для Нового летописца).

Решению этих вопросов и будут посвящены последующие главы.

Глава II

ИСТОЧНИКИ ПИСКАРЕВСКОГО ЛЕТОПИСЦА

Данная глава посвящена собственно текстологическим проблемам, связанным с Пискаревским летописцем: происхождению текста, анализу того, откуда появилось то или иное сообщение в интересующем нас памятнике, изучению состава источников. Здесь также будут рассмотрены вопросы новизны и достоверности сведений Пискаревского летописца по ранней русской истории, истории опричнины, Смуты. Ответы на поставленные вопросы позволят выявить источники летописного текста, из которых составитель летописи черпал информацию, проследить историю текста. Такое исследование поможет также установить степень оригинальности и достоверности известий Пискаревского летописца. Без этого трудно понять, что он дает как источник для изучения исторических реалий разных эпох, а также его особенности как позднего памятника, определить его место в кругу современных ему произведений.

1) Источники Пискаревского летописца, от ранней русской истории до середины XVI в. (862–1552 гг.)

Ранние сведения летописца являются его неотъемлемой, органичной частью, которые мы не можем исследовать в отрыве от всего летописца. Поскольку в работе он рассматривается как единое целое, нельзя не обратить внимания на источники о начальном периоде русской истории. Без их изучения невозможно, помимо всего прочего, оценить и степень оригинальности памятника.

О происхождении начальных статей свода в специальной литературе нет единого мнения. О. Я. Яковлева и М. Н. Тихомиров считали, что в основу этой части памятника положена летопись, близкая Никоновской¹. Однако оба историка не привели аргументов для доказательства того, что Пискаревский летописец заимствовал сведения именно из Никоновской летописи. Их вывод не был подкреплён подробным изучением текста памятника. Составитель предисловия к последнему изданию Пискаревского летописца В. И. Буганов отмечал сходство его начальной части с Воскресенской летописью². Но все эти выводы сделаны без полного текстологического анализа Пискаревского летописца, не проведено детальное сопоставление его с другими источниками. Так как в литературе неоднократно отмечалось сходство Пискаревского летописца с Воскресенской и Никоновской летописями, привлечем для сравнения оба памятника. Подобное сравнение приводится впервые, в историографии его никто не предпринимал.

Если сопоставить Пискаревский летописец и Никоновскую летопись, то до 6683 г. они похожи, хотя не всегда совпадают текстуально. Приведем несколько характерных примеров:

Никоновская:	Пискаревский:
«6391 – иде Олег на древляны и на северы, и возложи дань на них по куне.	«6391 – иде Олег на древляны и возложи на них дань легку по куне.
6481 – нача княжити Ярополк в Киеве, вместо отца своего Святослава, и обладаа всеми, якоже отец и дед его.	6481 – нача княжити Ярополк в Киеве. И воевода бе у него Блуд.
6525 – иде Ярослав к Киеву, и погоре град и церковей много, яко до седмисот, и опечалился Ярослав. Того же лета заложи Ярослав град Киев, боле перваго, и врата	6525 – придоша печенегы к Киеву и и секошася у Киева, и едва к вечеру одоле Ярослав печенегов, и побегоша. И заложи Ярослав град великий Киев, и Златая врата постави, и церковь святую Софеи заложи»**.

¹ Яковлева О. А. Пискаревский летописец; Тихомиров М. Н. Пискаревский летописец как источник о событиях XVI – начала XVII вв. С. 233.

² Воскресенская летопись // ПСРЛ. СПб., 1856. Т. 7. С. 269, 287, 179; Пискаревский летописец // ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 36.

постави, и церковь святыя Софии заложил, и много церквей поставил, и без числа имени раздавал нищим... Того же лета приидоша печенези к Киеву, и всекошася в Киев, и едва к вечеру одоле Ярослав и победи печенеги, и отбегоша»*.	
---	--

* Никоновская летопись // ПСРЛ. СПб., 1862. Т. 9. С. 15, 38, 75. ** Пискаревский летописец. С. 35, 45, 66.

Как видно, Пискаревский летописец и Никоновская летопись сюжетно совпадают, но полного текстуального сходства между ними нет. Однако в трех приведенных примерах статьи Никоновской летописи и Пискаревского летописца принципиально не отличаются друг от друга. В первой заметке об Олеге Пискаревский летописец не дает никакой новой информации сравнительно с аналогичным чтением Никоновской летописи. Во второй статье помещено сообщение о воеводе князя Ярополка, отсутствующее в Никоновской. Заметка об основании князем Ярославом города Киева, церкви Св. Софии в Никоновской летописи, в отличие от Пискаревского летописца, дает несколько более распространенное чтение: там сказано о том, что новый город Киев больше старого, о строительстве церквей, о том, что Ярослав раздавал милостыню нищим. Заметка о победе Ярослава над печенегами в Пискаревском летописце предшествует сообщению об основании Киева, тогда как в Никоновской летописи она помещена в конце статьи.

С 6583 до 6643 г. Пискаревский летописец обнаруживает сходство и с Воскресенской летописью:

Воскресенская:	Пискаревский:
<p>«6584 – Ходи Володимер, сын Всеволож, и Олег, сын Свято-славл, ляхом в помощь на чахи. 6594 – Всеволод заложи церковь святаго Андрея и сотвори у нея монастырь, в немже пострижесе и дщи его девою именем Янка; и совокупи черноризцы многы, и пребываше с ними в монастырском чину. 6617 – Дмитрий Иворович взя вежи у Дону, 1000 их»^{3*}.</p>	<p>«6584 – Ходи Владимир, сын Всеволож, и Олег, сын Ярославль, на чахи ляхом в помощь. 6594 – Великий князь Всеволод заложил церковь святаго Андрея при митрополите Иоанне и монастырь устроив, в нем же пострижесе дщерь его девою именем Янка. 6617 – декабря 2 Дмитрий Иворович шед взя у Дону 1000 веж полоческих»^{4*}.</p>

^{3*} Воскресенская летопись. С. 1, 4, 21. ^{4*} Пискаревский летописец. С. 69–70, 72.

Как видим, здесь наблюдается близость Пискаревского летописца и Воскресенской летописи, но не полное совпадение текстов: Олег является в Воскресенской летописи сыном Святослава, тогда как в Пискаревском летописце его ошибочно назвали сыном Ярослава, в заметке о дочери князя Всеволода Янке в Пискаревском летописце сказано, что она постриглась в монастыре Св. Андрея при митрополите Иоанне, тогда как в Воскресенской летописи отмечено, что она собрала в монастыре «черноризци многы». В последней статье о Дмитрие Иворовиче в Пискаревском летописце точно названы месяц и число события. Здесь специально отобраны статьи, посвященные самым разным событиям на протяжении значительного промежутка времени. Они показывают, что заимствования из Никоновской и Воскресенской летописей представляют собой не случайные вкрапления в текст Пискаревского летописца. Автор последнего строит свое произведение в значительной мере на фундаменте этих двух описей.

На всем протяжении до 6643 г. Воскресенская летопись и Пискаревский летописец не совпадают только в одном месте. Под 6613 г. в Пискаревском летописце помещена следующая заметка:

«Пострижися в черныцы Святоша февраля 18, и бысть имя ему Никола»³. В Воскресенской же летописи статья о Николе отсутствует.

С 6643 по 6825 г. ряд заметок Пискаревского летописца не совпадает с Воскресенской летописью или отсутствует в ней, но они находят соответствие с Никоновской летописью, хотя и не во всем идентичны ей текстуально: 6643–6646 – о междоусобице Ольговичей; 6649 – о смерти князя Андрея Владимировича в Переяславле; 6657 – о междоусобице князей киевских, новгородских, смоленских, с одной стороны, и князя Юрия Суздальского – с другой; 6658 – о князьях Изяславе и Юрии, попеременно занимавших киевский престол; 6660 – о сожжении князьями Изяславом Мстиславичем, Изяславом Давыдовичем и Святославом Всеволодовичем городка Юрьева, где укрылся Юрий Долгорукий, походе Юрия с половцами, ростовцами, рязанцами, суздальцами на Чернигов, строительстве князем Юрием церковей в Суздале; 6661 – о смерти князя Вячеслава Киевского, вокняжении в Киеве Изяслава Давыдовича, о перенесении князем Андреем Боголюбским иконы Богородицы, прибывшей из Царьграда, из Суздаля во Владимир; 6664 – князь Юрий Долгорукий выгнал из Киева Изяслава Давыдовича. Далее идут сведения о городе Владимире и князе Андрее Боголюбском: 6666 – о закладке Андреем Боголюбским во Владимире церкви Успения Св. Богородицы, о Лионе, пришедшем на епископство в Ростов; об освящении церкви Богородицы во Владимире, о приходе митрополита Федора из Царьграда; 6669 – о начале росписи церкви во Владимире; 6670 – об изгнании из Суздаля Андреем Боголюбским епископа Леона; 6683 – об убийстве Андрея Боголюбского.

В ряде статей Пискаревский летописец сообщает о военных походах и деятельности князя Всеволода: 6689 – о походе князя Всеволода на Рязань; 6692 – о походе князя Всеволода против болгар и его победе; 6707 – о походе на половцев князя Всеволода с сыном Константином; 6708 – о закладке Всеволодом каменной церкви Успения пречистой Богородицы, о том, что князь Всеволод послал своего сына в Новгород; 6709 – князь Всеволод послал сына в Переяславль; 6714 – о посылке князем Всеволодом сына Константина в Новгород, о смерти княгини Всеволода Марии;

³ Пискаревский летописец. С. 69–70, 72.

6717 – о битве сына Всеволода Юрии с рязанским князем Изяславом, о женитьбе Всеволода на дочери витебского князя. Эти статьи близки Никоновской летописи, хотя и не во всем идентичны ей. В Пискаревском летописце читаются также схожие с никоновскими известия о митрополитах, поставлениях и смертях епископов, о смертях князей: 6671 – о смерти митрополита Федора; 6672 – о митрополите Иване, пришедшем из Царьграда; 6693 – о поставлении Луки епископом Ростову; 6697 – о смерти ростовского епископа Луки; 6702 – о смерти князя Святослава Киевского; 6706 – о смерти Давида Смоленского; 6708 – о смерти черниговского князя; 6709 – о смерти черниговского князя Владимира; 6710 – о смерти черниговского князя Игоря; 6732 – о поставлении митрополита Кирилла; 6734 – о смерти епископа Симеона Суздальского; 6735 – о смерти князя Владимира Всеволодовича; 6737 – о оставлении ростовским епископом Кириллом епископии; 6741 – о смерти князя Федора Ярославича; 6770 – о смерти епископа Кирилла; 6777 – об оставлении сарайским епископом Митрофаном епископии; 6788 – о смерти князя Давида Константиновича Галицкого, о том, что ростовский епископ Игнатий осудил мертвого князя Глеба, приказал его похоронить в княгинине монастыре у Спаса, митрополит Кирилл осудил Игнатия, но затем принял его по «печалованию» князя Дмитрия Борисовича, о смерти митрополита Кирилла в Переяславле; 6791 – о поставлении митрополитом Максима; 6796 – о смерти ростовского епископа Игнатия, о поставлении Иакова епископом Владимиру и Суздалю; 6797 – о поставлении игумена Андрея, а также о том, что князь Дмитрий Борисович сел в Ростове; 6803 – о поставлении на владимирскую епископию Симеона; 6807 – об оставлении киевской митрополии митрополитом Максимом и смерти князя Федора Черниговского; 6812 – о смерти князя Андрея Александровича Городецкого; 6813 – о смерти митрополита Максима; 6815 – о смерти князя Константина Борисовича Ростовского в Орде (в Никоновской – 6817 г.); 6816 – о поставлении митрополитом Петра (в Никоновской – 6818 г.); 6819 – об оставлении ростовской епископии Симеоном и поставлении Прохора; 6820 – о поставлении митрополитом Петром епископа Сарая Варсунофия вместо Кирилла. Ряд статей освещает крупные исторические события: 6713 – о взятии Константинополя крестоносцами; 6731 – о Калкской битве; 6744–6745 – о нашествии

Батыя; 6746–6760 – о князе Александре Невском. Пискаревский летописец много внимания уделяет описанию правления князей, их взаимоотношениям: 6710 – о захвате Киева Романом, выгнавшим Рюрика; 6714 – о захвате Рюриком Киева и его изгнании Ольговичами; 6735 – о посылке князем Юрием братанича своего Всеволода в Переяславль; 6773 – об убийстве литовского князя Миндовга родственниками; 6774 – о псковском князе Довмонте; 6785 – о княжении великого князя Дмитрия Александровича во Владимире; 6791 – о примирении князей Андрея и Дмитрия Александровичей; 6794 – о разделе вотчины между князьями Дмитрием и Константином Борисовичами: князю Дмитрию достался Углич, князю Константину – Ростов; 6797 – о том, что князь Дмитрий Борисович сел в Ростове; 6804 – о междоусобице князей Андрея и Дмитрия Александровичей с князем Михаилом Тверским; 6805 – о женитьбе князя Юрия Даниловича в Ростове; 6812 – о споре в Орде князей Юрия Даниловича и Михаила Тверского о великом княжении; 6814 – о том, что князь Юрий Данилович повелел убить князя Константина Рязанского. Нашествие татар, их отношения с русскими князьями, события в Орде также нашли свое место в Пискаревском летописце: 6766 – о взятии татарами ростовской земли; 6774 – о смерти ордынского царя Берки; 6787 – князь Андрей Александрович искал себе великое княжение, ходил с этой целью в Орду, привел татар; 6801 – о нашествии татар на Владимир, Суздаль, Муром, Тверь, Юрьев, Пермь, Коломну, Москву, Можайск, Волок, Дмитров; 6812 – об убийстве в Орде тверского боярина Акинфа; 6814 – о нашествии Таировой рати; 6821 – о смерти царя Тохты, воцарении Узбека, поездке в Орду великого князя Михаила и митрополита Петра; 6823 – о том, что князь Михаил привел с собой из Орды татар, сражении у Торжка с князем Афанасием и новгородцами, об оставлении епископом Андреем тверской епископии и поставлении вместо него Варсунофия, о том, что новгородцы ходили в Орду и их задержали тверичи; 6825 – о том, что князь Юрий Данилович привел с собой из Орды татар, пошел к Твери, после поражения князь Юрий Данилович бежал в Новгород, придя из Новгорода, помирился с князем Михаилом Тверским. Три статьи рассказывают о росписи и строительстве церквей: 6741 – о росписи церкви Богородицы в Суздале; 6742 – о завершении строительства в Юрьеве князем Святославом

Всеволодовичем церкви Св. мученика Георгия; 6810 – о закладке каменного храма в Новгороде. В Пискаревском летописце есть известия о деятельности первого московского князя Даниила Александровича: 6809 – о походе московского князя Даниила Александровича на Рязань; 6810 – о передаче Переяславля князю Даниилу Александровичу; 6811 – о смерти князя Даниила Александровича, о походе на Можайск его сына Юрия Даниловича⁴.

Как видно, первый ряд заимствований из Никоновской летописи касается прежде всего междоусобиц князей, их военных походов, смерти, церковной строительной деятельности. Из Никоновской летописи взяты и сведения о поставлениях и смертях епископов и митрополитов. Другой ряд заимствований представлен описаниями значительных, с точки зрения летописцев, исторических событий. К ним относится прежде всего взятие Константинополя крестоносцами, нашествие Батыя, княжение Александра Невского. Этим событиям уделено много внимания в Пискаревском летописце, им посвящены не краткие записи, а обширные статьи. К особенностям использования Никоновской летописи в Пискаревском летописце можно отнести то, что при общем сюжетном сходстве здесь нет полного текстуального тождества. Составитель Пискаревского летописца сокращал также свой источник, из обширных статей Никоновского свода он брал только заметки о двух-трех событиях.

Несмотря на то что в основном для 6643–6825 гг. Пискаревский летописец близок Никоновской летописи, пять известий напоминают статьи из Воскресенской летописи. Это заметки под 6672 г. об освящении церкви на Золотых воротах во Владимире, о закладке церкви Св. Спаса во владимирском монастыре, походе Андрея Боголюбского против болгар с иконой Владимирской Богоматери, которая помогла ему победить, под 6678 – о смерти князя Мстислава Изяславича и погребении его во Владимире-Волынском, где он княжил, под 6763 г. – о переписи татарами населения, под 6767 – о переписи татарами жителей Новгорода, под 6824 г. – о том, что ростовский князь Василий Константинович привел в Ростов татарских послов Сабатея и Казанчя⁵.

⁴ Пискаревский летописец. С. 71; Никоновская летопись. С. 73–81, 97–102, 105.

⁵ Воскресенская летопись. С. 78, 87, 161–162, 187; Пискаревский летописец.

На всем протяжении до 1533 г. Пискаревский летописец в некоторых местах не совпадает с Воскресенской и Никоновской летописями: под 903 г. в сообщении о княгине Ольге добавлено «нецыи же глаголют, яко Олгова дщери бе Ольга» (не из Пскова)⁶. Это известие напоминает сообщение Типографской летописи: «Нецыи же глаголют, яко Олгова дчи бе Ольга»⁷. Для того чтобы понять, обращался ли составитель Пискаревского летописца к Типографской летописи, нужно провести сравнение двух памятников. Одной статьи о княгине Ольги недостаточно для подобного вывода. В некоторых местах до 1422 г. Типографская летопись совпадает с Пискаревским летописцем. В ней читаются сведения, отсутствующие в Никоновской и Воскресенской летописях, но находящие соответствие в Пискаревском летописце. Приведенные в ней заметки о воеводе Ярополке, сражении Ярослава с печенегамии ближе всего к Пискаревскому летописцу. Именно в Типографской летописи сказано о том, что воеводу князя Ярополка звали Блуд: «Нача княжити Ярополк в Киеве, и воевода у него Блуд»⁸. Под 1046 г. в заметке о князе Ярославе и в Пискаревском летописце, и в Типографской летописи читается продолжение: о сыне князя Ярослава Владимире, посаженном отцом в Новгороде, поставлении новгородского епископа Жидяты, хромоте Ярослава. Под 1161 г. помещены статьи о смерти князя Владимира Святославича в Рязани и смерти князя Ивана Ростиславича, по прозвищу Берладник, в Селуни. Под 1195 г. помещена краткая заметка: «Приидоша пружи в Русскую землю»⁹.

Однако Пискаревский летописец не во всем совпадает с Типографской летописью: в нем читаются отсутствующие в последней сказание «О Пелгуге ижерянине и о вере его и о крещении», повесть о князе Михаиле Черниговском, статья о епископе Стефане Пермском. Как видно, отличия касаются изложения церковных событий. Трудно сказать, пользовался ли составитель Пискаревского летописца непосредственно Типографской летописью, или он

сец. С. 76, 78, 97, 105.

⁶ Пискаревский летописец. С. 36.

⁷ Типографская летопись // ПСРЛ. Пг., 1921. Т. 24. С. 9.

⁸ Там же. С. 27.

⁹ Пискаревский летописец. С. 80; Типографская летопись. С. 71.

брал из нее сведения опосредованно, из другого текста, в котором читалась эта летопись. Однако обнаруженное нами сходство позволяет предполагать, что прямо или косвенно Типографская летопись послужила одним из источников Пискаревского летописца. Но не все заимствования последнего, отсутствующие в Воскресенской и Никоновской летописях, сделаны из нее. В Пискаревском летописце есть статьи, кроме вышеупомянутых, которые тоже отсутствуют в Типографской летописи. Под 1191 г. помещена заметка о смерти переяславского столпника Никиты. Под 1227 г. следует известие о поставлении митрополита в Суздаль и Ростов. Здесь речь опять идет о церковных событиях. Под 1263 г. после известия о смерти князя Александра Невского описано чудо в новгородском Шиловом монастыре. Под 1289 г. в Пискаревском летописце говорится об изгнании татар из Пскова, под 1293 г. – о том, что новгородцы откупились от татарских войск, под 1420 г. помещена заметка о торговле новгородскими серебряными деньгами.

Происхождение всех этих сведений неизвестно, но, поскольку в трех последних заметках речь идет о событиях в Новгороде и Пскове, можно предположить, что они заимствованы из какой-то северной летописи. О северорусском кратком летописце, который мог быть одним из источников интересующего нас памятника, писал Я. Г. Солодкин: «Итак, основным источником ПЛ 1640-х годов, дошедшего до нас, вероятно, в оригинале, является текст летописца за вторую половину XVI – начало XVII в.; этот текст дополнен по другим источникам, к примеру, краткому летописцу северорусского происхождения»¹⁰. Он обращает внимание и на то, что в текст Пискаревского летописца была вставлена повесть о новгородском Шилове монастыре¹¹. Из нее, вероятно, и было заимствовано описание чуда, помещенное после заметки о смерти Александра Невского. Так как в составе Пискаревского летописца читается ряд статей, совпадающих с Типографской, а также заметки о событиях на севере, можно предположить, что все эти заимствования были сделаны из летописца, возникшего, возможно, в Кирилло-Белозерском монастыре. Кирилло-Белозерский мона-

¹⁰ Солодкин Я. Г. История позднего русского летописания. С. 67.

¹¹ Там же. С. 59.

стырь являлся известным центром летописания. Я. Г. Солодкин указывает на северорусский летописец¹², но не называет точно место происхождения этого летописца. Однако, основываясь на наших наблюдениях, можно предположить, что летописец, послуживший одним из источников Пискаревского, возник в Кирилло-Белозерском монастыре.

В Пискаревском летописце с 1432 по 1533 г. – пробел, отсутствие известий. Переписчик объясняет этот пропуск утратой тетрадей: «Прописано в сей книге тетради многие... А все писано рядом, а сей списать было нечево по великой нуже. Книги подлинной не было»¹³. Это можно объяснить тем, что, скорее всего, рукопись, с которой был сделан список Пискаревского летописца, оказалась поврежденной: часть ее листов была потеряна, у некоторых листов перепутана нумерация, из-за этого ряд событий 1533–1541 гг. читается после 1542 г. Заметка о пропавших тетрадях дает представление о манере работы летописца, указывает на книгу, из которой делались выписки, но не сообщает, что именно это была за книга.

После 1533 г. Пискаревский летописец самое большое сходство обнаруживает с Воскресенской летописью, обе летописи очень близки текстуально, их отличия обнаруживаются только в двух местах. В рассказе об аресте князя Юрия Ивановича в Пискаревском летописце опущены слова великой княгини Елены боярам, приведенные в Воскресенской летописи: «Вчера есте крест целовали сыну моему великому князю Ивану на том, что ему служити и добра хотети, и вы по тому и чинити»¹⁴. В известии о после к королю Сигизмунду автор Пискаревского летописца, наоборот, добавил слова, отсутствующие в Воскресенской летописи: «А х королю приказывал, чтоб король с ним был в дружбе и в братстве, как с отцем его был»¹⁵. Как видно, сокращения и дополнения автором своего источника в этой части носят довольно случайный характер.

¹² Солодкин Я. Г. История позднего русского летописания. С. 67.

¹³ ОР РГБ. Ф. 228. Д. 176. Летописец русский краткий от московских великих князей и литовских государств. Л. 503.

¹⁴ Пискаревский летописец. С. 167.

¹⁵ Там же. С. 168.

Мы заметили, что Пискаревский летописец совпадает и с Воскресенской, и с Никоновской, и с Типографской летописями, но полная текстуальная идентичность между ними не прослеживается. Здесь нельзя исключать того, что составители Пискаревского летописца проводили редакторскую правку своих источников. К особенностям работы составителя Пискаревского летописца относится и то, что он обращался к Никоновской летописи как дополнительному источнику по отношению к Воскресенской, прибегал к ней там, где отсутствуют сообщения в Воскресенской. Это можно объяснить следующим образом: Воскресенская летопись доходит только до 1541 г. Последующие события – пожалования великим князем Иваном Васильевичем князя Владимира Андреевича Старицкого и его матери княгини Ефросинии, венчание на царство великого князя Ивана Васильевича, пожар 1547 г., свадьба великого князя с Анастасией Романовной, походы на Казань и взятие Казани – изложены по Никоновской летописи. Из нее заимствованы также сведения, переданные по-другому в Воскресенской летописи. Под 1533 г. приведена версия Никоновской летописи о том, что князь Андрей Михайлович Шуйский хотел отъехать к брату великого князя Юрия Ивановичу. В Воскресенской летописи он отказывается перейти на службу к этому князю. Еще М. Н. Тихомиров указал на то, что статья об Андрее Шуйском, трактующая по-иному его отъезд от великого князя, заимствована из Никоновской летописи¹⁶. Трудно сказать, что заставило летописца привести две противоположные версии события. Возможно, здесь проявился особый интерес автора к князьям Шуйским.

В Пискаревском летописце есть три статьи, близкие текстуально еще одной официальной летописи XVI в. – Летописцу начала царства: об основании земляного города Стародуба, о колоколле-благовестнике, о смерти удельного князя Андрея Ивановича Старицкого, умершего в заключении и похороненного в Архангельском соборе в Москве. О Летописце начала царства как об одном из возможных источников Пискаревского летописца писал и Я. Г. Солодкин, но он не указал статей, заимствованных оттуда. Исследователь предположил, что создатель Пискаревского летописца использовал не непосредственно Летописец начала царства, а

¹⁶ Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 242.

располагал рукописью, в которой тот был объединен с Воскресенской летописью¹⁷.

Происхождение некоторых сведений Пискаревского летописца трудно установить, так как они не обнаруживают сходства ни с официальными летописями, ни с краткими летописцами. В большинстве своем это заметки, сообщающие об основании городов, поставлениях духовных лиц. В Пискаревском летописце помещено несколько таких статей: «Тое же весны преставлен град Темников на иное место на реце Мокше же. Зделан град Устюг древян»¹⁸, под 1536 г. говорится о поставлении в Смоленск владыки Саввы Слепушкина, под 1546 г. – о смерти князя Дмитрия Андреевича: «Преставися князь Дмитрей Андреевич углецкой, а сиде в железех в тыну 54 лета. И привезоша тело его на Вологду и погребоша у Спаса на Прилуке»¹⁹. Возможно, статьи о поставлении смоленского владыки и погребении князя Дмитрия Андреевича были взяты из летописца 1544 г., который, как показал С. А. Морозов, использовал автор Пискаревского летописца²⁰. В Пискаревском летописце есть еще два известия, взятые, по-видимому, из неофициальной летописи, общей ему и Сокращенному временнику. Первое из них относится к колоколу «Лебедь»:

Пискаревский летописец: «Слит колокол большой, имя ему “Лебедь”, а весу в нем 2200 пуд» ^{5*} .	Сокращенный временник: «Слит колокол “Лебедь”, а весу в нем 2200 пуд» ^{6*} .
---	---

^{5*} Пискаревский летописец. С. 186. ^{6*} Сокращенный временник // Материалы по истории СССР. М., 1955. Вып. 2. С. 145.

Второе сообщение помещено под 1546 г., и в нем речь идет о монастырях, вернее, о распределении монастырей по рангу:

¹⁷ Солодкин Я. Г. История позднего русского летописания. С. 59.

¹⁸ Пискаревский летописец. С. 180.

¹⁹ Там же. С. 181.

²⁰ Морозов С. А. К изучению источников Постниковского и Пискаревского летописцев // ЛиХр 1984. С. 72, 74.

<p>Пискаревский летописец: «Царь и великий князь пожаловал, указал места архимандриту Троецкого Сергиева монастыря да Кириловскому игумену, да павнутьевскому, да осифовскому: Троецкому под Чюдовским, а Кириловскому под Андрониковским, а Павнутьевскому под Богоявленским на Москве за торгом, а Осифовскому под Павнутьевским, а преж им мест не бывало»^{7*}.</p>	<p>Сокращенный временник: «Великий князь Иван Васильевич указал места монастырям Сергиеву, Кирилову, Пафнутьеву, Иосифову, Троице под Чюдовым, Кирилову под Андрониковым, Пафнутьеву под Богоявленским, Осифовскому под Павнутьевым, а преж сего им мест не было: что были в уделе»^{8*}.</p>
--	--

^{7*} Пискаревский летописец. С. 180. ^{8*} Сокращенный временник. С. 145.

Пискаревский летописец не привел здесь пояснения об уделе, переданное Сокращенным временником (раньше эти монастыри находились на территории удельных княжеств, и теперь, когда они вошли в состав единого государства, понадобился указ, установивший новые иерархические отношения между ними). Мы пока не будем делать выводы о каком-либо заимствовании: сходство Пискаревского летописца и Сокращенного временника не ограничивается этими двумя статьями, несколько известий времени опричнины совпадают в обоих памятниках, что и будет показано в соответствующем разделе.

Еще два сообщения Пискаревского летописца не встречаются больше ни в официальных, ни в неофициальных летописях. Неизвестно, были ли они заимствованы и из летописи, общей Пискаревскому летописцу и Сокращенному временнику, так как эти заметки отсутствуют и в последнем. Одна из заметок сообщает об уложении судебника 1550 г. Другая повествует о деятельности Адашева и Сильвестра: «А как был он во времена, и в те поры Руская земля была в великой тишине и во благоденстве и в управе... Да в ту же пору был поп Селивестр и правил Рускую землю с ним заодин, и сидели вместе в ызбе у Благовещения»²¹. Исследователи отмечали фактическую неточность статьи об Адашеве и Сильвестре. Р. Г. Скрынников указал на то, что Адашев и

²¹ Пискаревский летописец. С. 181–182.

Сильвестр не сидели вместе в избе у Благовещения, Сильвестр находился в Благовещенском соборе, а Адашев в приказной избе, стоявшей напротив этого собора²². А. И. Филошкин писал, что Адашев и Сильвестр никогда не были всесильными правителями: «Адашев был приближен к царю, являлся одним из крупнейших политических деятелей. Но назвать его «правителем» и приписать ему лидерство в реформах 1550-х гг. будет неоправданным преувеличением. Сильвестр тоже не всесильный временщик, а крупнейший средневековый моралист»²³. Историк писал, что легенда об Адашове и Сильвестре как всесильных правителях была нужна Курбскому для очернения Грозного и проникла на Русь после вовлечения в литературный оборот переписки Грозного и Курбского²⁴. Трудно сказать, откуда попала она в Пискаревский летописец. Автор Пискаревского летописца вряд ли заимствовал легенду об Адашове и Сильвестре из «Истории о великом князе московском», во всяком случае, в его труде нет никакого сходства с сочинением князя Курбского. Как можно видеть, это единственное политическое дополнение, взятое из неофициальных источников. Во всех остальных случаях заимствования сообщали или дополнительные подробности, или противоположную версию какого-нибудь уже описанного события (например, обращение к Никоновской летописи в Пискаревском летописце). Но, как представляется, статья об Адашове и Сильвестре не была заимствована из «Истории» князя Курбского: Пискаревский летописец и сочинение последнего не совпадают ни текстуально, ни идеологически.

Завершая рассмотрение источников памятника по ранней русской истории, можно сделать заключение, что Пискаревский летописец обнаруживает сходство с Воскресенской и Никоновской летописями, отчасти с Типографской. Но в то же время их сходство не является тождественным. Это дает возможность предположить, что три летописи редактировались в Пискаревском летописце. Таким образом, Пискаревский летописец, как и большинство летописей XVII в., является вторичным источником по отношению к

²² Русский биографический словарь. СПб., 1896. Т. 1. С. 167.

²³ Филошкин А. И. Состав правящих кругов Российского государства в середине XVI в.: Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1995. С. 18.

²⁴ Там же. С. 30.

раннему периоду русской истории, он восходит к поздним официальным летописным сводам XVI в. – Никоновской и Воскресенской летописям. Обращение к неофициальным летописям (летописцу 1554 г., летописи, общей Пискаревскому летописцу и Сокращенному временнику) в Пискаревском летописце очень незначительно и носит эпизодический характер. Дополнительные подробности, сообщаемые этими летописями, не содержат ничего принципиально отличного от официальной трактовки событий, они сообщают только неизвестные по другим источникам сведения о строительстве, поставлениях и смертях различных церковных деятелей, смертях удельных князей. Единственное политическое дополнение из неофициальных источников об Адашеве и Сильвестре может быть нелетописного происхождения, но его трудно идентифицировать, т.к. Пискаревский летописец является единственной летописью, содержащей эту статью, и не обнаруживает сходства с «Историей» Курбского, где также читается подобная легенда.

2) Источники Пискаревского летописца по истории опричнины 1565–1582

Статьи об Адашеве и Сильвестре связывают две части Пискаревского летописца – по ранней русской истории и об опричнине – в одно целое. Пискаревский летописец является одной из немногих летописей, в которой события тех лет нашли подробное отражение. Собственно говоря, из летописей, сохранившихся непосредственно от эпохи опричнины, известны только две: это краткие летописные записи эпохи опричнины и Соловецкий летописец второй половины XVI в., опубликованные М. Н. Тихомировым²⁵.

Все остальные летописи позднего происхождения, они находятся в сборниках XVII в., и их особенности не позволяют говорить о том, что они современны эпохе опричнины. Подобной летописью является и Пискаревский летописец, содержащий сведения об этом времени. Так как в составе Пискаревского летописца

²⁵ Тихомиров М. Н. Соловецкий летописец второй половины XVI в. // Изв. М., 1941. Т. 10. С. 84–94; *Он же*. Русское летописание. С. 192–206.

и кратких летописцев читаются известия по истории опричнины, то они будут сравниваться друг с другом, а также с «Историей о великом князе московском» Андрея Курбского, записками иностранцев – Штадена, Шлихтинга, Таубе и Крузе. Такое сравнение поможет определить не только степень достоверности сведений Пискаревского летописца, но и представить его место среди других источников, повествующих об опричнине.

Из всех летописцев XVII в., содержащих сведения об опричнине, Пискаревский летописец наиболее близок к Сокращенному временнику. Тексты обоих летописцев обнаруживают очень большое сходство, в ряде случаев они почти буквально совпадают. О начале опричнины в обоих памятниках написано так:

<p>Пискаревский летописец: «Возъярися царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии на все православное христианство по злых людей совету: Василия Михайлова Юрьева да Олексея Басманова и иных таких же, учиниша опришнину»^{9*}.</p>	<p>Сокращенный временник: «Возъярися царь Иван Васильевич на все православие, по злых людей совету: Василия Юрьева да Алексея Басманова и иных таких же, учиниша опришнину»^{10*}.</p>
---	---

^{9*} Пискаревский летописец. С. 190. ^{10*} Сокращенный временник. С. 146.

Близки в Пискаревском летописце и Сокращенном временнике и описания похода царя на Новгород, а также воцарения Симеона Бекбулатовича:

<p>Пискаревский летописец: «Ходил царь и великий князь Иван Васильевич всяя Руси в Новгород гневом и многих людей Новгородския области казнил многими розноличными казнями: мечем, огнем и водою»^{11*}. «Произволением царя и великого князя Ивана Васильевича сажал на царство московское царя Симеона Бейдбулатовича и царским венцом венчал в Пречистой Большой соборной на Москве»^{12*}.</p>	<p>Сокращенный временник: «Царь Иван Васильевич пошел в Великий Новгород и казнил бесчисленное множество людей разными казнями и метали в реку Волхов, и река Волхов была кровава 6 недель»^{13*}. «Царь Иван Васильевич посадил царем на Москве Симеона Бекбулатовича, и царским венцом ево венчал»^{14*}.</p>
---	--

^{11*} Пискаревский летописец. С. 91. ^{12*} Сокращенный временник. С. 146.

^{13*} Пискаревский летописец. С. 191. ^{14*} Сокращенный временник. С. 146.

Сведения, содержащиеся в вышеприведенных отрывках, отсутствуют в других источниках XVII в. Здесь названы, как считают исследователи, вполне достоверные имена инициаторов опричнины; в сообщении о походе на Новгород в Сокращенном временнике указана одна точная деталь – река Волхов была шесть недель кровавой. В заметке о воцарении Симеона Бекбулатовича Пискаревский летописец назвал церковь, где происходило венчание на царство, – Большая соборная церковь Пречистой Богородицы. Можно сделать вывод, что оба летописца использовали какой-то несохранившийся летописный текст XVI в. Тексты обоих летописцев очень близки, и это дало возможность исследователям предполагать, что Пискаревский летописец послужил источником для Сокращенного временника, т.к. последний более позднего происхождения. Но одна деталь не позволяет согласиться с этим выводом. В ряде случаев, таких как в сообщении о походе Ивана Грозного против Новгорода, Сокращенный временник дает более точное чтение. Так как Сокращенный временник является по времени более поздним источником, чем Пискаревский летописец, то, вероятно, оба имели общий источник. Возможно, в двух сводах нашли отражение разные редакции одного и того же летописца XVI в.

Общий текст Пискаревского летописца и Сокращенного временника оканчивается сообщением о мятеже бояр 1584 г. Летопись, к которой они оба обращались, должна быть составлена не раньше этого года. Следовательно, общий источник двух летописцев возник не в эпоху опричнины, а чуть позже. Но в Пискаревском летописце читаются статьи, отсутствующие в Сокращенном временнике: о казнях 1570 и 1574 гг., о казни князя Владимира Андреевича Старицкого в Яме на Богоне. Причем Р. Г. Скрынников отметил, что Пискаревский летописец является единственным источником, в котором точно названо (помимо синодика) место казни князя Владимира Андреевича Старицкого²⁶. Об этом же писал А. А. Зимин²⁷. Само это событие упомянуто только в двух летописях XVI в. – кратких летописных записях эпохи опричнины и Соловецком летописце второй половины XVI в. Краткие летописные записи эпохи опричнины приводят свидетельство о казни князя Владимира Старицкого и его семьи, но не сообщают о том, где это произошло: «Князя Владимира Андреевича с матерью и со кнегиней его и з дочерью нужной смерти предаша»²⁸. Соловецкий летописец, в отличие от этого источника, называет и место казни: «Князя Владимира Ондреевича Старицкого не стало на Богоне со кнегиней и с детьми большими»²⁹. Таким образом, Пискаревский летописец содержит достоверные сведения о казни князя Владимира Андреевича Старицкого и его семьи, что подтверждается и более ранними летописями. Возможно, заметка о казни князя Владимира Андреевича Старицкого и его семьи попала в Пискаревский летописец не из Соловецкого летописца (т.к. между ними, кроме этой заметки, больше нет сходства), а из летописи XVI в., общей и Сокращенному временнику. Последний мог по каким-то причинам пропустить статью о князе Владимире.

В остальных кратких летописцах XVII в., сообщающих об опричнине, не прослеживается такого сходства с Пискаревским летописцем, как у Сокращенного временника. Их можно условно разделить на две группы. Одна из них объясняет введение оприч-

²⁶ Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 121.

²⁷ Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 292; М., 2001. С. 185.

²⁸ Тихомиров М. Н. Краткие летописные записи эпохи опричнины. С. 92.

²⁹ Он же. Соловецкий летописец второй половины XVI в. С. 197.

нины влиянием «злых» советников (такую версию причин опричнины приводит и Пискаревский летописец), другая – изменением характера царя после смерти царицы Анастасии Романовны.

Вот как говорит о причинах опричнины один из кратких летописцев: «Епископ в Троице-Сергиевом монастыре подвиже царя на зелий гнев не токмо на ближних, но и на простой народ, ибо возвратися в Москву абие заточает неких по дольным разным городом. И прибрати повеле некое число здравия царства охранителей и наименова их опричниками»³⁰. Для сравнения возьмем описание того же самого события в «Истории о великом князе Московском» князя Андрея Курбского: здесь тоже введение опричнины приписывается советам игумена (в летописце он ошибочно назван епископом) Троице-Сергиева монастыря Вассиана. Как видно, краткий летописец находился под влиянием той же письменной традиции, что и «История о великом князе Московском». В других источниках XVI в. ничего не говорится о советнике из Троице-Сергиева монастыря.

Вторая группа кратких летописцев связывает введение опричнины с неблагоприятными изменениями в характере царя после смерти царицы Анастасии. Подобным образом трактует причины опричнины летописец русский краткий, доходящий до 1612 г.: «Царь Иван Васильевич сочетсяя законному браку, избра всеческую девицу Анастасию, дочь вельможи Романа, при ней живя смиренномудрием и победи окрестныя царства: Казань, Астрахань, Сибирскую землю. А после смерти той царицы нрав начал имети яр и многих сокруши»³¹. То же пишется и в летописных выписках 1379–1604 гг., где говорится не об опричнине, а об убийстве Иваном Грозным своего сына: «Иван Васильевич стал лют после смерти царицы Анастасии, убил своего сына царевича Ивана»³². Подобная версия о благотворном влиянии царицы Анастасии на Ивана Грозного могла появиться только в XVII в., после воцарения Романовых³³. У Андрея Курбского военные успехи царя

³⁰ РГАДА. Ф. 199. Портфели Миллера. Оп. 1. Портф. 23. Л. 26об.

³¹ ОР РГБ. Ф. 310. Д. 771. Летописец русский. Л. 30об.

³² ОР РГБ. Ф. 256. Д. 368 Летопись – выписки от 1379 до 1604 г. Л. 30обоб.

³³ *Кобрин В. Б.* Иван Грозный и опричнина в общественной мысли XVII – середины XVIII вв. // Проблемы отечественной и всеобщей истории.

связаны с добрыми советниками – Избранной радой (в кратких летописцах, составленных большею частью в XVII в., они заменены царицей Анастасией с целью прославления новой династии).

Заметка краткого летописца о насильственной смерти царевича Ивана является необычной для летописания XVI–XVII вв. Большинство кратких летописцев того периода, говоря о «лютости» царя Ивана во времена опричнины, молчат об убийстве царевича Ивана отцом. Они пишут о естественной смерти старшего сына Ивана Грозного. Например, в одной из летописей XVI в. сказано: «Преставися благоверный и христолюбивый, хвалам достойный царевич Иван Иванович»³⁴. Другая летопись, уже конца XVII в., сообщает то же самое: «Ноября в 21 день преставися царевич Иван Иванович»³⁵. Пискаревский летописец также пишет об этом³⁶. Однако близкий ему Сокращенный временник приводит совсем другую версию смерти царевича Ивана: «В лето 7090 преставися царевич в Олександрове слободе Иван Иванович, ему же отец, царь Иван Васильевич, жезлом пронзе ногу, положен у Архаггела в пределе»³⁷. В примечаниях к публикации Сокращенного временника отмечено, что здесь смешаны два события: ранение Иваном Грозным ударом в голову царевича Ивана Ивановича и легендарный рассказ о пронзении Грозным жезлом ноги слуге князя Курбского Василю Шибанова³⁸. Это показывает, что в летописи, общей Пискаревскому летописцу и Сокращенному временнику, скорее всего, не было сообщения об убийстве царевича Ивана отцом. Иначе сложно объяснить, почему эта заметка не попала в Пискаревский летописец, резко обличающий опричнину. Сокращенный временник следует здесь более поздним источникам, не исключено, что они испытали на себе влияние «Истории о великом князе Московском» Андрея Курбского.

Л., 1967. Вып. 10. С. 207.

³⁴ ОР РГБ. Ф. 178. Д. 183. Краткий летописец за 1339–1584 гг. Л. 177.

³⁵ ОР РГБ. Ф. 310. Д. 611. Сборник повестей, летописных выписок и других статей. Л. 31 об.

³⁶ Пискаревский летописец. С. 194.

³⁷ Тихомиров М. Н. Сокращенный временник. С. 148.

³⁸ Там же. Примеч. 236. С. 174.

Многими краткими летописцами отмечены еще два события времени опричнины: поход на Новгород и великое княжение Симеона Бекбулатовича. О походе на Новгород упоминает Фадеевский летописец, созданный в конце XVII в., о дате написания говорит его предисловие: «Написана книга сия в лета от создания мира 7025 месяца июня в пятый на десятый день совершенна: “Царь Иван Васильевич всея России в осень громил Новгород”»³⁹. Поход на Новгород отмечен также кратким летописцем из портфелей Миллера, содержащим в себе русскую историю от 852 до 1598 г., и даже одним кратким летописцем, представляющим собой сборник повестей, летописных записей и других статей и вообще ничего не сообщающим об опричнине: «Государь царь и великий князь всеа Руси великий Новгород громил»⁴⁰. Как видно, разгром опричниками Новгорода был широко известен. Некоторые летописцы, когда писали о походе царя Ивана Васильевича на Новгород, не связывали его с опричниной.

Интерес кратких летописцев вызывало и великое княжение Симеона Бекбулатовича. В одном избранном летописце вкратце опричнина и княжение Симеона Бекбулатовича объединены: «За умножение грех всего православного христианства наполнися гневом и ярости, нача своих русских раб зле немилости гонити и кровь их проливати. И царство свое, порученное ему от Бога, раздели на две части. Часть единую себе, другую же часть царю Симеону Казанскому поручи и устрои его на Москве царем, а сам же отиде от единых малых городов Старицу зовомый и тамо жительствуя и свою же часть людей и градов прозва опришнина, а другую части царя Симеона именована земщина и заповеда своей части оную частьлюдей насилovati и смерти предавати»⁴¹. Такого объединения опричнины и княжения Симеона Бекбулатовича нет ни в одном из источников XVI в.: ни в записках иностранцев, ни в «Истории» Андрея Курбского, ни в кратких летописных записях эпохи опричнины, ни в Соловецком летописце. Смешение этих двух событий

³⁹ ОР РГБ. Ф. 344. Собрание Шибанова. Д. 248. Летописец – выборки из старых летописцев. Л. 118.

⁴⁰ ОР РГБ. Ф. 310. Д. 611. Сборник повестей, летописных выписок и других статей. Л. 31об.

⁴¹ РГАДА. Ф. 181. Д. 76. От летописца избрано вкратце. Л. 91.

произошло уже XVII в., так как отождествление опричнины и воцарения Симеона Бекбулатовича встречается не только в кратких летописцах, но и во «Временнике» Ивана Тимофеева⁴².

Такое смешение позволило историкам называть иногда княжение Симеона Бекбулатовича «вторым изданием опричнины». Исследователи, споря о «втором издании опричнины», основываются на поздних источниках. Но В. Б. Кобрин считает неправомерным видеть в княжении Симеона Бекбулатовича «вторую опричнину»: «Все же вокняжение Симеона Бекбулатовича не открыло собой волну массового террора. Да и близость с опричниной была во многом внешней. Многие из бывших опричников остались в Симеоновой 'земщине', а в 'государеве уделе' оказалось немало бывших земских»⁴³. Пока еще неясны причины, по которым авторы кратких летописцев отождествили два события. В Пискаревском летописце, в отличие от большинства летописей, писавших о царе Симеоне Бекбулатовиче, сообщение о казнях помещено до статьи о назначении Симеона Бекбулатовича царем: «Положи царь опалу на многих людей, повелеша казнити на площади у Пречистыя в Большом городе при себе боярина князя Петра Куракина, Протасия Юрьева, владыку наугородцкого, протопопа архангельского, Ивана Бутурлина, Никиту Бороздина, архимарита чудовского и иных многих казниша; а главы их меташа по дворам к Мстисловскому ко князю Ивану, к митраполиту, Ивану Шереметеву, к Андрею Щелкалову и иным»⁴⁴. В Московском летописце, составленном в 1630–1640-х гг., причина казней объясняется недовольством людей, не желавших видеть на троне Симеона: «И на тех возърся, казнил наугородцкого архиепископа Леонида, чудовского архимандрита Еуфимия, архангельского протопопа Ивана посадил в воду, боярина князя Петра Андреевича Куракина, стольника Протасья Васильевича Юрьева, окольных Ивана Андреевича Бутурлина, Никиту Васильевича Бороздина и дворян князя Григория Мещерского, диаков Семена Мишурина, Дружи-

⁴² Кобрин В. Б. Иван Грозный и опричнина в общественной мысли XVII – середины XVIII вв. С. 207.

⁴³ Кобрин В. Б. Иван Грозный. С. 129.

⁴⁴ Пискаревский летописец. С. 192.

ну Володимерова казнили на площади под колоколы»⁴⁵. Пискаревский летописец не связывает между собой появление на троне Симеона Бекбулатовича и казни. Да и причину, заставившую царя передать трон Симеону, автор летописи объясняет совсем по-другому. Он приводит две версии случившегося: царь посадил на трон Симеона, испугавшись предсказания волхвов, напороочивших смерть московскому царю; Иван Грозный искушал подданных, желал выяснить их отношение к своему нестандартному поступку. Обе версии правдоподобны, вера в предсказания была очень сильна, но не исключено, что причиной могла быть и подозрительность царя.

Пискаревский летописец содержит сведения о важных событиях опричнины; об учреждении опричнины, ее характере, разгроме Новгорода, княжении Симеона Бекбулатовича. Они основаны, вероятнее всего, на летописи конца XVI в., общей Пискаревскому летописцу и Сокращенному временнику. Достоверность всех известий подтверждается широким кругом источников – краткими летописцами, записками иностранцев, «Историей о великом князе Московском» Андрея Курбского.

3) Устные источники Пискаревского летописца

Первые исследователи Пискаревского летописца О. А. Яковлева⁴⁶ и М. Н. Тихомиров⁴⁷ считали, что в основе многих статей Пискаревского летописца, содержащих сведения об опричнине, лежат устные предания, слухи, основанные на рассказах оппозиционных бояр. Но для того чтобы выявить, насколько правомерно говорить о слухах, нужно определить само понятие устного источника.

В широком смысле устными считаются все источники, которые не были записаны. Если речь идет о недавней истории, то такое определение было бы достаточным. Но отдаленные эпохи невозможно изучать по устным источникам. Любое свидетель-

⁴⁵ Московский летописец // ПСРЛ. Т. 34. С. 226.

⁴⁶ Яковлева О. А. Пискаревский летописец. С. 14.

⁴⁷ Тихомиров М. Н. Пискаревский летописец как источник о событиях XVI – начала XVII вв. С. 236.

ство тех времен, чтобы дойти до нас, должно быть прежде всего записано. Применительно к ним можно говорить только об источниках устного происхождения. Тогда сразу возникает вопрос, как отличить здесь устный источник от письменного. О проблеме, возникающей при выявлении устного источника летописного текста, писал С. Н. Азбелев: «Впервые фиксируя тот или иной факт, летописец опирался исключительно на устные сообщения, если не был сам его непосредственным очевидцем. Письменные источники любого летописного свода (предшествующие ему своды, пополняющиеся летописи, исторические повести и т.п.), дававшие фактический материал, восходили в конечном счете к такого же рода устным повествованиям, какие составитель свода собирал на слух, собирая данные для изложения новейших событий»⁴⁸. Сложным вопросом является и определение соотношения фольклора и устного источника: представляет ли фольклор одну из разновидностей устных источников. С. Н. Азбелев их отождествляет: «Устные рассказы очевидцев – первоисточники, на основе которых появлялись и развивались исторические предания и легенды, героические сказания, исторические песни»⁴⁹. А И. Лазарев рассматривал устность как единственную форму бытования фольклора, без которой он собственно перестает быть таковым: «Устность – не формальный признак фольклора; он обозначает не способ передачи и распространения фольклорного произведения, а единственно возможную форму его существования в полноценном художественном виде»⁵⁰. Иными словами, не все устные источники носят фольклорный характер, но фольклор немислим без устной формы изложения, в противном случае это будет просто произведение определенного литературного жанра. А. И. Лазарев выделил два понимания фольклора: «Можно констатировать, что в настоящее время в русской науке термин ‘фольклор’ употребляется в двух значениях: 1) в широком смысле слова – для обозначения всей традиционной художественной культуры народа; 2) в узком

⁴⁸ Азбелев С. Н. Об устных источниках летописных текстов // ЛиХр 1976. С. 78–79.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Лазарев А. И. Трудные темы изучения фольклора. Челябинск, 1998. С. 14.

смысле – для обозначения поэтического творчества»⁵¹. Определение фольклора у А. И. Лазарева является более широким, чем у В. Я. Проппа, который понимал под фольклором только творчество социальных низов или народов доклассового общества⁵², поэтому мы будем придерживаться его.

Исходя из характеристики А. И. Лазарева, все статьи Пискаревского летописца, не имеющие письменных аналогов в других источниках, можно назвать просто «устными рассказами»: они не являются художественными произведениями, это не исторические предания, а, скорее всего, действительно просто запись слухов, циркулировавших в придворной среде. Само появление слухов, легенд свидетельствует, с одной стороны, об интересе к опрочнине, к эпохе Грозного, а с другой – о недостатке информации, который призваны были восполнить эти слухи. Но мы не можем утверждать, что Пискаревский летописец является первым письменным произведением, в котором слухи о событиях опрочнины обрели письменную форму, нельзя исключать, что они читались в составе какого-либо не дошедшего до нас источника и оттуда попали в Пискаревский летописец.

Записи, основанные на устных рассказах, начинаются в Пискаревском летописце еще с сообщения, помещенного под 1546 г., в которых говорится о коломенских «потехах» Ивана Грозного: «И тут была у него потеха: пашню пахал вешнюю и з бояры и сеял гречиху; и иныя потехи: на ходулах ходил и в саван наряжался»⁵³. А. А. Круп связывает эти сведения с каким-то языческим обычаем встречи весны⁵⁴. Я. С. Лурье сопоставил сообщение Пискаревского летописца о «потехах» в Коломне с одним замечанием в письме Ивана Грозного Курбскому: «Аще ли же о сем помышляеши, яко церковное предстояние не тако и играм бытие, и убо всего же ради лукавого умышления бысть» – и писал, что Пискаревский летописец дает конкретный пример таких игр, «имеющих сакральное значение и находящихся в некотором противоречии с

⁵¹ Там же. С. 8.

⁵² Пропп В. Я. Фольклор и действительность. М., 1976. С. 19.

⁵³ Пискаревский летописец. С. 189.

⁵⁴ Круп А. А. Предания о времени Ивана Грозного // Русский фольклор. М., 1976. Т. 16. С. 211.

нормами христианского благочестия»⁵⁵. То, что такие игры могли иметь место, подтверждается другими источниками. В одной из летописей XVI в., Александро-Невской, тоже описаны подобные развлечения царя: «Царь и великий князь ездил с детми своими со царевичи с Иваном и с Федором в Чюдовское село Черкизово тешиться; и повеле осеки осечи и медведи пушати»⁵⁶. Статья о коломенских событиях Пискаревского летописца основана на известиях о подобных играх. Поскольку Пискаревский летописец является единственным памятником, сообщающим о коломенских развлечениях царя, можно предполагать, что в основе статьи летописца лежит устный рассказ.

Следующие два сообщения Пискаревского летописца есть и в Сокращенном временнике – скорее всего, они были в общей им летописи конца XVI в. Это рассказы о Псковском юродивом Николе, обличавшем Ивана Грозного и ускорившем его отъезд из Пскова, и о переговорах Ивана Грозного с крымскими послами после похода крымского хана на Москву, когда царь и бояре нарядились в сермяги, бусыри, бараньи шубы. Эпизод с псковским юродивым Николой был широко известен и иностранцам. О нем упоминали Штаден, Флетчер, Горсей. Флетчер писал, что Никола Псковский, угрожая царю ужасным происшествием, если он не перестанет умерщвлять людей и не оставит город, спас таким образом жизнь множества людей⁵⁷. У Горсея юродивый Николай встретил царя в Пскове «смелыми проклятиями, заклинаниями, руганью и угрозами, называл его кровопийцем, пожирателем христианской плоти, клялся, что царь будет поражен громом, если он или кто-нибудь из его войска коснется с преступной целью хотя бы волоса на голове последнего из детей этого города»⁵⁸. Генрих Штаден сообщал, что Микола велел великому князю, приехавшему к нему в Псков, отправиться домой, и великий князь выполнил его приказ⁵⁹. Скорее всего, иностранцы взяли легенду о Николе из того же

⁵⁵ Лурье Я. С. Рецензия на статью О. А. Яковлевой. Материалы по истории СССР. Т. 2. С. 6–16 // Исторический архив. М., 1956. № 4. С. 218.

⁵⁶ Александро-Невская летопись // ПСРЛ. М., 1965. Т. 29: Александро-Невская летопись. С. 341.

⁵⁷ Флетчер Д. О государстве русском. СПб., 1906. С. 127.

⁵⁸ Горсей Д. Записки о России XVI – начала XVII в. М., 1990. С. 54.

⁵⁹ Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Л., 1925. С. 11.

источника, что и Пискаревский летописец. Возможно, это были какие-то рассказы оппозиционных бояр. Так как рассказы о юродивом Николе и о переговорах царя Ивана Грозного с крымскими послами, помимо Пискаревского летописца, читаются и в другом памятнике, Сокращенном временнике, можно предположить, что они взяты из летописи XVI в., общей обоим. Об устном источнике здесь приходится говорить условно, потому что в Пискаревский летописец они попали уже записанными.

Заметка последнего о свадьбе сына Владимира Андреевича Старицкого Василия и княжны Марии Мезецкой носит политический, явно тенденциозный характер. О. А. Яковлевой удалось определить недостоверность известия Пискаревского летописца о свадьбе: «Свадьба была в слободе с великим срамом и с поруганием. И князя Василия убил Володимировича»⁶⁰. Исследовательница обнаружила краткий летописец XVI в. Кирилло-Белозерского монастыря, сообщающий о естественной смерти князя Василия Владимировича Старицкого⁶¹. М. Н. Тихомиров полагал, что легенда о свадьбе князя Василия Владимировича Старицкого и княжны Марии Мезецкой была введена с целью очернить Грозного и его наследников⁶². Это показывает, что автор Пискаревского летописца не останавливался перед фальсификацией событий, если подобное искажение отвечало его целям.

Три рассказа Пискаревского летописца содержат легенды о предсказании опричнины. По одному из них, когда великий князь Василий Иванович и Елена Глинская ходили перед рождением царя Ивана Грозного в Троице-Сергиев монастырь, чернец швырнул в великую княгиню младенцем⁶³. В другом – казанская царица предсказывает послу Михаилу Сунбулову перед рождением Ивана Васильевича, что новорожденный родится с двумя рядами зубов: одним рядом он съест казанцев, другим – бояр⁶⁴. В третьем рассказе опричнину предсказывает митрополит Макарий: «Како мне видети сие?»

⁶⁰ Пискаревский летописец. С. 194.

⁶¹ Яковлева О. А. Пискаревский летописец. 178.

⁶² Тихомиров М. Н. Пискаревский летописец как источник о событиях XVI – начала XVII вв. С. 244.

⁶³ Пискаревский летописец. С. 194.

⁶⁴ Там же. С. 191.

Грядет нечестие и кровоизлияние и разделение земли»⁶⁵. Когда царь попросил митрополита Макария прислать ему книги для душеполезного чтения, тот прислал ему «погребален» (сборник заукойных молитв). В ответ на неудовольствие царя митрополит сказал: «Аз, богомолец твой, послал спроста по твоему приказу, что еси велел прислати книгу душеполезну, и та всех полезнее: аще кто ея со вниманием почитает, и тот в веки не согрешит»⁶⁶. Все подобные легенды могли появиться уже после учреждения опричнины. Они отражают не столько реальные факты, сколько восприятие обществом событий времени Ивана Грозного. Статья Пискаревского летописца о предсказании казанской царицы напоминает свидетельство одного краткого летописца о том, что новорожденный царь Иван станет русским самодержцем⁶⁷. Это показывает, что существовали различные легенды об опричнине и царе Иване Грозном, часть из которых попала и в Пискаревский летописец.

К последним статьям Пискаревского летописца, восходящим к устным источникам, можно отнести рассказы о пирах: «Не в кое время в таржественный день жаловал царь и великий бояр и окольных, и дворян, и всяких чинов людей и звал на обед и на пир. И как почали прохлажати и всяким глумлением глумитися: овии стихи пояше, а овии песни вспевати и собак звати и всякие срамныя слова глаголати. И государь царь и великий князь повеле их речи слушати и писати тайно. И наутрея повеле к себе список принести речей их и удивишася о сем, что такая люди разумныя и смренныя от его царьского сунклита, такие слова простыя глаголюще»⁶⁸. Исследователи полагают, что здесь отразились рассказы о пирах Ивана Грозного⁶⁹. К рассказу о пирах близка следующая заметка Пискаревского летописца: «Да не в кое время послал царь и великий князь слушать в торг у всяких людей всяких речей и писати тайно. И принесоша ему список речей мирских, и удивишася мирскому волнению»⁷⁰.

⁶⁵ Там же. С. 190.

⁶⁶ Там же. С. 194.

⁶⁷ ОР РГБ. Ф. 256. Д. 380. Летопись – краткое перечисление событий от рождения Ивана IV до кончины царя Михаила Федоровича. Л. 381.

⁶⁸ Там же. С. 194.

⁶⁹ *Скрытников Р. Г.* Опричный террор. С. 163.

⁷⁰ Там же. С. 194.

Рассказы Пискаревского летописца о коломенских «потехах», свадьбе князя Василия Старицкого, предсказании опричнины, пирах Ивана Грозного и записи царскими чиновниками рассказов посадских людей являются уникальными, они не встречаются больше ни в одном источнике, помимо Пискаревского летописца. Это делает невозможным проследить их происхождение и определить достоверность. Все известия объединяет резкая враждебность по отношению к опричнине, поэтому не исключено предположение, что большинство опричных статей представляет собой запись устных рассказов, которые сочинялись и распространялись при царском дворе. Возможно, часть из них была записана летописью, общей Пискаревскому летописцу и Сокращенному временнику, т. к. статьи о юродивом Николе, переодевании царя и бояр при встрече крымских послов находятся в обоих летописцах. Но большая часть рассказов, основанная на записи устных источников, читается только в Пискаревском летописце. К устным источникам их позволяет отнести, возможно, не только отсутствие аналогий в других письменных сочинениях, но и сама форма изложения, без указания на точную дату события: «не в кое время».

Пискаревский летописец является единственным памятником XVII в., сохранившим такое большое количество рассказов об опричнине, основанных, по-видимому, на записи устных известий. Он представляет собой также единственную летопись XVII в., в которой нашли самое полное отражение события того времени. Во многих сводах и кратких летописцах XVII в. история опричнины или вовсе отсутствует, или изложена крайне скудно, ограничиваясь одной-двумя заметками.

Помимо статей об опричнине, Пискаревский летописец содержит сведения о событиях накануне Смутного времени – конца XVI – начала XVII в., а также Смуты. В историографии Смута и предшествовавшие ей события часто рассматриваются в неразрывной связи⁷¹. Восточники по этой эпохе нами также изучаются вместе, т.к. в Пискаревском летописце их трудно отделить друг от друга. Например, статья о Григории Отрепьеве, с которой начи-

⁷¹ Морозова Л. Е. Смутное время в России. М., 1990; Скрынников Р. Г. Россия в начале XVII в.

нается описание Смуты, помещена под 1603 г., тогда как начало Смутного времени датируется обычно 1605 г.

Источники периода Смутного времени в памятнике выявить трудно. Летописец, как правило, не содержит точных пересказов, по которым можно узнать, откуда они заимствованы. Источники здесь можно определить не только и не столько на основе текстуального сходства, сколько на основе совпадения содержащейся в них информации. Исследование затрудняется тем, что события Смутного времени описаны во многих сочинениях: повестях, сказаниях. Каждое из этих произведений уникально, но в то же время некоторые из них сходны друг с другом и с Пискаревским летописцем, поэтому следует провести детальное сравнение с последним для установления их отношения к нему. Для сличения с Пискаревским летописцем из массы произведений Смутного времени надо выделить наиболее близкие ему. Автор применяет здесь традиционную методику поиска источников летописного произведения, именно она представляется наиболее эффективной. Методика количественного исследования нарративных сочинений Смутного времени, предложенная Л. Е. Морозовой, позволяет говорить только о наличии или отсутствии связи между произведениями, но ничего не дает для понимания характера этой связи⁷². Поэтому она, как считает и сама Л. Е. Морозова, должна дополняться традиционными методами источниковедческого исследования. В частности, исследовательница установила, что выявленные на основании количественных методов связи Пискаревского летописца с Повестью о честном житии Федора, Сказанием о самозванце, Житием царевича Дмитрия, Плачем о московском пленении и Рукописью Филарета могут быть вполне содержательными и требуют проверки традиционными текстологическими методами. Поэтому Пискаревский летописец будет сопоставлен с летописями, повестями и сказаниями Смутного времени. Такое сравнение позволит определить, использовал ли автор Пискаревского летописца сказания и повести Смутного времени непосредственно, или Пискаревский летописец имеет общие с ними источники либо независим от них. Пискаревский летописец будет сравниваться также с краткими летописцами, имеющими в своем составе сведения о Смутном времени.

⁷² Морозова Л. Е. Смуты начала XVII в. глазами современников. М., 2000.

Первое известие 1584 г. о мятеже бояр в Пискаревском летописце совпадает с аналогичным сообщением Сокращенного временника:

Пискаревский летописец:	Сокращенный временник:
«Почал в боярех мятеж и разделение: боярин князь Иван Федорович Мстиславской с сыном со князем Федором да Шуйския, да Голицыны, Романовы да Шереметевы и Головины и инья советники. А Годуновы, Трубецкия, Щелкаловы и инья их советники, и Богдан Бельской. И похотел Богдан быти больши казначея Петра Головина. И за Петра стал князь Иван Мстиславской с товарищи и все дворяне, а за Богдана Годуновы» ^{15*} .	«Бысть смятение меж бояр: боярин князь Иван Федорович Мстиславский, Шуйския, Голицыны, Романовы, Шереметевы, Головины с советники. И Богдан Бельский захотел больше казначея Петра Головина. И за Петра стал князь Иван Мстиславский, а за Богдана Годуновы» ^{16*} .

^{15*} Пискаревский летописец. С. 189. ^{16*} Сокращенный временник. С. 149.

Здесь в Пискаревском летописце, возможно, нашла отражение летопись, которая была использована и в Сокращенном временнике. Но в последнем чтение более правильное. М. Н. Тихомиров заметил, что Сокращенный временник в некоторых случаях передает содержание этого источника точнее, чем Пискаревский летописец. Так, в Пискаревском летописце сказано: «И, вражым наветом, некой от маленьких детей боярских учал скакати из Большого города да вопити в народе, что Годуновы 'бояр побивают'. В Сокращенном временнике дано правильное чтение 'бояр Годуновых побивают', так как именно противники Годуновых Никита Романов и князь Иван Мстиславский пришли в Кремль с вооруженной толпой бояр и холопов, когда узнали, что Богдан Бельский, на стороне которого выступили Годуновы в местническом споре, собирается восстановить опричный двор»⁷³. Автор Пискаревского летописца, скорее всего, изменил текст вполне сознательно, не по ошибке. Возможно, здесь проявилась его враждебность к Годуновым.

Под 1586 г. в Пискаревском летописце читается известие об опале князя Андрея Шуйского и казначея Петра Головина. Князя

⁷³ Скрынников Р. Г. Лихолетье: Москва в XVI–XVII вв. М., 1988. С. 106.

Андрея Шуйского сослали в Самару, а Петра Головина – в Арзамас, там они умерли насильственной смертью. Это сообщение, возможно, взято из разрядов, в других летописях оно не встречается. Статья о князе Андрее Шуйском нуждается в проверке. В Новом летописце, Хронографе особого состава и одном летописце, содержащем в себе информацию о происшествиях с 1437 по 1619 г. князя Андрея Ивановича Шуйского сослали не в Самару, а в Каргополь⁷⁴. Неизвестно, из каких летописей взяты сведения о ссылке князя Ивана Петровича Шуйского на Белозеро под 1587 г. и ссылке туда же князя Ивана Федоровича Мстиславского под 1591 г. О ссылке Мстиславского, помимо Пискаревского летописца, упомянуто только в летописце, содержащем в себе происшествия с 1437 по 1619 г.: «Князь Ивана Федоровича Мстиславского поймав сосла в Кирилов монастырь и тамо постригоша его»⁷⁵. Известия Пискаревского летописца об учреждении патриаршества в Москве нет в других источниках. В Пискаревском летописце сказано, что патриарха Иеремию убили в Константинополе за поставление в Москве патриарха. Этого не было, но здесь, вероятно, нашли отражение какие-то известные летописцу факты о напряженности и драматичности переговоров, предшествующих учреждению патриаршества. Однако он не знал всех их подробностей, поэтому и допустил такую ошибку.

Пискаревский летописец содержит много сведений о военных походах. Здесь наблюдается наибольшая близость Пискаревского летописца к разрядам, хотя полного текстуального сходства с сохранившимися разрядными книгами нет:

<p>Пискаревский летописец: «Прииде под Ямгород, и тут немцы царю добили челом и город здали»^{17*}.</p>	<p>Разрядная книга: «Генваря в 26 день государь, царь и великий князь Федор Иванович приходил к Яме-городу и город Яму взял»^{18*}.</p>
--	--

^{17*} Пискаревский летописец. С. 196. ^{18*} Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. Т. 3. С. 420.

⁷⁴ Новый летописец. С. 37; РГАДА. Ф. 181. Д. 361. Хронограф особого состава. Л. 280об.; РГАДА. Ф. 181. Д. 94. Летописец, содержащий в себе происшествия с 1497 по 1619 г. Л. 154об.

⁷⁵ Там же. Л. 152об.

Пискаревский летописец не заимствует текст разрядной записи, однако не дает и какого-то принципиально нового чтения по сравнению с ней. В Пискаревском летописце сообщается, что город Ям сдали немцы, тогда как в разрядной книге эта деталь отсутствует, но там указана точная дата события.

Несмотря на то что у Пискаревского летописца нет текстовального совпадения с сохранившимися разрядными книгами, точность в статьях о последующих военных походах заставляет предполагать использование разрядных записей. Так, здесь названы имена убитых и раненых при осаде Ругодива, царь Федор Иванович, как и в разрядной книге, откладывает осаду Ругодива, за что шведы отдают Иван-город. Как и в разрядной книге, в Пискаревском летописце крымский хан решил не штурмовать Москву, испугавшись артиллерийского шума.

То, что Пискаревский летописец мог использовать разрядные записи, подтверждают и некоторые краткие летописцы. Они тоже сообщают о военных походах и, как Пискаревский летописец, не имеют сходства с разрядными книгами, но их известия очень точны. Скажем, в кратком «Сказании о произведении и возвращении народа русского» перечислены все отвоеванные у шведов города: «Царь Федор Иванович ходил на войну против шведов, отняв у них города: Ям, Копорье, Иван-город»⁷⁶. В другом кратком летописце названо точное количество захваченных городов: «Князь Федор Мстиславский, князь Федор Михайлович Трубецкой да Иван Васильевич Годунов ходили в немецкую землю под Выборг и взяли 7 городов»⁷⁷. Все это указывает на то, что разрядные записи редактировались или самим автором Пискаревского летописца, или попали туда уже в отредактированном виде из других источников. Но первое предположение представляется более вероятным, поскольку большого сходства у Пискаревского летописца с краткими летописцами, в составе которых также читаются разрядные записи, нет, к тому же многие краткие летописцы являются по

⁷⁶ РГАДА. Ф. 181. Д. 79. Краткое сказание о произведении и возвращении народа русского. Л. 44об.

⁷⁷ РГАДА. Ф. 201. Д. 44. Краткие выписки из летописей от крещения св. Владимира до 1652 г. Л. 120об.

происхождению более поздними, чем Пискаревский летописец, и он не мог производить заимствования из них.

Пискаревский летописец сообщает много известий о строительстве городов. Под 1584 г. в нем помещена следующая статья: «Повелением благочестивого царя Феодора Ивановича всея Руси зачат делати град каменной на Москве, где был земляной, а имя ему Царь-град»⁷⁸. Такое же сообщение читается в одном кратком летописце: «Царь и великий князь Федор Иванович повеле на Москве делать град каменный около Большово посаду, нарекоша его Царев-град»⁷⁹. Это же известие встречается во многих других летописях: в Мазуринском летописце, «Временнике» Ивана Тимофеева, Сокращенном временнике, кратких летописцах. Но в Сокращенном временнике и кратких летописцах оно отличается от аналогичного известия Пискаревского летописца: «Велел государь царь и великий князь Федор Иванович всеа Руси заложити на Москве град каменный Белой, а делали его 7 лет»⁸⁰. Очевидно, Пискаревский летописец не обращался здесь к подобным кратким летописцам, т. к. между ними нет сходства, но он мог располагать другими летописными записями о строительстве городов.

В статье Пискаревского летописца 1585 г. объединены события разных лет: здесь говорится об основании сибирских городов, а также помещено сообщение, отсутствующее в других летописях, что в Сибири «заводили пашню». Предполагаемый автор летописи, возможно, имел отношение к строительству городов, поэтому он мог знать обосновании городов в Сибири и о хлебопашестве там. Под 1594 г. в памятнике читается известие о строительстве в Казани каменного кремля: «Зделан град камен в Казани»⁸¹. Такое же известие о Казанском кремле находим и в летописце 1602 г. о строительстве в Московском государстве, написанном современником: «Почали делать град каменной в Казани»⁸². Под 1587 г. в Пискаревском летописце помещена статья об основании Астра-

⁷⁸ Пискаревский летописец. С. 189.

⁷⁹ РГАДА. Ф. 201. Д. 44. Краткие выписки из летописей от крещения св. Владимира до 1652 г. Л. 18–18об.

⁸⁰ Там же; Сокращенный временник. С. 149.

⁸¹ Пискаревский летописец. С. 196.

⁸² Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники XVI в. // Изв. М., 1941. Т. 10. С. 197.

ханского кремля: «Послал царь и государь в Астрахань города делати каменного Михаила Вельяминова да дьяка Дея Губастого, а велел ломати мизгиты и полаты в Золотой Орде и тем делати город»⁸³. Известие об основании Астраханского кремля есть и в кратком российском летописце до 1650 г.: «В лето 7096-го года повелением царя и великого князя Федора Ивановича построен город каменной Астрахань на Волге-реце»⁸⁴. Но в Пискаревском летописце здесь сообщены по сравнению с кратким летописцем дополнительные подробности о строительстве кремля: о посланных с этой целью в город Михаиле Вельяминове и дьяке Дее Губастом, а также о том, что для строительства кремля в Астрахани разобрали остатки столицы Золотой Орды. От 1587 г. есть грамота царя Федора Ивановича воеводе Григорию Засекину о посылке в Астрахань судов, на которых были привезены лесные материалы для возведения города и острога⁸⁵. В грамоте в числе лиц, руководивших строительством в Астрахани, назван дьяк Дей Губастый. То, что и в грамоте, и в Пискаревском летописце встречается имя дьяка Дея Губастого, а также отсутствие в других источниках сведений об использовании остатков городов Золотой Орды для строительства в Астрахани, позволяет предположить, что статья об Астраханском кремле написана современником событий. Автор мог здесь обратиться и к своим собственным летописным записям.

Под 1594 г. в Пискаревском летописце читаем известие об основании деревянного города в Москве, которое находим и в кратком российском летописце. Но в Пискаревском летописце приведены подробности, отсутствующие в кратком российском летописце: «Конец его от Благовещения, а другой приведен к Семгинному сельцу, немного пониже, а за Москвою-рекою против того же места конец»⁸⁶. Возможно, здесь мы тоже находим свидетельство современника, видевшего этот город.

Под 1597 г. помещена еще одна статья об основании кремля в Смоленске. Ее О. А. Яковлева отнесла к числу тех статей Пискаревского летописца, которые дают новые чтения по сравнению с

⁸³ Пискаревский летописец. С. 196.

⁸⁴ РГАДА. Ф. 181. Д. 64. Краткий российский летописец до 1650 г. Л. 170об.

⁸⁵ РИБ. СПб., 1875. № 38. С. 45–46.

⁸⁶ Пискаревский летописец. С. 197.

другими источниками, потому что в ней есть сообщение о том, что камень и известь для Смоленского кремля возили со всей Русской земли⁸⁷. Но такое же известие читаем и в Новом летописце, где сказано, что Смоленский кремль строили усилиями всех городов. Запись о строительстве смоленского кремля особенно интересна нам тем, что в ней в числе строителей назван один из дьяков, предполагаемый автор летописи.

Часть сведений Пискаревского летописца о строительстве в Москве при Борисе Годунове встречается только здесь и отсутствует в других источниках. Это статьи о проведении водопровода на царский двор под 1601 г., устройстве в Москве богаделен по псковскому образцу, известие о том, что царь Борис Федорович хотел делать «Святая святых» в Кремле, для чего был изготовлен деревянный образец, но смерть помешала царю продолжить начатое. Активную строительную деятельность Бориса Годунова отметил не только Пискаревский летописец, о ней пишет еще и один краткий летописец: «И сей государь царь и великий князь Борис Федорович во свое царство в русском государстве градов и монастырей и прочих достохвальных вещей много зело устроив»⁸⁸. Под 1601 г. в интересующем нас памятнике помещена статья о книгопечатании при Борисе Годунове: «Печатали книги: евангелия, апостолы, часовники, минеи общие, треоди постные и цветные, октаи, служебники, и печатаны в разных городех»⁸⁹. Этот текст почти дословно совпадает со вставкой Пискаревского летописца под 1586 г.: «В 100-м году и в оных годех печатаны книги: евангелия, апостолы, псалтыри, часовники, октаи, минеи общая, служебная, треоди постныя и цветныя»⁹⁰. О. А. Яковлева и Л. Н. Теплов, объясняя повторение одного и того же известия дважды, считали, что здесь просто описка: вместо слов в «разных годех» написано в «разных городех»⁹¹, – в то время, когда появилась статья О. А. Яковлевой и Л. Н. Теплова, книгопечатание при Борисе

⁸⁷ Яковлев А. И., Яковлева О. А. Новая летопись. С. 22.

⁸⁸ ОР РГБ. Ф. 310. Д. 758. Летописец русский краткий. Л. 61об.

⁸⁹ Пискаревский летописец. С. 203.

⁹⁰ Там же. С. 200.

⁹¹ Яковлева О. А., Теплов Л. Н. Новые данные о книгопечатании в конце XVI – начале XVII вв. С. 27.

Годунове было еще плохо изучено. Но более поздние исследователи истории печатной книги открыли существование в самом начале XVII в. типографии в Казани⁹². Возможно, что это не повторение одного сообщения под разными годами: автор просто писал о книгах, напечатанных в Москве и в других городах. Известия о книгопечатании в Пискаревском летописце уникальны, они могут быть свидетельствами современника: не исключено, что их оставил человек, который, занимаясь строительством в городах, вероятно, имел отношение и к устройству типографий.

Под 1585–1586 гг. в Пискаревском летописце помещена вставка: «Прописано в сем летописце 7093–7094» (1584/1585–1585/1586). Здесь даны известия о серебряных раках святым Петру, Алексею, Василию Блаженному, Макарию Калязинскому, Кириллу Белозерскому при царе Федоре Ивановиче, а также о строительстве новых храмов.

Во вставном тексте сообщены дополнительные подробности и о жизни Василия Блаженного: исцеление им инок Герасима, бывшего без ног и просившего милостыню у Фроловских ворот, сказано, что Василий Блаженный жил на Кулишках у боярской вдовы Стефаниды Юрловой⁹³. Здесь речь идет о постройке храма Василию, об устройстве здесь придела Николе чудотворцу в честь принесения в Москву образа святителя Николая. Священник Иван Кузнецов считал эти сообщения Пискаревского летописца достоверными, составленными лицом, «чуть ли не современным первым годам Покровского собора или пользовавшегося сведениями от такого современника»⁹⁴. По его мнению, Пискаревский летописец достоверно объясняет устройство Никольского придела в Покровском соборе: в храме был обнаружен лишний придел, а в Москву принесен образ святителя Николая, – иначе не было бы необходимости в устройстве придела, так как около храма стояла Никольская церковь⁹⁵.

⁹² *Рогов А. И.* Книгопечатание // Очерки русской культуры XVII в. М., 1979. Ч. 2. С. 15.

⁹³ Пискаревский летописец. С. 189.

⁹⁴ *Кузнецов И.* О постройке московского Покровского собора. С. 24.

⁹⁵ Сокращенный временник. С. 145–146.

Сообщение об устройстве придела Николы-чудотворца есть и в Сокращенном временнике. Статьи о строительстве Покровского собора очень похожи в обоих памятниках:

<p>Пискаревский летописец: «Повелением царя и великого князя Ивана зачата делати церковь обетная, еже обещался в взятие казанское: Троицу и Покров и семь пределов. И приде царь на оклад той церкви с царицею Анастасиею и с отцом богомольцем Макарием митрополитом. И принесоша образы чудотворныя многия, и Николу чудотворца, кой прииде с Вятки. И царь, и митропалит, и весь сунклит царьской во удивление прииде о том, что обретеса лишней престол. И поволи царь тут быти престолу Николину»^{19*}.</p>	<p>Сокращенный временник: «В лето 7068 на Москве совершишася и освящена на рву у Фроловских ворот церковь Покровская Богородицы митрополитом Макарием. А ту церковь, по обету своему, царь Иван Васильевич заложил, как пошел под казанское царство. И семь в ней престолов, и в закладыванье объявися лишней престол, а у царя в думе не было, и повеле престол зделать Николы Чудотворца разсмотреша мастера, что лишний престол обретеса, и сказаша царю. А в то принесен образ Николы чудотворца с Вятки»^{20*}.</p>
--	---

^{19*} Пискаревский летописец. С. 189. ^{20*} Сокращенный временник. С. 146.

В Сокращенном временнике читаются и сведения о Василии Блаженном, отсутствующие в Пискаревском летописце: «Бысть на Москве пожар великий, таков не бывал: все города и казна царская згорела; а накануне того пожару в Воздвиженском монастыре пророчествовал Василий Блаженный: плакал с великим воплем. В лето 7060 преставися на Москве Василий Блаженный, нача странствовать и ходити от 10 лет возраста своего, а всех лет поживе 88»⁹⁶. Отрывок из Сокращенного временника приведен для того, чтобы показать, что этот памятник далеко не всегда совпадает с Пискаревским летописцем, и поэтому Пискаревский летописец не был непосредственным источником последнего, а основан на общем обоим источнике. Заметки Пискаревского летописца о строительстве храма Василия Блаженного и некоторых событиях

⁹⁶ Сокращенный временник. С. 145–146.

его жизни, вероятно, взяты из летописи XVI в., которую использовал и Сокращенный временник.

4) Источники по истории Смутного времени и первой половины XVII в. (1605–1645)

Изложение событий Смутного времени начинается в Пискаревском летописце с обширной статьи 1603 г., где излагается биография Григория Отрепьева. Пискаревский летописец обнаруживает здесь сюжетное сходство и с разрядными записями, и с Новым летописцем: Григорий Отрепьев был в московском Чудове монастыре, стал там дьяконом, служил у патриарха Иова, ушел в северские города, оттуда – в Киев в Печерский монастырь, из Киева – в Литву; в Литве Григорий Отрепьев заболел и на исповеди сказал, что он царевич Дмитрий Угличский. Как доказала В. Г. Вовина, автор Пискаревского летописца не обращался в статье о биографии Григория Отрепьева к Новому летописцу. Оба памятника независимы друг от друга, но, возможно, некоторые сведения попали в Пискаревский летописец из разрядных записей: о пребывании Григория Отрепьева в Чудове монастыре, о северских городах, Киеве, о бегстве в Литву, о болезни и духовной исповеди. О бесспорном заимствовании нельзя говорить, поскольку у разрядных записей и Пискаревского летописца прослеживается лишь общая событийная канва, но нет текстуального сходства.

Некоторые повести Смутного времени также близки по сюжету Пискаревскому летописцу, они излагают те же самые сведения. Из всех сказаний Смутного времени с Пискаревским летописцем особенно сходны сочинения князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовского и князя Семена Ивановича Шаховского. Например, в повести князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовского читаем о Самозванце: «От юности восхоте мнишеский образ носити. По мале времени пострижения своего изыде той чернец во царствующий град Москву и тамо дойде пречестныя обители архистратига Михаила и великого чудотворца Алексия, и принят бысть архимаритом и всею братиею в пречестную обитель в крылосный чин; в той же обители поставляетца во дьяконы от патриарха Иова. Отъиде во страну северских градов, и оттоле дошед литовский земли до града Киева. И разболевся же лестию, якобы

и до смерти уже пришел, и призвав к себе священника греческия веры исповедует ему лестию вся своя согрешения. И на конец исповедания рече ему слово едино под клятвою, яко он есть царь Дмитрей, сын великого князя Иоанна Московского»⁹⁷.

Для сравнения с произведением князя Катырева-Ростовского приведем отрывок из другого сочинения Смутного времени: повести князя Семена Ивановича Шаховского, где сходным образом описывается болезнь Григория Отрепьева: «Разболелся лестию якобы и до смерти уже пришел, повелевает же призвати священника греческия веры и исповедует ему лестию свои согрешения. И на конец исповедания рече ему слово едино под клятвою: яко несмъ, рече, инок, им же мя образом видиши, но сын есмъ царя и великого князя Иоанна Васильевича Московского»⁹⁸. Две повести никак не связаны друг с другом, просто они пишут об одном и том же. Нельзя установить и их общий источник, так как нет прямых текстуальных заимствований. В этих повестях, как и в разрядных записях, не наблюдается текстуального сходства и с Пискаревским летописцем, хотя здесь можно проследить общие сюжетные линии.

Но по сюжету изложение биографии Григория Отрепьева в Пискаревском летописце ближе все же к разрядным записям, а не к повестям Смутного времени, хотя полного текстуального совпадения у Пискаревского летописца с разрядными записями, как уже упоминалось, нет:

⁹⁷ Повесть князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовского // РИБ. СПб., 1891. Т. 13. С. 568–569.

⁹⁸ Повесть князя Семена Ивановича Шаховского // Там же. С. 681–860.

Пискаревский летописец:

«И тут (в Чудове монастыре) пребываше и безмороваше года два, дьяконского чину сподобляетца. И после того почал бражничать и многия грехи творить. И злого безчиния из монастыря выбили вон... И оттоле Гришка Рострига поиде в северские грады и попушением божиим, наветом вражиим, скиня с себя иноческий образ, оболкся в мирское одеяние... И прииде из северских градов в Киев ко князю Адаму Вишневецкому, и ту у него стал пребывати, и сказался царевичем Дмитрием Углецким... а в его место бутто убили попова сына. И князь Адам Вишневецкой поехал к королю в Литву и ево взял с собою. Да он же, Гришка Рострига, вражиим научением разболелся и лежал неделю, не ел. И призвал к себе попа, и на духу сказал, что он прямой царевич Дмитрий»^{21*}.

Разрядные записи за Смутное время:

«И тот вор Рострига Гришка сын сотника стрелецкого Богдана Отрепьева, постригошась был в Чудове монастыре в дьяконех, и в 7111 году зшел на Северу, и збежал за рубеж в Литву, и пришел в Печерский монастырь. И умысля дьявольскою козною раболелся до умертвия и велел бить челом игумену Печерскому чтоб его поновил, и вдуховне сказал: будто он сын великого государя царя Ивана Васильевича царевич Дмитрий Углецкий»^{22*}.

^{21*} Пискаревский летописец. С. 206. ^{22*} Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время. М., 1907. С. 1.

И в Пискаревском летописце, и в разрядных записях сказано о пострижении Григория Отрепьева в Чудове монастыре в Москве, оттуда он сбежал в северские города, а потом в Литву, говорится также о его болезни, во время которой на духовной исповеди он признался в своем царском происхождении. Но в Пискаревском летописце Григорий Отрепьев сбежал в Киев к князю Адаму Вишневецкому, в разрядных же записях после бегства в Литву будущий Лжедмитрий I очутился в киевском Печерском монастыре. У Пискаревского летописца не прослеживается здесь сходства и со сказаниями Смутного времени. В сочинениях князя Катыва-Ростовского и князя Семена Ивановича Шаховского, несмотря

на схожесть изложения событий в обоих, отсутствуют сведения о встрече Григория Отрепьева с князем Адамом Вишневецким. Видимо, составитель свода воспользовался здесь разрядными записями. Нельзя исключить и того, что автор летописи находился в это время в Чернигове, где и получил известия о Лжедмитрии I.

В Пискаревском летописце встречаем одно сообщение о самозванце, отсутствующее в других источниках: Григорий Отрепьев якобы приходил к царице Марфе в монастырь на Выксе и она дала ему крест своего сына Дмитрия Угличского. Р. Г. Скрынников считал рассказ об этом посещении фантастичным⁹⁹. Неизвестно, откуда попал этот рассказ в Пискаревский летописец, т.к. в письменных источниках Смутного времени он отсутствует. По-видимому, автор летописца, как и многие другие современники, знал о скитаниях Григория Отрепьева по монастырям понаслышке¹⁰⁰.

Рассказы о военных походах Григория Отрепьева в анализируемом источнике ближе всего к разрядным записям: и в Пискаревском летописце, и в разрядных записях говорится о том, что самозванец взял Чернигов, называется черниговский воевода – Иван Татев, говорится о добровольной сдаче Путивля, о поражении Григория Отрепьева под Добрыничами, после которого Самозванец ушел в Путивль, о том, что царевич Федор Борисович послал под Кромы Петра Басманова приводить людей к крестному целованию царевичу Федору, об измене окраинных городов, которые целовали крест самозванцу. Текстуального совпадения нет и здесь:

⁹⁹ Скрынников Р. Г. Материалы для биографии Григория Отрепьева. С. 77.

¹⁰⁰ Там же. С. 76.

Пискаревский летописец:

«И Манастирєв город взял. И Чернигов взял, и воеводу князя Ивана Татева. А Путимль ему здали и воеводу Михаила Салтыкова привели. И многие северские города почали здаватца... И царь Борис послал противу него великую рать: бояр и воевод, Мстисловского с товарищи. И оне пришли в Северу и стали противу его стояти и битца безпрестанно... И под Добрыничами побили его наголову. И оттоле побежал в Путимль. И воеводы пошли под Кромы. И под Кромами стояли много времени и кровь проливали. И в то время не стало царя Бориса скорою смертию, и сын ево, царевич Феодор Борисович, прислал окольничева Петра Басманова приводити ко кресту на свое имя... И многие стали крест целовати, а иные враждовати и креста не целовати»^{23*}.

**Разрядные записи
за Смутное время:**

«Вор Рострига с литовскими пришел Чернигов взял. А в Чернигове были воеводы: князь Иван Андреевич Татев, князь Петр княж Михайлов сын Шоховской. И этот вор Рострига, взяв Чернигов, пошел к Новгородку, а в Путимль послал з грамотами и путимльцы ему добили челом и крест целовали и воевод к нему и наряд привезли под Новгородок. И пришли бояре и воеводы князь Федор Иванович Мстиславский с товарищи, и с вором, и с литовскими людьми был бой. И тое же зимою бояре и воеводы князь Федор Иванович Мстиславский с товарищи вора Ростригу и литовских людей в Добрыничах побили. А Рострига с бою с невеликими людьми утек в Северский, а оттуда побежал в Путимль. После смерти царя Бориса бояре, воеводы и дворяне на Москве и в полках и в городах всякие люди целовали крест сыну ево царевичю Федору Борисовичю и в полки посланы с Москвы бояре и воеводы князь Михайло Петрович Катырев да Петр Федорович Басманов. И украинских городов дети боярские резанцы, кошеряне, туляне, олексинцы и всех украинских городов Ростриге крест втайне целовали»^{24*}.

^{23*} Пискаревский летописец. С. 206, 216. ^{24*} Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время. С. 2–4.

В Пискаревском летописце, в отличие от разрядных записей, сообщены дополнительные известия о том, что Расстрига взял город Монастырев, а воеводы после того, как разбили войска Самозванца под Добрыничами, пошли под Кромь. Но если в Пискаревском летописце сказано, что некоторые люди после смерти Бориса Годунова не стали целовать крести его сыну царевичу Федору, то в разрядных записях за Смутное время жители окраинных городов втайне целовали крест Расстриге. Как видно, между разрядными записями и Пискаревским летописцем нет не только текстуального тождества, но и полной идентичности содержания, несмотря на близость текстов обоих.

Сведения о том, что Григорий Отрепьев послал сначала к Москве дворян Гаврилу Пушкина и Наума Плещеева, о том, что после взятия Москвы царица Мария и царевич Федор были убиты князем Василием Мосальским и дьяком Богданом Сутуповым по его приказу, царевна Ксения была пострижена в монастырь, а Годуновы разосланы по городам, также больше всего напоминают сообщения разрядных записей. В литературных повестях Смутного времени и кратких летописцах XVII в. нет такого полного изложения событий. Например, в «Сказании о Гришке Отрепьеве» говорится только о Гавриле Пушкине и Науме Плещееве: «И отпускает к царствующему граду Москве посланников своих з грамоты с крестоцеловальными, и с ласкою, и з грозою, к бояром, и воеводам, и окольнічым, и дворяном, и стольником, и чашником, и ко всему царскому чину, и к приказным людем, к гостям и торговым людем, и к черным людем, Гаврила Пушкина, Наума Плещеева, объявляя себя, аки истиннаго царевича Дмитрея Ивановича»¹⁰¹. В летописце, написанном «выбором из старых летописцев», помимо Гаврилы Пушкина и Наума Плещеева, упоминается и арест царя Федора Борисовича с матерью: «Григорий Отрепьев отпустил к Москве с грамотами Гаврила Пушкина да Наума Плещеева, а нареченного царя Федора Борисовича и царицу мать его Марью повелевает изымати и посадит до своего указа в крепости»¹⁰². Текстуального сходства ни у «Сказания», ни у летописца с Пискаревским летописцем нет.

¹⁰¹ Сказание о Гришке Отрепьеве // РИБ. СПб., 1891. С. 729.

¹⁰² РГАДА. Ф. 181. Д. 1147. Летописец, написан выбором из старых летописцев. Л. 45 об.

Некоторые статьи Пискаревского летописца напоминают свидетельства современника. Например, к наблюдениям очевидца событий можно отнести известия Пискаревского летописца о том, что Василий Шуйский обличал Лжедмитрия I, тот велел сослать Шуйских, но потом опять их вернул, о боярских свадьбах в Москве при Лжедмитрии I. Воспоминаниями современника может являться и статья о восстании против самозванца: «Всею землею на нево восстали. И у бояр дума на нево, да немногая, тако не от тово ему сталося»¹⁰³.

Многие источники Смутного времени пишут, что Лжедмитрия похоронили на Кулишках, а затем сожгли в «аду». Об этом сообщает и автор Пискаревского летописца. Однако полного тождества с другими источниками у Пискаревского летописца здесь не прослеживается, поскольку большинство источников имеют более позднее происхождение, чем Пискаревский летописец, статью о смерти Григория Отрепьева можно рассматривать как воспоминание современника.

В Пискаревском летописце нашли отражение и документальные источники Смутного времени. Из грамот царя Василия Шуйского взяты свадебная запись Григория Отрепьева сандомирскому воеводе Мнишку, письма Расстриги к папе римскому, письма кардинала Малагриды к самозванцу, в которых говорится о намерении Лжедмитрия I ввести в России католичество, 'расспросные речи' пана Бучинского, излагавшие замысел Григория Отрепьева уничтожить русских бояр и заменить их поляками. Текст всех этих документов приведен почти буквально. Кроме Пискаревского летописца, грамоты Василия Шуйского встречаем и в двух повестях Смутного времени таких, как «Иное сказание» и «Сказание о Гришке Отрепьеве». В «Ином сказании» из документов взято только сообщение о намерении Лжедмитрия I расправиться с православными христианами: «И учиниша сей окаянный гонитель со своими злосоветники иайя в 18 день недельный бояр и гостей и всех православных христиан»¹⁰⁴. В «Сказании о Гришке Отрепьеве» приведен тот же самый факт: «И положил злой свой совет и росписати повеле, которому воеводе боярина которого убити»¹⁰⁵.

¹⁰³ Пискаревский летописец. С. 208.

¹⁰⁴ Иное сказание // РИБ. Т. 13. С. 56.

¹⁰⁵ Сказание о Гришке Отрепьеве. С. 741.

Однако в Пискаревском летописце грамоты Василия Шуйского изложены гораздо подробнее, чем в сказаниях Смутного времени.

В Пискаревском летописце два раза говорится о военных действиях при царе Василии Шуйском против Ильи Муромца, назвавшегося царевичем Петром.

В первый раз об этом упоминается кратко: воеводы царевича Петра Истома Пашков и Иван Болотников стояли в Коломенском, потерпели поражение от царских воевод, после чего Истома Пашков перешел на сторону Шуйского, а Иван Болотников ушел в Калугу; царские воеводы пошли к Калуге, но ее не взяли, после чего Болотников ушел в Тулу к царевичу Петру, а Василий Шуйский взял Тулу. В другой раз о военных походах против царевича Петра и Ивана Болотникова говорится подробнее: сообщается о том, что войска Ивана Болотникова потерпели поражение на реке Восьме, названы имена казненных в Путивле царевичем Петром бояр. При описании походов царевича Петра и Ивана Болотникова составитель Пискаревского летописца, видимо, мог обратиться к разрядным записям.

К разрядным записям близки и сведения Пискаревского летописца о Тушинском воре – Лжедмитрии II, его убийстве в Калуге князем Петром Урусовым, а также о том, что царь Василий Шуйский послал в Новгород Михаила Скопина-Шуйского просить помощи у шведов, о поражении московского и шведского ополчения в Цареве-Займище, о поражении литовцев на Медвежьем броду, битве на Ходынке, походе князя Ивана Ивановича Шуйского по Троицкой дороге против Лисовского, об освобождении при царе Василии Шуйском сandomирского воеводы Мнишка, его дочери Марины и литовских людей, бывших пленниками в Москве, о голоде осажденного в Кремле польского гарнизона, когда поляки, по разрядным записям, «всякое скверно и нечисто ядыху, и сами себя тайно побиваху, и друг друга съедаху»¹⁰⁶. (По Пискаревскому летописцу, «люди людей ели, и собаки, и кошки, и всякое поганое»¹⁰⁷.) При описании пожара Москвы в 1611 г. в Пискаревском летописце уточняется: «Умысля опять Михайло Салтыков да Фетька Андронов с Литвою, велели Москву жечь... марта 19 день, во фторник

¹⁰⁶ Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время. С. 166.

¹⁰⁷ Пискаревский летописец. С. 216.

Страстная неделя»¹⁰⁸, в разрядных же записях назван только день пожара: «Москву выжгли на Страстной неделе, во вторник»¹⁰⁹. Другие сообщения Пискаревского летописца и разрядных записей о событиях 1611–1612 гг. очень близки, но и там полного текстурального сходства нет. И в Пискаревском летописце, и в разрядных записях сказано об убийстве во время пожара Москвы князя Андрея Васильевича Голицына:

<p>Пискаревский летописец: «Убили на подворье боярина князя Андрея Васильевича Голицына за то, что он стоял за православную христианскую веру»^{25*}.</p>	<p>Разрядные записи за Смутное время: «Поляки и литовские люди во время пожара Москвы убили боярина князя Ондreja Васильевича Голицыны по наученью Михалка Глебова да Фетьки Андронова»^{26*}.</p>
--	---

^{25*} Пискаревский летописец. С. 216. ^{26*} Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время. С. 22.

В разрядных записях это событие передано с подробностями, опущенными в Пискаревском летописце: сказано, что князя Андрея Васильевича Голицына убили поляки и литовцы по инициативе Михаила Глебова и Федора Андронова, зато в Пискаревском летописце названа причина убийства – защита князем православной веры. Ни у Пискаревского летописца, ни у разрядных записей не наблюдается полного сходства текста и содержания, хотя речь идет об одном и том же событии. Не исключено, что составитель Пискаревского летописца воспользовался более ранними, не дошедшими до нас разрядами. О вражде казаков и дворян, стоявших под Москвой, убийстве Прокофия Ляпунова упоминается и в Пискаревском летописце, и в разрядных записях, причем в Пискаревском летописце это сообщение более пространное, чем в разрядных записях:

¹⁰⁸ Пискаревский летописец. С. 216

¹⁰⁹ Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время. С. 22.

Пискаревский летописец:

«И в то время казаки почали бояр, и дворян, и детей боярских лаяти и безчестити и грабити. И от того их воровского насильства бояре, и дворяне, и дети боярские, и всякие разрядные и служилые люди ис-под Москвы разъехались по городам кой-куды. И почал был казаков от такова их великого воровства унимати Прокофей Ляпунов: казнити, и вешати, и в воду сажати. И казаки, умысля воровским обычаем, по научению вора Ивана Заруцкого его убили»^{27*}.

**Разрядные записи
за Смутное время:**

«Под Москвою в полках возмутише казаки, учинили з дворяны рознь, воеводу Прокофия Ляпунова убили»^{28*}.

^{27*} Пискаревский летописец. С. 216. ^{28*} Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время. С. 22.

Характеристика Кузьмы Минина в Пискаревском летописце – «смышлен и язычен» – в других источниках не встречается. Во всех них, в том числе в кратких летописцах, о Кузьме Минине говорится просто как о выборном человеке из посадских людей. Например, Никифоровский краткий летописец сообщает о Кузьме Минине следующее: «7120 – Приходил в Нижний Новгород князь Дмитрий Михайлович Пожарский, и множество войска под Москву, а с ним был товарищ нижегородец посатцкий человек Козма Минин для великого собрания»¹¹⁰. Шибанский летописец пишет то же самое: «7120 – Приходил в Нижний Новгород князь Дмитрий Михайлович Пожарский, собрав многие войски, приходил под Москву, да с ним был товарищ нижегородец постацкий человек Козьма Минин»¹¹¹. Похожая статья встречается и в еще одном кратком летописце: «Приходил в Нижний Новгород князь Дмитрий Михайлович Пожарский собрал множество войска и приходил под Москву, а с ним был товарищ ни-

¹¹⁰ ОР РГБ. Никифоровское собрание. Д. 601. Л. 5.

¹¹¹ ОР РГБ. Собрание Шибанова. Д. 248. Летописец выбором из старых летописцев. Л. 61об.

жегородец посадский человек Козма Минин и стали для очищения Московского государства»¹¹².

Пискаревский летописец содержит слишком мало сведений о Кузьме Минине, что не позволяет судить о личном знакомстве летописца со старостой нижегородского ополчения. На их основании нельзя сказать, был ли автор в Нижнем Новгороде и встречался ли с Кузьмой Мининым. Возможно, однако, что составитель Пискаревского летописца располагал какими-то современными ему источниками.

Изложение похода князя Дмитрия Пожарского из Нижнего Новгорода к Москве, как и многие другие статьи Пискаревского летописца о военных действиях, тоже очень напоминает разрядные записи:

<p>Пискаревский летописец: «И почали к нему съезжаться в Нижней Новгород и со всего Московского государства бояре и дворяне, и дети боярские, и казаки, и стрельцы, и всякие служилые люди. И как пришел князь Дмитрий Пожарской в Ярославль и тут к нему почали и достальные люди съезжатца: бояре и дворяне, и дети боярские всяких розных городов. И тот Козьма по тем по всем городом повольским и поморским почал казну збирать з гостей и со всяких торговых людей, и жалованье почал давать... И воевода и столник князь Дмитрей Михайлович Пожарской к Москве из Ярославля пошел»^{29*}.</p>	<p>Разрядные записи за Смутное время: «Стольник князь Дмитрий Пожарский да Козьма Минин приходили в Ярославль, а с ними многие ратные люди. И тут собрався многое воинство. Кузьма Минин, о своем деле непрестанно попечение имея, во все города российского царства грамоты посылает, и многую денежную казну собирает и раздает воинству, и исполниша их скудости. И пришед под Москву стали обозом у Арбацких ворот»^{30*}.</p>
---	---

^{29*} Пискаревский летописец. С. 217–218. ^{30*} Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время. С. 22.

В приведенных выше отрывках, как и в остальных, при общем сходстве содержания фиксируются некоторые отличия: в

¹¹² РГАДА. Ф. 181. Д. 1147. Летописец, написанный выбором из старых летописцев.

Пискаревском летописце князь Дмитрий Пожарский пришел в Ярославль из Нижнего Новгорода, но ничего не сказано о Кузьме Минине и его участии в создании ополчения; в разрядных записях точно названо место, где расположился лагерь князя Дмитрия Пожарского, – Арбатские ворота в Москве, тогда как Пискаревский летописец просто сообщает о том, что князь Дмитрий Пожарский пришел из Ярославля в Москву. В Пискаревском летописце рассказано и о покушении на князя Дмитрия Пожарского, когда Иван Заруцкий послал казаков и детей боярских его зарезать, но ошибочно ранили какого-то сына боярского. В. Г. Вовина отметила, что из всех источников, повествующих о Смутном времени, только в Пискаревском и Новом летописцах говорится о покушении на князя Дмитрия Пожарского. В то же время, писала В. Г. Вовина, попытка убийства князя Пожарского, при общем сходстве, в обоих памятниках изложена по-разному: «В Новом летописце указаны имена двух казаков, посланных из Москвы Иваном Заруцким убить князя, в Пискаревском летописце – это некие безымянные казаки и дети боярские; по Пискаревскому летописцу казак поразил случайно сына боярского, который ‘вел’ князя, по Новому летописцу казак Степанко тоже ошибся и ‘перереза’ ногу казаку Роману»¹¹³. На этом основании исследовательница предположила, что существовали какие-то неизвестные нам источники о покушении на князя Дмитрия Пожарского¹¹⁴. Они отразились в Пискаревском и Новом летописцах, но не были использованы в других сочинениях о Смутном времени.

Невозможно установить, из какого источника взяты сведения Пискаревского летописца о жизни Марины Мнишек в Коломне, когда «чины у ней были царьския все: бояре и дворяне, и дети боярския, и стольники, чашники и ключники, и всякие дворовые люди... А боярыни у нея были многия от радных, и мать Трубецкого князя Дмитрея была же»¹¹⁵.

Неизвестно и происхождение рассказа о жизни Ивана Заруцкого: «А он с поля пришел к Астрахани, и тут его пустили честно, по

¹¹³ Вовина В. Г. Новый летописец и спорные вопросы изучения позднего русского летописания. С. 213.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Пискаревский летописец. С. 206, 216.

царьскому обычаю, и двор ему поставили, а воеводу астраханского князя Ивана князя Дмитриева сына Хворостинина убил, и почал жити по царьскому чину... И он, Ивашка, умыслил лутчих людей в Астрахани побити, кои не любят, и стал побивати... И в ту же пору пришли с Терки многие люди черкасы. И пустили их в город. И он, Ивашко, з женкою Маринкою и с малым Иванком побежали из града Волгою вверх. А за ним погналися многие люди из Астрахани, и угнали их. Казаки, кои с ними, стали бити челом и миритца межю собою, стали крест целовать, чтобы государь их пощадил, а его, Иванка, и женку Маринку, и малого отдали... И государь его повеле казнити и с малым и з женкою»¹¹⁶.

Об Иване Заруцком, его бегстве в Астрахань, намерении убить «лутчих» людей, аресте и казни, помимо Пискаревского летописца, повествует также Новый летописец. Но и здесь нет полного сходства. Сведения Нового летописца в отдельных случаях достовернее. Например, в Пискаревском летописце сказано, что вместе с Иваном Заруцким, Федором Андроновым в Москве была казнена и Марина Мнишек, тогда как в Новом летописце говорится о ее естественной смерти. Об этих событиях не сказано ни в Сокращенном временнике, ни в кратких летописцах. В своей заключительной части Сокращенный временник использовал краткие летописцы и существенно отличается от Пискаревского летописца: «7121 – На Дмитриев день Селунского бояре взяли Москву, Китай-город, а литовских людей побили»¹¹⁷. Эта статья встречается во многих кратких летописцах. Краткий летописец от крещения св. Владимира пишет: «7121 – На Дмитриев день Селунского взяли Московского государства Китай-город и литовских людей побили»¹¹⁸, Никифоровский летописец приводит те же известия: «7121 – На Митриев день Селунского бояре Московское государство Китай-город литовских людей побили»¹¹⁹, аналогичное известие читается в еще одном кратком летописце: «7121 – На Дмитриев день Селунского Московского государства бояре и все пра-

¹¹⁶ Пискаревский летописец. С. 219.

¹¹⁷ Сокращенный временник. С. 151.

¹¹⁸ РГАДА. Ф. 201. Д. 44. Краткие выписки из летописей от крещения св. Владимира до 1652 г. Л. 150б.

¹¹⁹ ОР РГБ. Собрание Никифорова. Д. 601. Л. 5.

вославные христиане взяли Московское государство Китай-город и литовских людей побили»¹²⁰.

В Пискаревском летописце, как и в Новом, мы встречаем любопытные повести о чудесах, случившихся в Смутное время. При описании чудесных явлений в Пискаревском летописце могли быть использованы повести и сказания Смутного времени. Слишком малый объем текстов не позволяет говорить о прямом заимствовании. Статья Пискаревского летописца о видении сыну головы Истома Артемьева Козьме в Архангельском соборе, когда он услышал в храме голоса, напоминает рассказ из «Иного видения». Совпадение текста в обоих источниках почти дословное:

Пискаревский летописец:	Иное видение:
«Как де будет в пятом часу ноши и учал в церкви во Архангелле шум и говор великой, по смете голосов в дватцать, или в тритцать» ^{31*} .	«Как де будет в 5-м часу ночи, и учал де быти в церкви у собора Архангела Михаила, где благовернии великие князи лежат, шум быти и говор велик, по смете голосов з дватцать или с тритцать» ^{32*} .

^{31*} Пискаревский летописец. С. 217–218. ^{32*} Иное видение. С. 185.

Очевидно, Пискаревский летописец сократил здесь известие «Иного видения», убрал слова о том, что церковь Архангела Михаила является местом погребения великих князей.

Статью из другого сочинения Смутного времени, «Иного сказания», в Пискаревском летописце напоминает описание другого чудесного явления – в церкви Рождества Богородицы загорелась свеча «сама по себе». Возможно, все статьи о чудесах попали в Пискаревский летописец не непосредственно из «Иного сказания» и «Иного видения», а из какого-то другого источника, который нашел отражение и в этих сочинениях.

В Пискаревском летописце помещен также и рассказ о видении нижегородца Григория о посте, когда люди в Московском государстве должны были поститься три дня и три ночи, чтобы освободиться от нашествия иноземцев. На него обратила внимание В. Г. Вовина. Она заметила, что краткое сообщение Пискаревского летописца о посте содержит отсутствующее в «Повести о видении

¹²⁰ РГАДА. Ф. 196. Оп. 3. Д. 65. Летописец краткий. Л. 992об.

нижегородца Григория» сравнение событий в Нижнем Новгороде с «древним чудом» в Ниневии, такое же, как и в Новом летописце. Исследовательница пришла к выводу, что в статье о посте нашла отражение не непосредственно «Повесть о видении нижегородца Григория», а ее обработка в другом сказании¹²¹.

В конце Пискаревского летописца помещено несколько кратких записей о событиях времени царя Михаила Федоровича Романова. Это, прежде всего, статья об избрании Михаила Романова на царство. Затем следуют три приписки 1625, 1626, 1645 гг.: в первой говорится о персидских послых от шаха Аббаса, которые прислали царю Михаилу Федоровичу погребальную ризу Христа, во второй – о пожаре Москвы, в третьей – о смерти царя Михаила Федоровича. Все эти заметки встречаются и в кратких летописцах XVII в., но у них нет полного сходства с Пискаревским летописцем. Например, только в Пискаревском летописце указана причина пожара 1626 г.: «На Варварском кресце в Ыпацком переулке загорелся двор Петровой жены Третьякова»¹²².

Эти три заметки 1625, 1626, 1645 гг., возможно, являются записями, современными описываемым событиям. Так, в статье о смерти Михаила Федоровича сказано: «И бысть во граде Москве плач велик и причитанье во всем народе от четвертого часа ночи по седьмой час дни»¹²³. Точно указанное время говорит о том, что статью писал современник. В Пискаревский летописец три заметки 1625–1645 гг. могли быть внесены переписчиком свода. Они отделены от основного текста несколькими чистыми листами. Значит, эти заметки могли появиться уже после того, как была написана основная часть памятника. Хотя Я. Г. Солодкин считает статьи 1625 и 1626 гг. непосредственным продолжением текста свода, основываясь на их стилистическом единстве с основной частью Пискаревского летописца, все же, скорее всего, они являются именно приписками, не связанными композиционно с Пискаревским летописцем. Памятник заканчивается статьей об избрании на царство Михаила Романова и довольно подробным описанием

¹²¹ *Вовина В. Г.* Новый летописец и спорные вопросы изучения позднего Русского летописания. С. 122.

¹²² Пискаревский летописец. С. 217–218.

¹²³ Там же. С. 219.

событий первых лет его царствования. Краткий характер заметок 1625–1645 гг. позволяет о них и говорить как о приписках. Что касается стилистического сходства между первыми двумя записями и основным текстом свода, то его можно объяснить тем, что Пискаревский летописец был обработан одним человеком, переписчиком рукописи.

Подведем основные итоги. Описание событий Смутного времени представлено в летописце на основании разнообразных источников. Создатель Пискаревского летописца мог располагать летописью конца XVI в., общей ему и Сокращенному временнику, разрядными записями, повестями и сказаниями, а также мог воспользоваться своими собственными наблюдениями как современника и некоторыми документами. В Пискаревском летописце, вероятно, нашли отражение какие-то неизвестные источники о князе Дмитрие Пожарском и Марине Мнишек. К особенностям обработки источников в Пискаревском летописце относится то, что составитель включал в свое повествование документы, не изменяя их текста. Близко к тексту переданы и литературные источники – повести и сказания. В Пискаревском летописце много говорится о военных событиях Смутного времени, при этом всегда даны годы походов. Здесь могли найти отражение разрядные записи, из которых были взяты точные даты. Полного текстуального совпадения у разрядных записей и Пискаревского летописца нет. Не исключено, однако, что автор редактировал свой источник.

Теперь, после изучения источников различных периодов, использованных при создании летописца, можно дать общую характеристику состава источников памятника. В своей начальной части он основан на Воскресенской и Никоновской летописях, хотя полного текстуального сходства между ними не прослеживается. Как дополнение к этим летописям составитель Пискаревского летописца использует Летописец начала царства и летописец 1554 г., а также летопись, общую Пискаревскому летописцу и Сокращенному временнику. Последняя нашла отражение не только в начальной, но и в оригинальной части Пискаревского летописца, большинство сообщений об опричнине заимствовано именно оттуда. До 1422 г. Пискаревский летописец, возможно, опосредованно заимствовал ряд известий из Типографской летописи. При этом не исключено, что Типографская летопись могла читаться в соста-

ве летописца северного происхождения, возникшего, вероятно, в Кирилло-Белозерском монастыре.

Источники известий о Смутном времени выявить трудно. Пискаревский летописец здесь очень близок Новому летописцу, но их сходство не позволяет определить ни общий им источник, ни говорить о заимствовании одним памятником известий другого. Сообщения о Смутном времени в Пискаревском летописце очень напоминают разрядные записи за этот период, но и в этом случае не наблюдается прямых текстологических заимствований. Статьи о Смутном времени могли основываться и на некоторых источниках нелетописного происхождения – документах, повестях, сказаниях. К особенностям обработки источников как в начальной, так и в оригинальной части Пискаревского летописца можно отнести то, что составитель памятника редактировал свои источники, из-за чего невозможно проследить прямое текстуальное заимствование.

Пискаревский летописец сохранил сведения, отсутствующие в других письменных памятниках. Это сообщение об Адашеве и Сильвестре, некоторые статьи об опричнине, основанные, скорее всего, на записи устных рассказов.

Ни в одном письменном источнике не встречается столько подробных известий о строительстве и книгопечатании в Москве в годы правления Федора Ивановича и Бориса Годунова, а также о Кузьме Минине. Но они не похожи по форме на устные рассказы (здесь, скажем, точно указывается время события). Скорее всего, эти статьи представляют собой записи современных событиям источника, возможно основанного на разрядах.

Записи устных рассказов, сведения об Адашеве и Сильвестре, заметки о строительстве и книгопечатании времен Федора Ивановича и Бориса Годунова, о нижегородском купце Кузьме Минине делают Пискаревский летописец уникальным памятником, сообщаящим новые подробности исторических событий.

К особенностям обработки источников в Пискаревском летописце относится то, что летописные источники передаются близко к тексту. Это же можно сказать и о повестях Смутного времени. С источниками документального происхождения, за исключением окружных грамот царя Василия Шуйского, а также разрядами

такой текстуальной близости нет, но изложение ряда событий в Пискаревском летописце и в разрядных книгах совпадает.

Как и Новый летописец, Пискаревский летописец дает подробное изложение событий Смутного и может быть важным источником для истории того периода.

Глава III АВТОР ПИСКАРЕВСКОГО ЛЕТОПИСЦА

1. Современное представление об авторстве в источниковедении и литературоведении

Для изучения произведения важно знать не только источники, составляющие его текст, но и автора. От того, кем было лицо, создавшее текст, зависит и выбор материалов, и их интерпретация. Но для того чтобы атрибутировать кому-либо конкретное сочинение, мы должны сначала определить, что мы понимаем под словом «автор». Поэтому этот параграф будет посвящен анализу представлений об авторстве, существующих в источниковедении и литературоведении. Чтобы понять, что подразумевалось под этим понятием в Средневековье, здесь будут приведены и существующие в науке взгляды на авторство современного произведения.

В новой литературе автор – центральная фигура произведения, которая придает последнему смысл и цельность, организует текст. Автор руководит читателем, читательское восприятие произведения во многом обусловлено позицией автора. М. М. Бахтин писал об активности создателя сочинения: «Индивидуальность автора как творца есть творческая индивидуальность особого, неэстетического порядка; это активная индивидуальность видения и оформления, а не виденная и не оформленная индивидуальность. Собственно индивидуальностью автор становится лишь там,

где мы относим к нему оформленный и созданный им индивидуальный мир героев или где он частично объективирован как рассказчик. Автор не может и не должен определяться для нас как рассказчик, ибо мы в нем, вживаемся в его активное видение»¹.

Без автора текст в глазах современного человека является неполноценным. Попытки структуралистов и постструктуралистов «изгнать» из текста автора, лишить сочинителя абсолютной власти над произведением оказались безуспешными. Матиас Фрайзе в статье, которая так и называется «После изгнания автора: Литературоведение в тупике», пишет о необходимости «вернуть» произведению автора, который не может полностью освободить текст от своего присутствия: «От своей частной, случайной личности автор должен освободить текст, но от своей души ему нельзя отделить его. Без души человека – а только она является автором в эстетическом смысле – текст не существует в человеческой сфере, человека не касается»². Сформировавшееся в 70-х гг. прошлого века во Франции направление, получившее название «генетическая критика», также стремится вернуть тексту изгнанного структуралистами и постструктуралистами автора. В ее основе лежит внимание к истокам, к первоначальным замыслам произведения, и основная ее цель состоит в том, чтобы воспроизвести все этапы создания текста в процессе письма. Анри Миттеран пишет, что новаторство генетической критики состоит в решительной переоценке понятия «вдохновение», в десакрализации и демистификации акта языкового «творчества». Здесь произведение предстает как результат различных операций, движений, направленных на трансформацию содержания и формы, как серия преобразований в области смыслоформы, в которых можно попытаться угадать определенную логику и даже правила³. Изучение генезиса

¹ *Бахтин М. М.* Проблема авторства // Автор и герой в эстетической деятельности. М., 1994. С. 254.

² *Фрайзе М.* После изгнания автора: Литературоведение в тупике // Автор и текст. СПб., 1996. С. 27.

³ *Миттеран А.* Генетический метатекст в набросках Эмиля Золя // Генетическая критика во Франции. М., 1999. С. 238.

произведения с необходимостью должно поставить перед исследователями более широкую проблему сущности процесса письма. Тем самым сфера генетической критики расширяется: не только генезис текста, но и генезис мысли⁴.

Генетики, изучая феномен письма, приходят к признанию ведущей роли автора в произведении. Альмут Грезийон приводит три значения термина «письмо»: «Термин ‘письмо’ имеет три основных значения, причем все три подразумевают деятельность. Первое значение – материал: письмо – это начертание, надпись, писание, и, следовательно, оно нуждается в материале, на котором пишут, в функции письма, и, главное, в пишущей руке; второе значение, которое не легко отделить от первого, – когнитивное: в процессе письма человек создает языковые формы, наделенные тем или иным смыслом; третье значение – художественное: в процессе писания из-под пера пишущего возникают языковые комплексы, опознаваемые в качестве литературных»⁵. Процесс письма всегда связан с сопротивлением материала, с борьбой литературного «я» с самим собой. Даже в рукописях, где следы пережитого не так заметны, пишущий укореняется в написанном после множества колебаний. Рукопись является не только местом рождения произведения, но и местом рождения автора: «Таким образом, рукописи – не только место, где рождается произведение, но и пространство, позволяющее исследовать под новым углом зрения проблему автора, – средоточие повествовательных конфликтов, место, где рождается писатель»⁶.

Генетическая критика, исследуя процессы письма, делает изгнанного структуралистами и постструктуралистами автора центральной фигурой в процессе произведения. Э. Луи пишет: «Обращаясь к проблемам письма, исследователь неизбежно встречается с ‘пишущей инстанцией’, – тем, что находится между жизненным опытом и белым листом бумаги, совершающим на этом ‘поле напряжения’ свой особый путь, зафиксированный движением

⁴ Дмитриева Е. Генетическая критика во Франции // Там же. С. 11.

⁵ Грезийон А. Что такое генетическая критика // Там же. С. 48.

⁶ Там же. С. 275.

пера. Каждый пишущий отличается своей индивидуальностью, и эти индивидуальные черты вторгаются в упорядоченную систему исследователя, разрушая ее изнутри. Следовательно, надо учиться выравнивать исследовательские методы, чтобы правильно описывать наш объект. Это поможет не только по-новому говорить об авторе, но и высказать нечто новое о произведении»⁷. В такой трактовке автор помогает открыть новый смысл произведения, который был бы без него неизвестен. Жан-Луи Лебрав обращает внимание на то, что письмо способно порождать такие феномены, как отделившиеся от своего автора, независимо от него существующие произведения: «Делая сообщения независимо от *hic et nunc* ситуации конкретного высказывания, развитие письма породило автономные объекты, сохраняющиеся в памяти и способные войти в круг множественных взаимоотношений, такие феномены предстают перед своим читателем как отделившиеся от создавшего их автора, гомогенные, целостные и завершенные единства, лишенные прямых связей с ментальным процессом, который их породил»⁸. Структуралисты и постструктуралисты, исследуя этот феномен, пришли к отрицанию автора, но генетическая критика, обращаясь к истокам произведения, всегда видит след, который связывает пишущего и написанный им текст. Жан-Луи Лебрав характеризует письмо как текстовый след, привязанный к носителю, и сам процесс, производящий этот след⁹. Таким образом, генетическая критика тесно связывает произведение и автора. Любой текст, даже безымянный, всегда создается человеком, и в этом смысле он может рассматриваться как авторский текст.

У генетистов письмо немыслимо без автора, но у Деррида письмо подразумевает также адресата, без которого существование письма тоже невозможно. Все тексты создаются не только кем-то, но и для кого-то. Изначальная направленность письма к другому является самым условием его существования, по мысли Деррида: «Если оно не есть разрыв самого себя по направлению

⁷ Луи Э. Текста не существует // Там же. С. 127.

⁸ Лебрав Ж.-Л. Гипертексты-Память-Письмо // Там же. С. 273.

⁹ Там же.

к другому в признании бесконечной разлуки, если оно одно лишь смакование, наслаждение письма ради письма, удовольствие художника, то оно разрушает самое себя»¹⁰. Слово в трактовке Деррида всегда вторично по отношению к чтению, оно заимствовано у него: «В том скрываемом факте, что слово и письмо всегда заимствуются у чтения, заключается изначальная кража, древнейшее скрадывание, которое одновременно скрывает от меня и стягивает мою исходную силу. Причем скрывает и стягивает именно дух. Высказанное или записанное слово, буква, всегда украдено. Всегда украдено, потому что всегда открыто»¹¹. Слово, записанное произведение принадлежат тому же историческому, культурному полю, что и чтение, чтобы существовать, оно должно быть прочитано. Представители генетической критики и Деррида показали, что не существует чистого процесса письма, имеющего цель только в себе самом и возникающем без авторской воли. Поэтому у любого произведения есть автор, вопрос заключается только в том, что понимать под этим.

Надо заметить, что в отличие от западного литературоведения, отечественная источниковедческая традиция никогда не ставила под сомнение наличие у произведения автора, т.е. принадлежность сочинения определенному лицу, коллективу. А. С. Лаппо-Данилевский, исходя из своей трактовки исторического источника как реализованного продукта человеческой психики, понимал под этим человеческое творчество в самом широком смысле слова: «Последнее (произведение. – С. Х.) в сущности оказывается индивидуализирующим актом; но автор его часто остается безымянным; если продукт такого лица воспроизводится целою группой, творчество получает название массового»¹². Для А. С. Лаппо-Данилевского авторство является одной из существенных характеристик источника, без которой последний не может быть полностью истолкован. Отечественное источниковедение и ли-

¹⁰ Деррида Ж. Письмо и различие. М., 2000. С. 119.

¹¹ Там же.

¹² Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. СПб., 1913. Вып. 2. С. 376.

тературоведение, в отличие от западного, не создало теорий отрицания авторства. Влияние западных идей проявилось отчасти в период с конца 1960-х до середины 1980-х гг., когда резко уменьшился интерес к вопросу о связи между текстом и его реальным создателем¹³. Но уже в 90-х гг. прошлого века источниковедение и литературоведение вновь обратили внимание на проблему авторства, исследование авторского текста. В это время выходят работы Л. В. Столяровой¹⁴, коллективная монография «От Нестора до Фонвизина. Новые методы определения авторства»¹⁵, сборник «Автор и текст»¹⁶.

Все написанное выше нужно для того, чтобы представить, насколько сложным при ближайшем рассмотрении является понятие «авторство» даже применительно к современным произведениям, где представления об авторстве совпадают с нашими. Тем более сложной является функция «автор» в такой культуре, как средневековая. В Средневековье совсем по-другому понимали авторство, иначе смотрели на цели произведения.

1) Понимание авторства средневековой литературы

Представление об авторстве, ставшее привычным для нас, сложилось сравнительно недавно. «Фигура автора принадлежит Новому времени, по-видимому, она формировалась нашим обществом по мере того, как с окончанием средних веков это общество стало открывать для себя достоинство индивида, или, выражаясь более высоким слогом, “человеческой личности”», – писал Р. Барт¹⁷. У Р. Барта индивид и личность являются синонимами. Там, где автор не стремится передать свою индивидуальность, остается

¹³ Автор и текст. СПб., 1996. Вып. 2. С. 7.

¹⁴ Там же.

¹⁵ *Столярова Л. В.* Древнерусские надписи XI–XIV вв. на пергамене. М., 1998. С. 135; *Она же.* Из истории книжной культуры русского средневекового города XI–XV вв. М., 1999. С. 14, 17.

¹⁶ Там же.

¹⁷ *Барт Р.* Смерть автора // *Барт Р.* Избранные работы. М., 1994. С. 385.

чисто символическая деятельность письма, для автора наступает смерть, остается рассказ ради самого рассказа, а не ради воздействия на действительность. Здесь действует не автор, а сам язык¹⁸.

Как видно, для литературы Нового времени очень важно передать читателю субъективный, личностный взгляд автора. Совсем иначе обстояло дело в средневековой литературе. Д. С. Лихачев писал об авторстве древнерусских произведений: «Произведение Нового времени отражает собой личность автора в создаваемом им образе автора. Иное в искусстве средневековья. Оно стремится выразить коллективные чувства, коллективное отношение к изображаемому. Отсюда многое в нем зависит не от творца произведения, а от жанра, к которому это произведение принадлежит. Автор в гораздо меньшей степени, чем в Новое время, озабочен внесением своей индивидуальности в произведение»¹⁹. Древнерусская литература представляла собой продукт коллективного творчества составителей, редакторов, переписчиков. Особенно ярко коллективное начало выражено в летописях – одном из жанров средневековой литературы. Д. С. Лихачев писал, что «каждый летописец пользовался трудами своих предшественников, очень мало иногда изменяя их текст, но совершенно меняя композицию и идею произведения путем комбинирования предшествующих летописных произведений»²⁰.

Слабость личностного начала в древнерусской литературе приводит к тому, что к ней неприменимо понятие индивидуального авторского стиля. В. В. Виноградов связывает проблему поиска авторского стиля с анализом и структурным воссозданием творческой личности автора. Но для средневековой литературы это сделать сложно, так как в ней «категория индивидуального стиля не выступает как фактор литературной дифференциации и оценки произведений словесного творчества почти до самого конца XVII в.»²¹.

¹⁸ Там же. С. 385.

¹⁹ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979. С. 69.

²⁰ Там же. С. 65.

²¹ Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. М., 1961. С. 45.

Отсутствие индивидуального авторского стиля приводит к тому, что в средневековой литературе сложно выделить автора из текста, а также атрибутировать текст определенному автору: «У нас есть тексты без авторов, авторы без текстов, произведения, которые имеют более чем одного автора, и произведения, принадлежащие единому автору»²². Хорст Венцель приводит латинский перевод слова «автор» в Средневековье. Это первоначальный творец, инициатор, поручитель, свидетель, пророк, учитель. Отсюда следует, что мы меньше всего можем представить автора как историческое лицо, которое можно исторически сконструировать из текста²³. В средневековой литературе, как правило, не автор приводил текст, а текст приводил автора. Авторство не обязательно приписывалось тому, кто являлся автором в соответствии с современными представлениям. Поэтому Хорст Венцель пишет, что понятие авторства охватывало не только поэтов, писцов, редакторов, но и общественное распространение, литературную стилизацию и фиксацию в миниатюрах изображений, с которыми ассоциировалось производство текстов в Средние века²⁴. Собственно письменный текст часто не имел здесь самостоятельного значения, а служил только пояснением к изображению. Создателями средневекового произведения был не только тот, кому принадлежал замысел сочинения, ими являлись и переписчики, и миниатюристы.

В Средневековье не видели существенной разницы между писателем и читателем. Средневековый кодекс чтения предоставлял читателю возможность писать на полях и усваивать текст посредством комментария²⁵. Современная исследовательница Л. В. Столярова, изучающая рукописные книги XI–XIV вв., отметила читательские записи на полях. Но они не представляли собой какой-либо ценности в глазах средневекового человека, помещались в

²² *Wenzel H. Zur Ausdifferenzierung von Autorenfunction in mittelalterischen Miniaturen // Autor und Autorschaft im Mittelalter. Viemeyer, 1998. S. 4.*

²³ *Ibid. S. 5.*

²⁴ *Wenzel H. Zur Ausdifferenzierung von Autorenfunction in mittelalterischen Miniaturen. S. 4.*

²⁵ *Лебрав Ж.-Л. Гипертексты-Память-Письмо. С. 267.*

самых неудобных местах, нередко писались плохими чернилами. Все же труд писца кодекса вовсе не был анонимным: «Вопреки сложившейся в историографии точки зрения об анонимности труда древнерусских книжников, последние отнюдь не скрывали своего имени, однако стремились к составлению уничижительных самохарактеристик – дани авторской ‘скромности’ и проявлению величия богоугодного труда писца»²⁶. Основное значение древнерусские книжники проявляли выходным записям, свидетельствующим о книгопроизводстве или о труде писца. Записки же, носящие в какой-то мере личный характер, – дневниковые, молитвенные, эмоциональные и собственно именные – выделялись в тексте гораздо меньше²⁷. Для средневекового человека интерес представляло прежде всего имя писца кодекса, поэтому оно и не скрывалось. Анонимность большинства произведений с точки зрения современных представлений об авторстве связана с особенностями средневековой культуры. Здесь не знали авторского права, автора как творца сочинения. Строго говоря, существовала единственная книга, не подлежащая изменению, – Священное Писание. Все остальные авторы не творцы, а переписчики этого текста, поэтому никто из них не может претендовать на полную власть над произведением. Средневековая русская литература не составляла исключения, в ней тоже отсутствовало привычное нам представление об авторе. В. В. Виноградов писал о такой особенности древнерусских произведений: «Границы между писателем – создателем литературного произведения, компилятором – составителем, ‘сводчиком’, редактором, а иногда и переписчиком, в древнерусской литературе нередко являются очень зыбкими»²⁸. Отсутствие в Средневековье современного нам представления об авторских правах приводит к тому, что древнерусский памятник

²⁶ Столярова Л. В. Древнерусские надписи XI–XIV вв. на пергамене. С. 135; *Она же*. Из истории книжной культуры русского средневекового города XI–XV вв. С. 14, 17.

²⁷ Там же. С. 95, 96; *Она же*. Древнерусские надписи XI–XIV вв. на пергамене. С. 135, 77–78.

²⁸ Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. С. 39.

постоянно заимствует из других произведений и сам, в свою очередь, служит материалом заимствования для них. В древнерусской литературе было постоянное стремление улучшать одно произведение за счет другого²⁹. Средневековое произведение было открыто для любых изменений. К нему могут быть применены слова Р. Барта о многомерности письма, где «текст соткан из цитат, отсылающих к тысячам культурных источников»³⁰.

В Средневековье для произведения был важен не столько автор, сколько принадлежность к авторитетной традиции. Манфред Эйкельман пишет, что понятия «автор» и «авторитет» в Средние века почти исключали друг друга³¹. Отсюда две различные литературные практики: автор или сам удостоверял требования к художественности, правдивости и т.д. своих произведений, или автор создавал свои произведения в рамках традиционной литературной истории, в которой авторы, а также их произведения приобретали ранг компетентной профессиональной инстанции. Две литературные практики базировались на одинаковом понимании того, что авторы и их произведения были авторитетными³². С. С. Аверинцев замечает, что для архаического сознания имя автора есть знак авторитета³³. У С. С. Аверинцева категория авторства, в отличие от категории авторитета, – неповторимость творческой инициативы и вызванные ею историко-литературные события. Там, где отсутствует «личность» в смысле индивидуальности, остается лишь некое присущее лицу и делегируемое им через имя достоинство, т.е. та же *auctoritas* (авторитетность)³⁴. Если вспомнить высказывание Мишеля Фуко о том, что автор – это функция, которой об-

²⁹ Там же. С. 43.

³⁰ Барт Р. Смерть автора. С. 388.

³¹ Eikermann M. Autoritat und ethischer Diskurs // Autor und Autorschaft im Mittelalter. Viemeyer, 1998. S. 73.

³² Аверинцев С. С. Авторство и авторитет // Историческая поэтика. М., 1994. С. 106.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

щество наделяет те или иные произведения³⁵, то в Средние века авторскими считались прежде всего авторитетные произведения.

В древнерусской литературе требования авторитетности предъявлялись к церковно-учительным сочинениям, которые очень редко функционировали без авторов. При этом автор далеко не всегда был реальным историческим лицом, очень часто имя, которым подписывалось произведение, являлось только псевдонимом. Здесь можно привести высказывание академика М. И. Сухомлинова о псевдонимах: «Вообще в древней словесности русской наиболее употребительными были три рода псевдонимов: оригинальные русские сочинения или получали собирательное название поучений святых отцов, от “святых книг” и т.п.; или, что чаще всего, приписывались Златоусту; или же на них выставлялось имя другого отца церкви: Василия Великого, Григория Богослова, Кирилла Философа и т.д.»³⁶. Здесь имя ставилось не для выражения творческой индивидуальности писателя, а для придания тексту авторитетности, для удостоверения того, что автор воплощает в себе «лик истинного христианина»³⁷.

Как видно, характерной чертой средневековой литературы являлась ее анонимность. Она была основной для произведений средневековой культуры. М. В. Бибиков очень точно объясняет такое явление: «Далеко не всех деятелей культуры средневековья мы знаем: для этой эпохи характерно было творчество на грани анонимности, когда автор стремился прежде всего выразить в художественном образе высшую мысль, идею, а не увековечить свое имя или утвердить авторство. Вечность идеи и универсализм переживаний высшего порядка были важнее, чем индивидуализм автора, считавшим себя не столько создателем, сколько интерпретатором мыслей и образов, близких всем, окружающим его»³⁸. Анонимность возникла с распространением письменной

³⁵ Фуко М. Что такое автор // Воля к истине. М., 1996. С. 22.

³⁶ Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. М., 1961. С. 47.

³⁷ Там же. С. 52.

³⁸ Бибиков М. М. Афон и Русь: На перекрестке культур // Библиотека. 1999. № 9. С. 1, 16.

культуры. В устном творчестве ее просто не могло быть – автор и исполнитель являлись одним лицом, это само собой разумелось. При переходе к письменной традиции, где автор или исполнитель не представлены в живой форме, анонимность становится проблемой, название имени приобретает смысл.

Джон Флуд рассматривает явление анонимности на примере средневековой героической поэзии. Там она широко распространена и является одним из родов протеста против нежелания признать авторство в обществе³⁹. Такой протест был особенно типичен для позднего Средневековья и свидетельствовал о том, что личность пыталась эмансипировать себя от общины. Анонимное творчество в ту эпоху было творчеством коллектива.

В древнерусской литературе произведение функционировало без автора потому, что имя автора не представляло собой существенного интереса для читателей. Оно имело смысл, как мы уже писали, только в церковных сочинениях, но и здесь важно было не реальное имя, а авторитет. Надо оговориться, что все написанное имеет особое значение прежде всего для ранних периодов. В XVII в. средневековый стереотип начал разрушаться, появляются сочинения, которые можно уверенно атрибутировать конкретным авторам. Достаточно вспомнить повести писателей Смутного времени, произведения протопопа Аввакума.

В этом контексте особый вопрос представляет собой определение автора летописи. Главная сложность здесь состоит в том, что летописи, в том числе и Пискаревский летописец, представляли собой своды предшествующего материала, где часто сложно отделить сочинителя от редактора или составителя свода. Д. С. Лихачев заметил, что работа различных летописцев соединена в памятнике не крупными кусками, а по большей части отдельными небольшими летописными статьями⁴⁰. «Летописи и хронографы, – писал Д. С. Лихачев, – могли составляться одновременно несколькими 'авторами' и при этом на основании ранее существующих

³⁹ Flood J. Offene Geheimnisse // Autor und Autorschaft im Mittelalter. S. 394.

⁴⁰ Лихачев Д. С. Вопросы атрибуции произведений древнерусской литературы // ТОДРЛ. М., 1961. С. 17.

текстов. Говорить в этих случаях об 'авторском тексте' 'Русской Правды' или в отдельных случаях об 'авторском тексте' житий, патериков, сводов повествовательного материала и т.д. – просто невозможно⁴¹. Для атрибуции текста он предлагает прежде всего провести предварительное расслоение летописи и ее хронологизацию. В ряде случаев необходимо восстановить источники текста летописи и определить характер и объем работы каждого автора⁴². Таким образом, у каждого фрагмента летописи должен быть свой автор. Попытаемся ответить на вопрос, насколько это важно для понимания летописи.

Петербургский исследователь В. К. Зиборов недавно высказал сомнение в существовании летописца Никона, одного из авторов свода 1070-х гг., вошедшего в состав Повести временных лет. Он считает, что весь текст за этот период был написан Нестором, Никон же был в лучшем случае одним из информаторов Нестора⁴³. Но знание того, кто был автором отдельных частей летописи, никак не изменяет ее смысл и ничего не добавляет к пониманию текста Повести временных лет.

На это, в частности, обращает внимание М. Н. Вирилайнен, которая рассматривает вопрос об авторстве обоих летописцев как непринципиальный, не дающий ничего нового для понимания свода. Главным здесь является вопрос не о создателе текста, а о создателе сюжета. Летопись представляет собой единство двух совершенно различных элементов: церковных и фольклорных. На первый взгляд они кажутся существующими отдельно друг от друга, но на самом деле между ними есть глубинная связь, реализуемая на уровне сюжета⁴⁴, именно их единство составляет повествовательное пространство летописи. С этой точки зрения, не важно, был ли автором 1070-х гг. Нестор или Никон, потому что

⁴¹ Лихачев Д. С. Текстология. М., 1962. С. 132.

⁴² Он же. Вопросы атрибуции произведений древнерусской литературы. С. 23.

⁴³ Зиборов В. К. О летописи Нестора. СПб., 1995. С. 51.

⁴⁴ Вирилайнен М. Н. Автор текста истории. Сюжетообразование в летописи // Автор и текст. СПб., 1996. С. 37.

в любом случае завершение сюжетной части Повести временных лет хронологически совпадает с отрезком времени между возникновением гипотетического сказания о первоначальном распространении христианства и сводом 1070-х гг.⁴⁵ Имя автора текста не даст ничего нового для понимания летописи, здесь нужно спрашивать об авторе сюжета.

Для анализа летописи часто оказывается полезным знание обстоятельств ее происхождения, целей, с которыми она создавалась. Д. С. Лихачев писал, что летописцами были по преимуществу официальные лица: служащие княжеские и владычные, уставщики, псковские посадники, впоследствии – дьяки⁴⁶. В литературе основное внимание уделялось раннему летописанию, когда летописцами были монахи, княжеские служащие, посадники Пскова и Новгорода. О дьяческом летописании, появившемся в XVI–XVII вв., известно значительно меньше. Так как Пискаревский летописец является памятником XVII в., то мы подробнее остановимся именно на дьяческом летописании. Знание социального положения летописца очень важно и для выявления источников, определения их достоверности, и для понимания целей и задач, которые ставил перед собой автор.

2) Летописание и приказные дьяки

Если бы нам не было известно, даже гипотетически, имя автора Пискаревского летописца, то, исходя из анализа текста, мы все равно пришли бы к выводу, что это был, скорее всего, московский приказной человек: в своде много записей, близких разрядным, подробностей о строительстве городов и крепостей, некоторые документы приведены в летописце буквально, без изменения их текста. Это, вероятно, могло быть известно человеку, служившему в приказе. Все государственные документы были засекречены, доступ к ним имели только лица, непосредственно занятые в управлении государством.

⁴⁵ Там же. С. 51.

⁴⁶ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979. С. 65.

Дьяк-летописец не редкость в XVII в. Достаточно вспомнить Ивана Тимофеева, написавшего «Временник дней и царей и святителей московских», или Федора Грибоедова. Для того чтобы понять, почему дьяки чаще всего становились в XVII в. авторами летописей, нужно вспомнить об их положении в системе государственной администрации.

С одной стороны, дьяки были людьми «неродословными», они не имели права участвовать в местнических спорах. Но, с другой стороны, их фактическое влияние было очень велико. Дьяки нередко являлись единственными знатоками дел в своем приказе: «Начальники центральных учреждений и правители на местах часто менялись и были мало осведомлены о системе делопроизводства, приказные же люди были более прочно связаны со своими должностями. Воеводы более занимались делами политическими, дьяки же осуществляли каждодневное, конкретное руководство, с уклоном в хозяйственные вопросы, и ведали всей документацией»⁴⁷. Решение текущих дел в приказах часто зависело от дьяков в не меньшей мере, чем от судей и воевод. С. Б. Веселовский писал, что судьи и дьяки были равноправными товарищами, не подчинялись один другому и все старшинство одних перед другими выражалось в том, что в делах и грамотах старшие писались после младших⁴⁸. Дьяки не только не уступали в компетенции и служебных полномочиях судьям, но до конца XVII в. нередко были самостоятельными и независимыми дельцами: «Самый заурядный дьяк мог охранить свою самостоятельность и быть, что называется, бельмом на глазу у сильного боярина, пока он 'искал государю прибыли' и радел в делах в государевых интересах»⁴⁹.

Приказные люди, не имея права участвовать в местнических спорах, тем не менее входили в состав служилого сословия и пользовались всеми его привилегиями, в частности свободой от тягла.

⁴⁷ Устюгов Н. В. Эволюция приказного строя русского государства в XVII в. // Абсолютизм в России. М., 1964. С. 164.

⁴⁸ Веселовский С. Б. Приказной строй управления Московского государства. Киев, 1912. С. 20.

⁴⁹ Там же. С. 20.

Они являлись земельными собственниками, — в основной своей массе, за редкими исключениями, средними и мелкими⁵⁰. Дьяки были образованнее большинства служилых людей. Н. В. Устюгов объясняет это обстоятельство характером их службы и приводит примеры таких дьяков. Это Дементий Михайлович Башмаков, Федор Федорович Лихачев, Ларион Иванович Иванов, Емельян Игнатьевич Украинцев⁵¹. Осведомленность дьяков в административных вопросах, их доступ к документации, грамотность позволили им выступать в роли составителей летописей.

3) Кем был написан Пискаревский летописец

Пискаревский летописец не составляет исключения среди других произведений средневековой литературы, он тоже не имеет авторской подписи. Но установить автора летописи, как мы уже отмечали, — это и определить социальную среду, в которой был создан источник, понять его идеи. Произведение всегда создается не только человеком, но и определенной исторической эпохой. У Б. В. Томашевского именно она является законным творцом литературного сочинения: «Всякое произведение во многих отношениях обусловлено исторической средой, в которой жил и работал его автор. И сознательно, и бессознательно автор выражает в нем свои убеждения, свои чувства и настроения, находящиеся в определенном отношении к чувствам, настроениям и убеждениям его современников»⁵². Сама творческая индивидуальность писателя часто обусловлена литературной традицией его времени: «Произведение создает не один человек, а эпоха, подобно тому, как не один человек, а эпоха творит исторические факты. Автор во многих отношениях является только органом. В своем произведении он часто берет уже готовый материал, данный ему литературной

⁵⁰ Демидова Н. Ф. Бюрократизация государственного аппарата в XVI–XVII вв. С. 117.

⁵¹ Устюгов Н. В. Эволюция приказного строя Русского государства в XVII в. С. 164–165.

⁵² Томашевский Б. В. Краткий курс поэтики. М.; Л., 1930. С. 21.

традицией, и неизменно вдвигает его в свое произведение и лишь вокруг него творит свое, индивидуальное, т.е. характерное для него как некоторой художественной личности»⁵³. Это особенно верно для такой консервативной литературы, как средневековая.

Автор, как и его сочинения, принадлежит исторической эпохе. Он является не только создателем произведения, но и конкретным лицом с собственной биографией. М. М. Бахтин различал автора как творческий принцип внутри произведения и автора – героя биографии. Этот последний должен быть понят в историческом мире своей эпохи, прежде всего надо понять его место в социальном коллективе, его классовое положение. М. М. Бахтин писал, что индивидуализация автора как человека, жившего в определенное время, зависит уже от вторичных творческих усилий читателя, критика, историка, независимый от автора как активного принципа видения, – акт, делающий его самого пассивным⁵⁴. Очень часто знание того, что сочинение было написано тем или иным историческим лицом, влияет на наше восприятие этого сочинения. Генетическая критика рассматривает знание обстоятельств возникновения произведения, биографии его автора как очень важные моменты для понимания самого произведения: «Биография и переписка автора, знание всего его творческого наследия, свидетельства третьих лиц, исторические события – все это дает нам информацию о внешних обстоятельствах, которые сопутствовали генезису»⁵⁵.

Если от литературных произведений перейти к более широкому кругу исторических источников, то «можно рассматривать источник как один из фактов биографии его составителя, занимающий определенное положение в его развитии: ведь знание тех именно обстоятельств в жизни автора, при которых источник возник, получает иногда весьма существенное значение и для его истолкования»⁵⁶. Знание обстоятельств биографии автора помога-

⁵³ *Томашевский Б. В.* Писатель и книга. М., 1959. С. 152.

⁵⁴ *Бахтин М. М.* Проблема авторства. С. 255.

⁵⁵ *Грезийон А.* Что такое генетическая критика. С. 51.

⁵⁶ *Латпо-Данилевский А. С.* Методология истории. С. 501–502.

ет получить также такие существенные сведения для интерпретации источника, как принадлежность к определенной сфере практической деятельности, профессия, характер интересов, степень компетентности в тех вопросах, о которых пишет создатель текста. Так трактует проблемы авторства современное источниковедение⁵⁷.

Наша задача будет заключаться в том, чтобы на основе текста Пискаревского летописца воссоздать биографию его возможного автора, представить создателя памятника как реального человека. Это будет способствовать как лучшему пониманию целей произведения, так и установлению источников его текста.

М. Н. Тихомиров считал, что Пискаревский летописец написан несколькими людьми, порой совершенно противоположными друг другу по политическим взглядам⁵⁸. Проверка этой гипотезы затруднена тем, что Пискаревский летописец известен в единственном списке. Метод определения авторства, предложенный Л. В. Миловым, Л. И. Бородкиным, Е. В. Неберекутиной, И. В. Полянской, Н. В. Романковой, Г. И. Саркисовой⁵⁹, не подходит для Пискаревского летописца: он предполагает наличие как минимум двух текстов для сравнения, а нам известен только один список Пискаревского летописца. Автора можно идентифицировать, используя и традиционные методы источниковедения: по социальной принадлежности, профессии, политическим взглядам, обращая внимание на те или иные высказывания.

Вопрос об авторстве тесно связан с вопросом об источниках – ведь от того, кем был автор, часто зависит круг используемых им источников, его осведомленность в событиях. И, наоборот, изучая круг используемых источников, знание тех или иных фактов, описанных в сочинении, можно попытаться определить автора произведения. Мы, зная источники летописца, разобранные в предыду-

⁵⁷ Медушевская О. М. Источниковедение социалистических стран. М., 1985. С. 55.

⁵⁸ Тихомиров М. Н. Пискаревский летописец как источник о событиях XVI – начала XVII вв. С. 247.

⁵⁹ От Нестора до Фонвизина. Новые методы определения авторства. М., 1994.

шей главе, а также обращая внимание на сведения, которые могли быть известны автору как современнику или в силу его профессиональной деятельности, постараемся атрибутировать памятник.

Об авторе Пискаревского летописца было выдвинуто несколько гипотез. О. А. Яковлева считала, что Пискаревский летописец принадлежит перу одного московского приказного, ведавшего строительством и металлургией⁶⁰. М. Н. Тихомиров не согласился с мнением исследовательницы и предложил в 60-х гг. XX в. гипотезу о печатнике из Пскова Никите Фофанове: «Пискаревский летописец в своей заключительной части может быть сопоставлен с таким источником, как “Сказание известно о воображении книг печатного дела...”. В “Сказании” очень близко к Пискаревскому летописцу говорится о воцарении Романовых... В “Сказании” говорится также о том, что печатники, и в их числе Никита Федоров сын Фофанов, бежали в Нижний Новгород “от насилия тех сопостат”. Из числа таких людей, вероятно, и вышел создатель Пискаревского летописца, повествование которого о событиях 1612–1613 гг. написано так, что заставляет предполагать, будто автор повествования жил в это время не в Москве и писал о московских событиях с чужих слов. Не забудем и наблюдения М. В. Щепкиной о большом количестве различных водяных знаков в Пискаревском летописце, свидетельствующем о запасе самой разной, вероятнее всего, казенной бумаги, и тогда наше предположение о лице, написавшем летописец, начинает приобретать вероятие. Пискаревский летописец был составлен в среде печатников, может быть, даже Никитой Фофановым»⁶¹.

Гипотезу М. Н. Тихомирова в 90-х гг. прошлого века подверг сомнению Я. Г. Солодкин. Он писал, что, хотя автор Пискаревского летописца и знал о книгопечатании, значительно большую осведомленность проявил в строительстве и металлургии. Здесь исследователь поддержал вывод О. А. Яковлевой о московском приказном человеке. Я. Г. Солодкин заметил, что летописец не

⁶⁰ Яковлева О. А. Пискаревский летописец. С. 13–14.

⁶¹ Тихомиров М. Н. Пискаревский летописец как источник о событиях XVI – начала XVII вв. С. 247.

проявлял особого интереса к Пскову. На всем протяжении памятника встречаются только две псковские заметки: о пребывании Ивана Грозного с опричными войсками в Пскове и о переводе в 1599–1600 гг. трех псковских стариц в Москву для устройства богаделен по псковскому образцу. Я. Г. Солодкин обратил внимание и на оставшиеся неизвестными М. Н. Тихомирову сочинения Никиты Фофанова: предисловия и послесловия к изданным книгам, небольшое сочинение о Смуте, вышедшее из нижегородской типографии в конце 1613 г. или начале 1614 г. Все эти произведения резко отличаются от Пискаревского летописца по стилю. Они напоминают псалмы или церковные песнопения. Здесь есть выражения и сравнения, отсутствующие в интересующем нас памятнике: в сочинении о Смуте Никиты Фофанова дважды встречаем противопоставление пшеницы и плевел, иерархов церкви он именует «духоносными отцами». Никита Фофанов, рассказывая о событиях Смуты, описывает главным образом иностранную интервенцию, в то время как автор Пискаревского летописца основное внимание уделяет внутренним «нестроениям». Псковский печатник, повествуя о разорении страны, оплакивает главным образом «погибель веры», летописца же не в меньшей мере волнуют светские сюжеты.

Я. Г. Солодкин пишет, что Никите Фофанову свойственна склонность к философско-историческим обобщениям providentialistического характера, чего нельзя сказать о составителе Пискаревского летописца⁶². Поэтому исследователь атрибутировал, вслед за О. А. Яковлевой, летописец московскому приказному человеку. Но вывод О. А. Яковлевой о причастности автора летописца к металлургии Я. Г. Солодкину представляется маловероятным, так как в памятнике встречаются только три лаконичные заметки об отливе Царь-пушки и колоколов, что явно недостаточно для того, чтобы говорить об особой осведомленности составителя свода в металлургии. Зато он согласился с мнением исследова-

⁶² Солодкин Я. Г. По поводу атрибуций Пискаревского летописца // ТО-ДРЛ. Л., 1990. Т. 44. С. 395.

тельницы о причастности составителя Пискаревского летописца к строительному делу.

Я. Г. Солодкин предположил, что автор летописца служил в приказе каменных дел, так как известия о строительных работах в Москве и Подмосковье, Казани, Астрахани, Смоленске, Новгороде и Пскове охватывают 1584–1613 гг. и зачастую уникальны. Я. Г. Солодкин высказал мнение и о связях автора с Разрядным приказом, так как в летописце подробно говорится о военных действиях, смерти при царе Борисе последних представителей трех боярских фамилий, пожаловании М. Г. Салтыкову боярства для 'посольства' в Речь Посполитую, основании Царева-Борисова. Как предположил исследователь, таким человеком был, по всей вероятности, дьяк Нечай Перфильев⁶³. Основанием для такой гипотезы послужило упоминание Нечая Перфильева в одной из статей памятника в числе строителей Смоленского кремля. По документам также известно об участии в сооружении крепости дьяков П. Шепилова и Н. Сорочнева, но в летописце они не называются. Возможно, имя Нечая Перфильева не случайно упоминается в статье летописца, он мог иметь какое-то отношение к памятнику.

Гипотеза Я. Г. Солодкина представляется наиболее убедительной, во всяком случае, у нас нет аргументов, опровергающих ее, зато есть несколько сведений для ее подтверждения. Действительно, в Пискаревском летописце слишком мало заметок о металлургии и книгопечатании, чтобы на их основе можно было сделать вывод о причастности его автора к какому-либо из этих двух занятий, во всяком случае, если он и имел к ним отношение, то в течение непродолжительного времени. Но сведения о строительстве встречаются почти на всем протяжении второй части свода и зачастую уникальны, читаются только в Пискаревском летописце. Всего в памятнике восемнадцать заметок о строительстве: семь в начальной части летописи и одиннадцать в оригинальной. В Пискаревском летописце мы находим также много сведений, которые могли быть почерпнуты из разрядных записей. Поэтому

⁶³ Солодкин Я. Г. По поводу атрибуций Пискаревского летописца. С. 392.

мнение Я. Г. Солодкина о том, что автором был приказной человек, имевший отношение к приказу каменных дел и к Разрядному приказу, приобретает большую долю вероятности.

В одной из статей памятника действительно упоминается дьяк Нечай Перфильев как один из строителей Смоленской крепости. При сопоставлении немногочисленных биографических сведений о Нечае Перфильеве, приведенных С. Б. Веселовским в справочнике «Дьяки и подьячие XV–XVII вв.», с событиями, описанными в Пискаревском летописце, можно заметить, что они во многом согласуются. Так, по С. Б. Веселовскому, в 1580–1581 гг. Нечай Перфильев был дьяком в Юрьеве-Ливонском. Пребывание Нечая Перфильева в Юрьеве-Ливонском находит документальное подтверждение: сохранились две царские грамоты от 1577–1578 гг. из Городового приказа дьяку Нечаю Перфильеву в Юрьев-Ливонский с распоряжением о посылке в ливонские города И. Т. Мясоедова, подьячего, горного мастера и сына боярского В. Д. Соломонидина с грамотами, продовольствия из Говье во Владимирец; сохранились также четыре отписки Нечая Перфильева в Разрядный приказ о посылке в новопокоренные ливонские города хлебных запасов, свинца и ядер⁶⁴. Между тем статья Пискаревского летописца под 1559 г. сообщает о назначении Алексея Адашева воеводой в Юрьев и последующей смерти там. Эти сведения являются уникальными, они не встречаются больше ни в одном письменном источнике: «И как почал множитца грех земской и опришнина зачинатися, и князь велики его послал на службу в Юрьев Ливонской к воеводе ко князю Дмитрею Хилкову, а велел ему быти в нарядчиках. И князь Дмитрей ему быти в нарядчиках не велел, и он бил ему челом многожды, и он не велел ...И послал его убити князь велики. Пригнал гонец убити, а он преставился за день и лежит во гробу»⁶⁵.

Неизвестно, откуда попало такое сообщение о смерти Алексея Адашева в Пискаревский летописец, – оно не имеет больше ана-

⁶⁴ Памятники истории Восточной Европы. М., 1998. Т. 3. С. 84–85, 94–95, 109–110; РГАДА. Ф. 159. Оп. 1. Д. 243. Л. 1–5; Д. 244. Л. 1–5.

⁶⁵ Пискаревский летописец. С. 181.

логий в других письменных источниках. Но если предположить, что автором памятника является Нечай Перфильев, то тогда все можно объяснить следующим образом: находясь в Юрьеве-Ливонском, он мог располагать какими-то свидетельствами об Алексее Адашеве. Нечай Перфильев как дьяк мог иметь доступ к разрядным документам, содержащим записи о Юрьеве-Ливонском. Скорее всего, эти документы не сохранились, так как в дошедших до нас разрядах подобные сведения отсутствуют.

Под 1598 г. в Пискаревском летописце говорится о грамоте, по которой Борис Годунов был избран на престол. Эта грамота сохранилась, причем среди подписавших ее дьяков упоминается Нечай Перфильев. Под 1598 г. в Пискаревском летописце говорится о грамоте, по которой Борис Годунов был выбран царем. В 1603 г. Нечай Перфильев был в Чернигове, где передавал вести про Лжедмитрия I, и под этим же годом в Пискаревском летописце помещена статья с описанием биографии Григория Отрепьева, где говорится и о завоевании войсками самозванца Чернигова: «И Чернигов взял, и воеводу князя Ивана Татеева»⁶⁶. В 1605 г. Нечай Перфильев участвовал в борьбе с войсками самозванца в Новгород-Северске. Упоминание об этом сражении есть в Пискаревском летописце: «И царь Борис послал противу его великую рать: бояр и воевод, Мстисловского с товарищи, со многими людьми. И оне пришли в Северу и стали противу его стояти и битца безпрестанно, и кровь проливати за православную христианскую веру»⁶⁷. В 1613 г. Нечай Перфильев служил дьяком Пушкарского приказа⁶⁸, – в статьях Пискаревского летописца есть упоминания об отливе Царь-пушки, колокола Лебедь.

На этом известия о Нечае Перфильеве обрываются, о его дальнейшей судьбе ничего не известно. Есть еще сведения о некоем Нечае Федоровиче Перфильеве, который служил с 1608 по 1614 г. дьяком в Тобольске, где и умер⁶⁹. Мы пишем здесь о втором Нечае

⁶⁶ Там же. С. 206.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1973. Т. 2. С. 173.

⁶⁹ Там же. С. 173.

Перфильеве, чтобы у читателей не оставалось сомнений: это два разных лица. Я. Г. Солодкин писал, что С. Б. Веселовский пытался выяснить, «не одно ли лицо Нечай Перфильев с дьяком Нечаем Федоровым». Но еще Н. П. Лихачеву удалось доказать, что отождествлять их нельзя. Подтверждением правильности вывода исследователя была публикация В. Н. Сторожева боярского списка 1610–1611 гг., где значатся оба дьяка⁷⁰.

Предполагаемый автор свода Нечай Перфильев, как и большинство летописцев XVII в., не указал, для кого и с какой целью он создал Пискаревский летописец. В тексте Пискаревского летописца есть много подробностей о князьях Шуйских, но трудно сказать, был ли автор связан с кем-либо из них, или в его распоряжении был источник, семейный летописчик, сообщающий особые подробности о роде Шуйских. Я. Г. Солодкин не согласен с выводом М. Н. Тихомирова о том, что Пискаревский летописец возник в близких Шуйским кругах, так как в памятнике налицо двойственное отношение к царю Василию, отрицательные отзывы о И. В. и А. М. Шуйских⁷¹. Однако обращение к тексту Пискаревского летописца не вполне подтверждает мнение Я. Г. Солодкина. В Пискаревском летописце заметно все же благожелательное отношение к князьям Шуйским. Так, под 1564 г. помещено известие о походе князя Петра Шуйского в Литву: «Князя Петра Шуйского збили с коня, и он у дела пеш утек и пришол в литовскую деревню; и тут мужики его ограбя и в воду посадили»⁷². Но, сообщая о гибели князя, Пискаревский летописец пишет далее о том, что эти литовские мужики были наказаны. Автор, желая смягчить известие о бесславной смерти князя Шуйского, не мог не сообщить о том, что поступок литовских мужиков не остался безнаказанным.

⁷⁰ Солодкин Я. Г. По поводу атрибуций Пискаревского летописца. С. 396. Прим. 64; Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI в. СПб., 1888. С. 514–515; Сторожев В. Л. Материалы для истории русского дворянства. М., 1908. Вып. 2. С. 86.

⁷¹ Солодкин Я. Г. По поводу атрибуций Пискаревского летописца. С. 392.

⁷² Пискаревский летописец. С. 190.

По Пискаревскому летописцу, виленский воевода Николай Яковлевич Радзивилл велел тех мужиков казнить, а Петра Шуйского с почестями похоронить⁷³. В разрядной книге и Александро-Невской летописи сообщается, что князь Петр Шуйский потерпел поражение от Николая Радзивилла. По разрядной книге 1475–1605 гг., шедший из Полоцка князь Петр Шуйский должен был соединиться с войсками князей Василия и Петра Семеновичей Серебряных, но вместе воеводы не сошлись, потому что князь Петр Шуйский потерпел поражение от литовцев⁷⁴. В Александро-Невской летописи прямо сказано, что князь Петр Шуйский потерпел поражение от Николая Радзивилла и был убит литовцами, так как «шел не по государеву указу»⁷⁵, то есть его поражение явилось результатом предпринятых им самовольных действий. Как видно, в Пискаревском летописце, в отличие от двух других источников, ничего не сказано о причинах неудачного похода в Литву князя Петра Шуйского, о том, что он был разбит Николаем Радзивиллом. О военной неудаче одного из представителей рода Шуйских Пискаревский летописец предпочел умолчать.

Избрание князя Василия Шуйского на престол представлено в Пискаревском летописце как всенародное: «И выбрали дву бояринов: князя Федора Мстиславского да князя Василья Шуйскаго, и привели их на Лобное место, и всем народом выбрали на Лобном месте боярина князя Василья Ивановича Шуйского, и нарекли его на все православное христианство царем и великим князем»⁷⁶. Но, по Новому летописцу, князя Василия Шуйского выбрали царем в узком боярском кругу, а на Лобном месте только подтвердили его избрание. Составители этого памятника писали, что избрание царем Василия Шуйского не было всенародным, оно было многим неизвестно: «Не токмо что совета со всею землею, но и на Москве не ведяху многие люди»⁷⁷. В Пискаревском летописце со-

⁷³ Там же.

⁷⁴ Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1982. Т. 2. Ч. 1. С. 149.

⁷⁵ Александро-Невская летопись // ПСРЛ. М., 1965. Т. 29. С. 99.

⁷⁶ Пискаревский летописец. С. 211.

⁷⁷ Новый летописец. С. 99.

общается, что царь Василий Шуйский, когда его сослали в Литву, снял с себя монашеское платье по благословению патриарха Гермогена⁷⁸, хотя в других источниках сообщается, что монашеское одеяние с царя Василия снял литовский король. Василий Шуйский предстает в этой статье Пискаревского летописца не как пленник литовского короля, а как самостоятельно действующее лицо.

Даже когда автор Пискаревского летописца передает неблагоприятные для царя Василия Шуйского сведения, он старается их смягчить. Так, в заметке о крестоцеловальной записи осуждается не только царь Василий Шуйский, давший запись, но и подданные, потребовавшие ее от царя. В описании царствования Василия Шуйского последний представлен мучеником: «А жите его царское было на престоле царском всегда з бедами и с кручины, и с волнением мирским; зачастую с миром приходяше и глаголаше ему снити с царства и за посох имаше, и позориша его многажды. А он терпя и слезы проливаше безпрестанно Божиим промыслом»⁷⁹.

Пискаревский летописец заканчивается под 1613 г. следующей фразой: «А кровь льетца и до нынешнего дни 121-го, а впред Бог весть». После этой фразы помещены сведения о некоторых событиях царствования Василия Шуйского, описанных в предыдущем тексте Пискаревского летописца, но с подробностями, которых там не было. Здесь читаются более обстоятельные известия о восстании Ивана Болотникова, убитые царевичем Петром бояре сравниваются с христианскими мучениками. В заметках после 1613 г. сообщается также о поставлении патриарха Гермогена при царе Василии Шуйском, смерти патриарха Гермогена, когда Москву захватили литовцы. Текст Пискаревского летописца продолжен до 1615 г. рассказано об освобождении Москвы от литовцев, избрании на престол Михаила Романова.

Как мы уже упоминали, о восстании Ивана Болотникова Пискаревский летописец рассказывает дважды: в статье под 1607 г. и после 1613 г. Но обе заметки совершенно различны. В первой

⁷⁸ Пискаревский летописец. С. 212–213.

⁷⁹ Там же. С. 214.

статье, до 1613 г., об этом событии сказано так: «И немного спустя почал и мятеж быти в северьских градах и в украинских, и стали говорити, что жив царевич Дмитрий, утек, что был Рострига, не убили его. И с тех мест стали многие называтца воры царевичем Дмитрием за грехи наши всех православных христиан. И назвался некоторый детина именем Илюшка, послуживец Елагиных детей боярских, нижегородец, а назвался Петр царевич, сын царя Федора Ивановича, а жил в Путимле и многие крови пролил бояр и дворян, и детей боярских лутчих, и всяких людей побил без числа. А воеводы от него приходили с Тулы со многы людьми: Истома Пашков, сын боярской, веневитин, да Ивашко Болотников, холоп князя Андрея Телятевского. А стояли в Коломенском, и их московские воеводы побили. А Пашков приходил к Москве, а Болотников побежал в Колугу. И воеводы большие ходили с Москвы под Колугу со многою силою и стояли много времени и крови многие пролили, а Колуги не взяли. И по грехом ис-под Колуги полки все дрогнули и гоними божиею силою и побежали иные к Москве, и иные в Серпухов. А Болотников пошел на Тулу к Петрушке, которой и назвался царевичем. И князь великий ходил под Тулу сам и под Тулою стоял многое время, а взял водою подтопил острог, воду взвел на Упе на реке»⁸⁰. Эта статья напоминает по форме разряды. Возможно, она написана приказным человеком, Нечаем Перфильевым.

Вторая заметка о восстании Болотникова, после 1613 г., содержит подробности, отсутствующие в первой, а также риторические восклицания: «Хто Петрушка-вор, который назывался царевичем и коим образом аки червь гризяше смоквы? Ни от царьского колена, ни от вельможска роду, ни детей боярских сродичи! Колики крови в Путимле и на Туле пролил от бояр и от дворян и от детей боярских!.. Да при том же царе и великом князе Василье Ивановиче Шуйском 114 году поставлен Гермоген, патриарх московский и всеа Руси, на месте Игнатия патриарха гречина, которово был поставил Рострига Гришка Отрепьев 113 году... Паки придем

⁸⁰ Пискаревский летописец. С. 211–212.

вперед на сказание о сем. И как Иванко Болотников да Истома Пашков прходили под Москву ис Серпухова и ис Коломны, а з другую сторону пошли ис Колуги атаман Солома казак да Васька Шестаков, холоп Андрея Клешнина, а с ними многие дворяне и дети боярские, и казаки. И города взяли многие: Боровск, и Верею, и Борисов, и Можаяевск, и Волок. И как оне пришли в Осипов монастырь, и тут ех, оманом перепоя, старец Деонисий Голицын велел побити, а от радных переимати и послати к Москве ко государю царю и великому князю Василью Ивановичю всеа Руси»⁸¹.

Как видно, вторая заметка касается преимущественно иерархов церкви: в ней сказано о поставлении патриарха Гермогена, описано участие старца Иосифова монастыря Дионисия Голицына в аресте атамана Соломы и казака Василия Шестакова. Далее говорится о том, что великий князь Василий Иванович послал своего боярина князя Андрея Васильевича Голицына в Каширу, а сам пошел в Серпухов. Под Каширу из Тулы «царевич» Петр послал своих воевод. Затем описывается их сражение с войсками Голицына на реке Восьме, окончившееся победой последних. О взятии Тулы, где укрылся Болотников, сказано кратко, что царь Василий Шуйский пошел под Тулу и взял ее. Вторая заметка, в отличие от первой, гораздо меньше внимания уделяет военным действиям. Скорее всего, она принадлежит не Нечаю Перфильеву, всегда детально описывающему военные походы, а другому автору, продолжившему летописец.

В Пискаревском летописце дважды упоминается не только восстание Болотникова, но и Лжедмитрий II. В первой статье, до 1613 г., сказано: «И после того назвался иной вор царевичем Дмитреем, а сказывают сынчишко боярской Веревкиных из Северы, и пришел под Москву в Тушина со многими людьми с литовскими и рускими... И стояли у Москвы больши дву годов и били, безпрестанно кровь христьянскую лили... А сам князь великий стоял за городом на Ваганькове в обозе многое время и вся рать, бояре и воеводы, с ним... И того вора литва хотела изымати

⁸¹ Пискаревский летописец. С. 212.

и в Литву х королю отвесть. И он не со многими людьми побежал из Тушина в Колугу. И в ту пору многие руские люди разделилися: бояре и дворяне, и дети боярские, и стрельцы, и казаки, и тотарове, князь Петр Урусов с товарищи, и всякие служилые и жилецкие люди, и иные остались в Тушине у литвы, а иные отъехали к вору в Колугу, а иные к Москве»⁸². Во второй статье о Лжедмитрии II, после 1613 г., речь идет о нападении Тушинского вора на Ростов: «И после того опять грехом крестьянским назвался вор царевичем Дмитреем, которой стоял в Тушине. А писано о нем и о Петрушке выше сего. И тот вор посылал ис Тушина под Ростов литву и черкас многих людей. И Ростов взяли, и выжгли, и высекли, и образы и раки у всех святых ободрали, и монастыри разорили, и митрополита Филарета Романова взяли в церкви, и сан с него сняли, и надели на него мирское платье и шапку»⁸³. Дополнительные сведения Пискаревского летописца о Ростове касаются в основном разорения ростовских церквей и монастырей, в них описывается пленение митрополита Филарета Романова. Вероятно, автор хотел дополнить вторую заметку отсутствующими в первой сведениями о церковных делах. Нечай Перфильев проявлял интерес преимущественно к светским сюжетам, поэтому нельзя исключать, что все дополнения принадлежат другому лицу.

Известия обеих статей памятника об убийстве князем Петром Урусовым Лжедмитрия II дублируют друг друга. В заметке до 1613 г. об этом повествуется подробнее: «А того вора колуского литва от Москвы отогнала, и он побежал опять в Колугу, и в Колуге был немного, и убил его князь Петр Урусов»⁸⁴. Во второй заметке, посвященной Марине Мнишек, о Воре сказано коротко: «И после того князь Петр Урусов того вора убил в Колуге»⁸⁵. Автор, дополняя новыми подробностями повествование о событиях, о которых уже шла речь в первой части летописца, скорее всего, использовал повторение об убийстве Вора в Колуге просто для

⁸² Пискаревский летописец. С. 215.

⁸³ Там же. С. 212.

⁸⁴ Там же. С. 216.

⁸⁵ Пискаревский летописец. С. 216.

связного рассказа, так как в заметке не сообщается ничего нового. Эта статья похожа больше на черновую заметку летописца для себя, а не для читателя. Второй автор, вероятно, не успел отредактировать свой груд.

Повторение известий об Иване Болотникове и Лжедмитрии II можно объяснить следующим образом. Скорее всего, обращая внимание на церковный характер дополнений, можно предположить, что летописец продолжил не Нечай Перфильев, а другой автор. Нельзя оставить незамеченным также то обстоятельство, что в заметке о строительстве Смоленского кремля Нечай Перфильев был упомянут в третьем лице, что было нетипично для древнерусского летописца, вряд ли он сам писал так о себе. Все эти соображения, вместе с разнообразием статей Пискаревского летописца, заставляют предположить, что повествование продолжил другой автор. Если Нечай Перфильев оборвал свой труд в 1613 г., то можно предположить, что его перу принадлежит описание событий опричнины и Смутного времени. После 1613 г. Пискаревский летописец писался, возможно, компилятором, создавшим весь свод. Этот составитель соединил заметки Нечая Перфильева с источниками, содержащими дополнительные подробности о некоторых событиях Смуты, а также статьями начальной части Пискаревского летописца. Он же мог продолжить повествование Пискаревского летописца статьями о царствовании Михаила Романова.

Трудно сказать, кем был этот второй автор, но, вероятно, он имел какое-то отношение к церковным кругам, т. к. все его дополнения статей памятника касаются преимущественно церковных событий. Здесь мы видим, что и гипотетический автор записок об опричнине и Смутном времени Нечай Перфильев, составляющих оригинальную часть памятника, и компилятор, соединивший эти записки с начальной частью свода и дополнивший их, вероятно, сведениями о церковных событиях и заметками о царствовании Михаила Федоровича Романова (в том числе приписками), в равной степени могут считаться авторами Пискаревского летописца. Автора сюжета, составителя свода, и автора части текста по существу, одного из информаторов этого составителя, Нечая Перфи-

лева, трудно отделить друг от друга, поскольку тогда нарушилось бы композиционное единство Пискаревского летописца. Записки Нечая Перфильева можно рассматривать как один из источников составителя Пискаревского летописца.

Пискаревский летописец не отличается в этом случае от большинства средневековых летописей, где составитель, редактор, информатор в равной мере являлись авторами произведения. Теперь, зная хотя бы гипотетически одного из авторов памятника, можно уточнить наши представления о некоторых источниках Пискаревского летописца. Если предположить, что автором части Пискаревского летописца был Нечай Перфильев, то можно выделить некоторые источники, которыми он пользовался. Нечай Перфильев был современником событий Смуты, он располагал, очевидно, какими-то не дошедшими до нас разрядными записями о строительстве городов, военных действиях. Для него характерно особое внимание к роду князей Шуйских, Нечай Перфильев сообщает много подробностей о представителях этого рода, не встречающихся больше в других письменных источниках. Вполне возможно, что в распоряжении дьяка был семейный летописчик этих князей. В Пискаревском летописце сообщаются сведения о князьях Шуйских, отсутствующие в других источниках. Так, под 1571 г. помещена статья об убийстве во время московского пожара человеком Татеева брата князя Ивана Петровича Шуйского Никиты Петровича Шуйского. В Пискаревском летописце находим и другую заметку о князе Иване Андреевиче Шуйском и его дядьке, которая может рассматриваться как семейное предание. Когда при царе Иване Васильевиче был казнен князь Андрей Михайлович Шуйский, дед князя Андрея Ивановича, то его отца Ивана Андреевича спас некий дядька, который скрывался с ним в Белозерской стране. Во время пребывания царя в Троице-Сергиевом монастыре дядька просил его о своем князе, и царь отдал князю его вотчины, а дядьку пожаловал⁸⁶.

⁸⁶ Пискаревский летописец. С. 216.

Знание автора помогает не только выявлению источников, но и определению времени написания памятника. Располагая сведениями об авторах, попытаемся определить время создания текста рукописи Пискаревского летописца. Заключительная часть Пискаревского летописца была написана не позднее 1621 г. – под этим годом помещена самая поздняя заметка о поставлении сибирского архиепископа Киприана, и не раньше 1625 г., которым датируется самая первая приписка. На основании этой датировки можно сделать следующий вывод: Нечай Перфильев окончил свой труд в 1613 г. Между 1621 и 1625 гг. летописец, вероятно, продолжил другой автор, он же составитель и, вероятно, один из переписчиков рукописи Пискаревского летописца. В тексте слишком мало сведений, чтобы сказать о том, что представлял собой этот автор. Возможно, он был лицом духовного звания, так как дополнил Пискаревский летописец преимущественно церковными статьями. Нечай Перфильев же не проявлял интереса к этим сюжетам (он был вообще плохо осведомлен в церковных делах, в заметке об учреждении патриаршества Нечай Перфильев допустил грубую ошибку, написав, что одного из патриархов убили после этого в Константинополе).

Под 1612 г. в Пискаревском летописце помещена заметка о событиях в Кирилло-Белозерском монастыре, она следует с нарушением хронологии сразу после 1618 г.: «Да того же году июля в 1 день в четверг взяли черкасы и руския воры Белоозеро, а воевода Стефан утече Чепчюгов; да того же лета августа в 20 день приходили под Кирилов на память св. пророка Самоила в 11 час дни»⁸⁷. Здесь названы точный день и час события, что указывает на какой-то летописный источник нашего памятника. Кроме Пискаревского летописца, о нападении на Кирилло-Белозерский монастырь говорится только в летописце этого монастыря: «Августа в 1 день приходили литовския люди и руския воры. Белоозеро город выжгли и высекли до основания. И под Кирилов монастырь от Уломския мельницы изгоном те же руския воры приходили. И

⁸⁷ Там же. С. 217.

мало Бог помиловал»⁸⁸. Как видно, этот летописец Кирилло-Белозерского монастыря не являлся непосредственным источником для Пискаревского летописца. Но последний мог обратиться к другому памятнику, сообщающему о событиях в монастыре, возможно, другой летописи той же обители той же обители, потому что в разрядах сведения о Кирилло-Белозерском монастыре отсутствуют. Этот летописец, возможно, нашел отражение и в начальной части Пискаревского летописца.

Я. Г. Солодкин, как было уже отмечено, в числе предполагаемых источников Пискаревского летописца называет и некий севернорусский летописец: «Основным пластом ПЛ 1640-х гг., дошедшего до нас, вероятно, в оригинале, является текст летописца за вторую половину XVI – начало XVII в.; этот текст дополнен по другим источникам, к примеру, краткому летописцу севернорусского происхождения»⁸⁹. Для подтверждения этого вывода можно добавить, что в Пискаревском летописце есть и другие сведения северного происхождения. К ним относится сказание о новгородском Шиловом монастыре, повесть о новгородском белом клобуке. Вероятно, известие о Кирилло-Белозерском монастыре находилось также в составе какого-то краткого летописца из этого монастыря и именно из него попало в Пискаревский летописец.

Три последние заметки 1625–1645 гг. могли быть сделаны одним из переписчиков рукописи, обладателем второго почерка. Они выполнены вторым почерком не коричневыми, как основная часть рукописи, а черными чернилами и отделены от текста тремя чистыми листами.

Как известно из предыдущего изложения, Пискаревский летописец написан тремя различными почерками. Большая часть рукописи выполнена первым и вторым почерками, но атрибутировать их кому-либо из предполагаемых авторов летописца затруднительно, так как мы не располагаем другими сочинениями, принадлежащими, без сомнения, их перу. Можно только заметить, что

⁸⁸ Летописец Кирилло-Белозерского монастыря // Книжные центры Древней Руси. СПб., 1994. С. 138.

⁸⁹ Солодкин Я. Г. История позднего русского летописания. С. 67.

второй почерк, наиболее профессиональный, мог быть почерком приказного человека. Им выполнены некоторые статьи начальной части летописца, записи из времен царей Ивана Васильевича и Михаила Федоровича, конец сборника.

Подведем итоги наблюдениям над авторством памятника. Вопрос об авторе средневекового произведения является сложной проблемой современного литературоведения. Представления об авторстве в Средневековье сильно отличались от современных понятий. Для читателя той эпохи важна была прежде всего не личность создателя произведения, а правильность воплощенной в тексте христианской идеи. Отсюда анонимность большинства сочинений. Но даже имя автора, написавшего церковное поучение, играло совсем другую роль, чем в современной литературе. В Средневековье оно указывает не на конкретного человека, а свидетельствует о принадлежности текста к авторитетной традиции.

Трудно определить автора такого сложного источника, как летописи, да это и не всегда необходимо. Они представляют собой разновременные слои, создавались усилиями многих редакторов, сводчиков, переписчиков. При анализе летописи очень большое значение имеет знание обстоятельств ее возникновения, социальной среды, где она появилась. В XVII в., в отличие от раннего летописания, летописцами очень часто становились светские лица, дьяки. Дьяки в силу своего положения в системе государственной администрации были людьми грамотными, хорошо осведомленными в делах, имели доступ к государственной документации.

Автором Пискаревского летописца был, предположительно, один из таких дьяков Нечай Перфильев. Он служил в Юрьеве-Ливонском, Чернигове, Москве, был современником событий Смутного времени. Нечаю Перфильеву, скорее всего, принадлежат записи об опричнине и Смутном времени. Неизвестно, какие связи были у него с князьями Шуйскими, но Нечай Перфильев был сторонником этих князей, сообщил много подробностей о них, взятых, скорее всего, из семейного летописчика этих князей, и всегда стремился представить членов рода князей Шуйских в выгодном свете, не боясь при этом исказить факты: при сообщении

об избрании Василия Шуйского на престол, представленном им как всенародное, в статье о том, что Василий Шуйский сам снял с себя в Литве монашеское платье, хотя это сделал польский король. Свой труд Нечай Перфильев закончил в 1613 г. Но, вероятно, между 1621 и 1625 гг. летописец продолжил другой автор. Этот автор дополнил статьи Пискаревского летописца подробностями преимущественно церковного характера: он сообщает о патриархах Гермогене, Филарете. Возможно, второй автор был человеком духовного звания. Вышеупомянутое лицо могло закончить летописец статьей об избрании на престол Михаила Романова. Нельзя исключать, что рукопись Пискаревского летописца представляет собой черновик, т. к. все остальные заметки, помещенные после 1613 г., сообщали только дополнительные подробности событий, о которых уже было рассказано в первоначальной части Пискаревского летописца. Вероятно, второй автор был также составителем и переписчиком большей части рукописи Пискаревского летописца: он связал отдельные части памятника в одно целое. Три заметки 1625–1645 гг. о царствовании Михаила Романова могли быть сделаны позднее другим переписчиком. Они отличаются цветом чернил от остальных частей рукописи и отделены от них тремя пустыми листами. Статья об избрании на престол Михаила Романова, скорее всего, является завершением повествования Пискаревского летописца о Смутном времени, а три краткие заметки похожи больше не на продолжение свода сведениями о событиях царствования Михаила Федоровича, а на приписки к нему.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. В работе прослежены два важных источниковедческих аспекта, связанные с Пискаревским летописцем: происхождение и авторство. Он возник в приказной среде, его автором являлся, скорее всего, московский дьяк Нечай Перфильев. На последней стадии работы над летописцем, видимо, принял участие еще один составитель. Заключительная часть памятника могла быть написана, гипотетически, лицом духовного звания. Гипотеза о двух авторах может объяснить и повторяемость некоторых сведений Пискаревского летописца, и то, что некоторые статьи дают подробные сведения о строительстве городов, военных походах, которые могли быть известны приказному человеку. Дополнения же в заключительной части свода касаются преимущественно церковных событий.

Атрибуция памятника позволила уточнить время его написания. Пискаревский летописец написан, предположительно, между 1611 и 1613 гг. Так как большая часть Пискаревского летописца написана еще до воцарения Романовых, то в нем нет прославления новой династии, обычного для многих памятников более позднего происхождения. Особенный интерес проявляется только к князю Шуйским. Однако мы не можем с уверенностью сказать, что князя Шуйские были заказчиками летописи. Скорее всего, здесь нашла тенденция возвеличения Шуйских, характерная для целого ряда сочинений первых годов XVII в.

Памятник охватывает все исторические эпохи – и раннее время, и oprичнину, и Смуту. Примененная к нему традиционная ме-

тодика исследования позволила выявить, что он написан на основании разнообразных источников: летописей, разрядных записей, окружных грамот царя Василия Шуйского, каких-то несохранившихся памятников, восходящих, возможно, к записям устных рассказов и наблюдениям автора как современника. В начальной части Пискаревский летописец использует сведения, почерпнутые из различных летописей общерусского содержания: Воскресенской, Никоновской, Типографской. В то же время эти летописи не обнаруживают полного текстуального сходства с Пискаревским летописцем. Этим он отличается от ранних памятников, в которые предшествующие своды включались почти без изменений и в которых можно выделить буквальные цитаты из использованных ими сочинений. Но и в XVII в. продолжали существовать, как установил Я. Г. Солодкин, вполне традиционные своды, в которых несложно выделить протограф. Это прежде всего патриаршие и владычные новгородские летописи. Однако и такие поздние памятники похожи на ранние летописи только по форме, цели их составления уже совершенно иные. Вообще вопрос о социальном характере памятников позднего и раннего летописания является до сих пор открытым. Проведенная работа не предлагает его окончательного решения, она только предлагает обратить внимание на такую проблему. Пискаревский летописец выделяется здесь особенностями отбора и изложения своих источников. Уровень их литературной обработки в некоторых случаях, особенно в освещении событий ранней русской истории и Смутного времени, здесь так высок, что невозможно говорить о прямых текстуальных заимствованиях. В статьях о Смутном времени Пискаревский летописец ближе всего к разрядам. Однако проведенное в диссертации сопоставление Пискаревского летописца с разрядными записями тоже не выявило полного текстуального сходства. Впрочем, нельзя исключать, что разряды подверглись в своде литературной обработке. Но было бы неправильно говорить о полном отсутствии текстуального совпадения со своими источниками применительно ко всему Пискаревскому летописцу. В нескольких статьях по истории опричнины прослеживается почти буквальное сходство с Сокращенным временником. Текстуальная близость обнаружена у Пискаревского летописца и с некоторыми окружными грамотами Василия Шуйского. Пискаревский летописец содержит также

статьи о времени Ивана Грозного, не имеющие аналогий в других источниках. Они представляют собой, видимо, запись устных рассказов и носят во многих случаях характер легенд. При их анализе важно было выявить, какие реальные события скрывались за ними, причины, приведшие к появлению легенды.

В историографии не раз отмечалась уникальность Пискаревского летописца. Теперь, на основании подробного изучения источников памятника, можно более обоснованно ответить на вопрос, в чем заключается его уникальность как исторического источника. В своей начальной части Пискаревский летописец является компилятивным сочинением, многие его статьи находят аналогии в других летописях. Уникальными сведениями Пискаревского летописца для летописи XVII в. представляются подробное изложение событий эпохи опричнины, а также сведения, восходящие, вероятно, к несохранившимся разрядным записям, о строительстве в Москве и других городах в конце XVI – начале XVII в, некоторых военных действиях Смутного времени. Особенным Пискаревский летописец делает и то, что он представлен единственным списком. Причину такого невнимания к памятнику со стороны переписчиков в последующее время можно объяснить, вероятно, тем, что в изложении истории Смутного времени он был вытеснен Новым летописцем, а по ранней русской истории не содержал оригинальных сведений и не смог заменить другие летописи, прежде всего Никоновскую. К тому же в XVII в. появилось много других летописей с компиляциями по ранней истории. О событиях же времен опричнины многие памятники XVII в. предпочитали умалчивать. Пискаревский летописец является едва ли не единственной летописью того времени, содержащей подробные известия об эпохе Ивана Грозного.

Пискаревский летописец интересен и как памятник историографии, содержащий сведения о более ранних периодах, и как записки современника событий, а также особой летописной манерой изложения. Здесь, возможно, одним из отличий Пискаревского летописца от ранних летописных сводов является то, что в нем используются не библейские тексты, а сами ранние своды. Таким образом, методика, предложенная И. Н. Данилевским для изучения раннего летописания, не всегда применима к поздним текстам. Проблема специфики раннего и позднего ле-

тописания требует дальнейшего исследования отдельных памятников. Возможно, здесь поможет и методика, примененная для Пискаревского летописца: комплексное кодикологическое изучение памятника, взаимосвязь проблемы происхождения текста и авторской атрибуции. Желательным представляется и сравнительное изучение раннего и позднего летописания с точки зрения целей, отбора источников. Тогда это поможет и выявлению специфики позднего летописания, и разработке новых методов и приемов его изучения.

Список сокращений

ГИМ	Государственный исторический музей;
ИЗ	исторические записки;
ЛиХр	Летописи и хроники;
ОР РГБ	Отдел рукописей Российской государственной библиотеки, Москва (ранее – Государственной библиотеки им. В. И. Ленина)
ПСРЛ	Полное собрание русских летописей;
РГАДА	Российский государственный архив древних актов, Москва (ранее – Центральный государственный архив древних актов);
ТОДРЛ	Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом);
ЧОИДР	Чтения в Обществе истории и древностей российских Московского университета.

Библиография

Источники

Опубликованные

Александро-Невская летопись // Полное собрание русских летописей. М., 1965. Т. 29.

Воскресенская летопись // Полное собрание русских летописей. СПб., 1856. Т. 7.

Краткие летописные записи эпохи опричнины // Исторические записки. М., 1941. Т. 10. С. 84–94.

Краткие летописцы XV–XVI вв. // Исторический архив. М.; Л., 1955. Т. 5. С. 3–59.

Летописец Кирилло-Белозерского монастыря // Книжные центры Древней Руси. СПб., 1994. С. 136–138.

Летописец начала царства // Полное собрание русских летописей. М., 1965. Т. 29. С. 9–116.

Летописец с новыми известиями XVI – начала XVII вв. // Летописи и хроники 1984. М., 1984. С. 187–218.

Никоновская летопись // Полное собрание русских летописей. СПб., 1862. Т. 9; Никоновская летопись // Полное собрание русских летописей. М., 1965. Т. 9–10.

Новый летописец // Полное собрание русских летописей. М., 1965. Т. 14.

Пискаревский летописец // Полное собрание русских летописей. М., 1978. Т. 34. С. 31–220.

Поздний летописчик со сведениями по истории России XVI в. // Летописи и хроники. М., 1973. С. 341–355.

Сибирские летописи // Полное собрание русских летописей. М., 1981. Т. 36.

Сокращенный временник // Материалы по истории СССР. М., 1955. Т. 2. С. 145–152.

Тихомиров М. Н. Соловецкий летописец второй половины XVI в. // *Тихомиров М. Н.* Русское летописание. М., 1979. С. 192–206.

Типографская летопись // Полное собрание русских летописей. Пг., 1921. Т. 24.

Акты исторические. СПб., 1841. Т. 1.

Акты исторические. СПб., 1842. Т. 2.

Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время. М., 1907. Т. 1.

Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII вв. М., 1979.

Памятники истории Восточной Европы. М.; Варшава, 1998. Т. 3.

Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. Т. 3.

Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1982. Т. 2. Ч. 1.

Собрание государственных грамот и договоров. М., 1819. Т. 2.

Горсей Джером. Записки о России XVI – начала XVII вв. М., 1990.

Масса Исаак. Краткое известие о Московии в начале XVII в. М., 1937.

Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе // Русский исторический журнал. Пг., 1922. С. 29–59.

Флетчер Джильс. О государстве русском. СПб., 1906.

Шаховской Семен Иванович. Летописная книга // Памятники литературы Древней Руси конца XVI – начала XVII вв. М., 1988. С. 358–428.

Шлихтинг Альберт. Новое известие о России времени Ивана Грозного. Л., 1934. С. 15–52.

Штаден Генрих. О Москве Ивана Грозного. М., 1925.

Русская историческая библиотека. СПб., 1875. Т. 2.

Русская историческая библиотека. СПб., 1894. Т. 13.

Источники неопубликованные

Российский Государственный архив древних актов (РГАДА)

Краткие выписки из летописей от крещения св. Владимира до 1652 г. Ф. 201. Рукописное собрание кн. М. А. Оболенского. Оп. 1. Д. 44.

Краткий российский летописец от древнейших времен до 1650 г. Ф. 181. Рукописное собрание МГАМИД. Д. 64.

Краткое сказание о произведении и возвращении народа русско-го. Ф. 181. Д. 79.

Летописец краткий. Ф. 181. Оп. 11. Д. 1147.

Летописец краткий. Ф. 196. Рукописное собрание Мазурина. Оп. 3. Д. 65.

От летописца избрано вкратце. Ф. 181. Д. 76.

Отписка от 1578 г. 9 янв. Царю Ивану Васильевичу Юрьевских воевод Ивана Плещеева, Михаила Тюфякина и дьяка Нечая Перфильева об отправке с князем Федором Звенигородским и Борисом Ордынцевым хлеба и запасов в новопокоренные ливонские города. Ф. 159. Приказные дела новых лет. Оп. 1. Д. 243. Л. 1–5.

Отписка от 1578 г. 9 янв. царю Ивану Васильевичу Юрьевских воевод Ивана Плещеева, Михаила Тюфякина и дьяка Нечая Перфильева с жалобой на воевод Ивана Сабурова и Ивана Волинского, не хотевших послать в Володимерец и Трекап пороху, свинцу и ядер. Там же. Д. 244. Л. 1–5.

Российский летописец от 1547 по 1676 г. Ф. 199. Портфели Миллера. Оп. 1. Портф. 23.

Хронограф особого состава. Ф. 181. Д. 361.

Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ)

Летописец – выборки из старых летописцев. Ф. 344. Собрание Шибанова. Д. 248.

Летопись – выписки от 1379 до 1604 г. Ф. 256. Собрание Румянцева. Д. 368.

Летописец краткий за 1339–1584 гг. Ф. 178. Музейное собрание. Д. 183.

Летописец русский краткий. Ф. 310. Собрание В. М. Ундольского. Д. 758.

Летописец русский краткий от начала мира до 1612 г. Ф. 310. Собрание В. М. Ундольского. Д. 771.

Никифоровский летописец. Собрание Никифорова. Д. 601.

Пискаревский летописец. Ф. 228. Рукописное собрание Д. В. Пискарева. Д. 176.

Сборник повестей, летописных выписок и других статей. Ф. 310. Собрание В. М. Ундольского. Д. 611.

Исследования

Аверинцев С. С. Авторство и авторитет // Историческая поэтика. М., 1994. С. 105–125.

Азбелев С. Н. Об устных источниках летописных текстов // Летописи и хроники 1976. М., 1976. С. 78–102.

Альшиц Д. Н. Начало самодержавия в России. Л., 1988.

Альшиц Д. Н. Первый опыт перестройки государственного аппарата в России // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 243–251.

Баталов А. Л. Московское каменное зодчество конца XVI в. М., 1996.

Баталов А. Л. Московский Иоанно-Предтеченский женский монастырь. М., 2005.

Барт Р. Смерть автора // *Барт Р.* Избранные работы. М., 1994. С. 384–392.

Бахрушин С. В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. М., 1927. С. 1–35.

Бахтин М. М. Проблема авторства // Автор и герой в эстетической деятельности. М., 1994. С. 238–257.

Бибииков М. В. Афон и Русь: На перекрестке культур // Библиотека. 1999. № 9. С. 14–17.

Богданов А. П. Краткий ростовский летописец конца XVII в. // Советские архивы. 1981. № 6. С. 33–38.

Богданов А. П. Летописец 1686 г. и патриарший летописный скрипторий // Книжные центры Древней Руси. СПб., 1994. С. 64–90.

Богданов А. П. Летописец и историк конца XVII в. М., 1994.

Богданов А. П. Начало московского восстания 1682 г. в современных летописных сочинениях // Летописи и хроники 1984. М., 1984. С. 137–147.

Богданов А. П. Общерусский летописный свод конца XVII в. из собрания И. Е. Забелина // Русская книжность XV–XVII вв. М., 1989. С. 183–210.

Богданов А. П. Типологические признаки и группы в русском летописании конца XVII в. // Методы изучения источников по истории русской общественной мысли периода феодализма. М., 1989. С. 197–221.

Буганов В. И. Краткий московский летописец конца XVII в. из Ивановского областного краеведческого музея // Летописи и хроники: 1976. М., 1976. С. 283–294.

Буганов В. И. Летописные записки о московских восстаниях второй половины XVII в. // Летописи и хроники 1973. М., 1974. С. 299–312.

Буганов В. И. Летописные известия о московском восстании 1682 г. // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967. С. 310–320.

Буганов В. И. Отечественная историография русского летописания. М., 1975.

Буганов В. И., Клосс Б. М., Корецкий В. И., Кучкин В. А. Некоторые проблемы изучения русского летописания на современном этапе // Проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин. М., 1984. С. 6–16.

Васенко П. Г. Академический список Латухинской Степенной книги // Доклады АН СССР. Отд. гуманитарных наук. М., 1929. № 15.

Васильев Ю. С. Летописное наследие Поморья // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1979. Вып. 11. С. 19–42.

Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963.

Веселовский С. Б. Приказной строй управления Московского государства. Киев, 1912.

Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. М., 1961.

Вирилайнен М. Н. Автор текста истории: сюжетообразование в летописании // Автор и текст. СПб., 1996. С. 33–53.

Вовина В. Г. Новый летописец и спорные вопросы изучения позднего русского летописания // Отечественная история. 1992. № 5. С. 117–129.

Вовина-Лебедева В. Г. Новый летописец: история текста. СПб., 2004.

Вовина В. Г. Особенности позднего русского летописания // Спорные вопросы отечественной истории XI – XVIII вв. М., 1990. Ч. 1. С. 35–38.

Грезийон А. Что такое генетическая критика // Генетическая критика во Франции. М., 1999. С. 28–58.

Гробовский А. Н. Иван Грозный и Сильвестр: история одного мифа. Лондон, 1987.

Данилевский И. Н., Кабанов В. В., Медушевская О. М., Румянцева М. Ф. Источниковедение. М., 2000.

Дворецкая Н. А. Сибирский летописный свод. Новосибирск, 1984.

Демидова Н. Ф. Бюрократизация государственного аппарата в XVI–XVII вв. // Абсолютизм в России. М., 1964. С. 206–242.

Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987.

Деррида Ж. Письмо и различие. М., 2000.

Дианова Т. В. К вопросу о времени создания рукописи Пискаревского летописца // Летописи и хроники. М., 1976. С. 142–148.

Дмитриева Е. Генетическая критика во Франции // Генетическая критика во Франции. М., 1999. С. 9–26.

Жарков И. А. Из каких кругов вышла Летопись о многих мятежах // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967. С. 310–320.

Жарков И. А. Новый летописец по списку М. А. Оболенского // Летописи и хроники 1973. М., 1974. С. 293–299.

Зиборов В. К. О летописи Нестора. СПб., 1995. 188 с.

Зиборов В. К. Русское летописание XI–XVIII вв. СПб., 2002.

Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964.

Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. М., 2001.

Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. М., 1960.

Зимин А. А. Россия времени Ивана Грозного. М., 1982.

Казакова Н. А. Вологодское летописание XVI–XVIII вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1981. Вып. 12. С. 66–90.

Кобрин В. Б. Иван Грозный и опричнина в общественной мысли XVII – середины XVIII вв. // Проблемы отечественной и всеобщей истории. М., 1987. Вып. 10. С. 203–217.

Кобрин В. Б. Иван Грозный. М., 1989.

Кобрин В. Б. Кому ты опасен, историк? М., 1992.

Копанев А. И. Пинежский летописец XVII в. // Рукописное наследие Древней Руси. Л., 1972. С. 57–92.

Корецкий В. И. К вопросу об источниках Латухинской Степенной книги // Летописи и хроники 1973. М., 1974. С. 328–338.

Корецкий В. И. Летописец с новыми известиями о восстании Болотникова // История СССР. 1968. С. 120–130.

Корецкий В. И. Развитие феодальной земельной собственности в России XVI в. // Социально-экономические проблемы российской деревни. Ростов, 1980. С. 37–54.

Корецкий В. И. Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники 1980. М., 1981. С. 223–244.

Корецкий В. И., Морозов Б. Н. Летописец с новыми известиями XVI – начала XVII вв. // Летописи и хроники 1984. М., 1984. С. 187–219.

Корецкий В. И. История русского летописания второй половины XVI – начала XVII вв. М., 1986.

Кузнецов И. О постройке московского Покровского собора // Чтения в обществе истории и древностей российских. 1896. Кн. 4. Отд. 4. С. 19–24.

Круп А. А. Предания времени Ивана Грозного // Русский фольклор. Л., 1976. Т. 16. С. 208–221.

Лазарев А. И. Трудные темы изучения фольклора. Челябинск, 1998.

Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. СПб., 1913. Вып. 2.

Лебрав Ж.-Л. Гипертексты–Память–Письмо // Генетическая критика во Франции. М., 1999. С. 255–275.

Лихачев Д. С. Вопросы атрибуции произведений древнерусской литературы // Труды отдел древнерусской литературы. М., 1961. Т. 17. С. 5–16.

Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979.

Лихачев Д. С. Текстология. М.; Л., 1962.

Лихачев Д. С. Текстология. Л., 1983.

Лихачев Д. С. Текстология. СПб., 2001.

Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI в. СПб., 1888. С. 514–515.

Луи Э. Текста не существует // Генетическая критика во Франции. М., 1999. С. 115–129.

Лурье Я. С. Две истории Руси XV в. СПб., 1994.

Лурье Я. С. Материалы по истории СССР // Исторический архив. М., 1956. № 4. С. 276–278.

Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976.

Медушевская О. М. Источниковедение социалистических стран. М., 1985.

Миттеран А. Генетический метатекст в набросках Эмиля Золя // Генетическая критика во Франции. М., 1999. С. 238–255.

Морозов С. А. К изучению источников Постниковского и Пискаревского летописцев // Летописи и хроники 1984. М., 1984. С. 59–74.

Морозова Л. Е. Смутное время в России. М., 1990.

Морозова Л. Е. Смута в начале XVII в. глазами современников. М., 2000.

Назаров В. Д. Новый летописец как источник по истории царствования Лжедмитрия I // Летописи и хроники 1973. М., 1974. С. 299–312.

Насонов А. Н. Летописные памятники хранилищ Москвы // Проблемы источниковедения. М., 1955. Т. 4. С. 243–286.

Насонов А. Н. История русского летописания XI–XVIII вв. М., 1969.

От Нестора до Фонвизина. Новые методы определения авторства. М., 1994.

Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб., 1992.

Полунина Н., Фролов К. Коллекционеры старой Москвы. М., 1997.

Приселков М. Д. История русского летописания. Л., 1940.

Приселков М. Д. История русского летописания. СПб., 1996.

Пропт В. Я. Фольклор и действительность. М., 1976.

Путилов Б. Н. Русские исторические песни XIII–XVI вв. М.; Л., 1960.

Рогов А. И. Книгопечатание // Очерки русской культуры XVII в. М., 1979. Ч. 2. С. 155–169.

Румянцева М. Ф. Теория истории. М., 2002.

Садиков П. Н. Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950.

Сербина К. П. Устюжское летописание XVI–XIX вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1979. Вып. 11. С. 42–48.

Сербина К. П. Устюжское летописание XVI–XVIII вв. Л., 1985.

Сергеев В. И. У истоков сибирского летописания // Вопросы истории. 1970. №1 2. С. 45–61.

Скрынников Р. Г. Начало опричнины. Л., 1966.

Скрынников Р. Г. Опричный террор. Л., 1969.

Скрынников Р. Г. Иван Грозный. М., 1975.

Скрынников Р. Г. Россия после опричнины. М., 1975.

Скрынников Р. Г. Материалы для биографии Григория Отрепьева // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Л., 1976. С. 72–78.

Скрынников Р. Г. Борис Годунов. М., 1978.

Скрынников Р. Г. Ранние сибирские летописи // История СССР. 1979. № 4. С. 82–100.

Скрынников Р. Г. Россия накануне Смутного времени. М., 1980.

Скрынников Р. Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII в. Л., 1985.

Скрынников Р. Г. Самозванцы в России в начале XVII в. Новосибирск, 1978.

Скрынников Р. Г. Лихолетье: Москва в XVI–XVII вв. М., 1988.

Скрынников Р. Г. Россия в начале XVII в. М., 1988.

Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб., 1992.

Скрынников Р. Г. Трагедия Новгорода. СПб., 1994.

Солодкин Я. Г. По поводу атрибуций Пискаревского летописца // Труды отдела древнерусской литературы. Л., 1990. Т. 44. С. 387–396.

Солодкин Я. Г. О проблемах использования источников в Пискаревском летописце и своде Исидора Сназина // Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании. М., 1996. С. 187–191.

Солодкин Я. Г. История позднего русского летописания. М., 1997.

Солодкин Я. Г. О документальных источниках Пискаревского летописца // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1998. С. 109–112.

Станиславский А. Л. Краткий летописец Торжка // Летописи и хроники 1984. М., 1984. С. 235–236.

Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в. М., 1990.

Столярова Л. В. Древнерусские надписи XI–XIV вв. на пергамене. М., 1998.

Столярова Л. В. Из истории книжной культуры русского средневекового города XI–XV вв. М., 1999.

Сторожев В. Л. Материалы для истории русского дворянства. М., 1908. Вып. 2.

Тихомиров М. Н. Краткие записи о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962.

Тихомиров М. Н. Пискаревский летописец как источник о событиях XVI – начала вв. // Русское летописание. Л., 1979. С. 232–247.

Томашевский Б. В. Краткий курс поэтики. М.; Л., 1930.

Томашевский Б. В. Писатель и книга. М., 1959.

Устюгов Н. В. Эволюция приказного строя Русского государства в XVII в. // Абсолютизм в России. М., 1964. С. 134–147.

Филюшкин А. И. Состав правящих кругов Российского государства в середине XVI в.: Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1995.

Флайер М. «Мономахов трон» Ивана Грозного в пространстве перед иконостасом // Иконостас. М., 2000. С. 599–613.

Фрайзе М. После изгнания автора: Литературоведение в тупике // Автор и текст. СПб., 1996. С. 25–33.

Фуко М. Что такое автор? // Фуко М. Воля к истине. М., 1996. С. 7–47.

Черепнин Л. В. «Смута» и историография XVII в. // Исторические записки. М., 1945. Кн. 14. С. 81–129.

Чистякова Е. В. Летописные записи о народных движениях середины XVII в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963. С. 242–253.

Шахматов А. А. Обзорение русских летописных сводов XIV–XV вв. М.; Л., 1938.

Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.

Шмидт С. О. Поздний летописчик со сведениями по истории России XVI в. // Летописи и хроники. М., 1974. С. 347–354.

Шмидт С. О. У истоков российского абсолютизма. М., 1996.

Яковлев А. И., Яковлева О. А. Новая летопись // Огонек. 1950. № 42. С. 21–22.

Яковлева О. А., Теплов Л. Н. Новые данные о книгопечатании в конце XVI – начале XVII вв. // Полиграфическое производство. М., 1951. № 10. С. 26–28.

Яковлева О. А. Любопытное известие о московском рудознатце конца XVI в. // Тр. Института истории естествознания и техники. М., 1952. Т. 4. С. 443–448.

Яковлева О. А. Пискаревский летописец // Материалы по истории СССР. М., 1955. Т. 2. С. 6–16.

Wenzel H. Zur Ausdifferenzierung von Autorenfunction in mittelalterischen Miniaturen // Autor und Autorschaft im Mittelalter. Viemeyer, 1998. S. 1–129.

Eikelmann M. Autoritat und ethischer Diskurs // Autor und Autorschaft im Mittelalter. Viemeyer, 1998. S. 73–101.

Flood J. Offene Geheimnisse // Autor und Autorschaft im Mittelalter. Viemeyer, 1998. S. 370–397.

Справочные и информационные издания

Библиография по древнерусской литературе. М., 1995, 1996. Ч. 1–3.

Веселовский С. Б. Дьяки и подъячие XV–XVII вв. М., 1973. Т. 1–2.

Дмитриева Р. П. Библиография русского летописания. М.; Л., 1962.

Русский биографический словарь. СПб., 1896. Т. 1.

Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1997, 1998. Ч. 3.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
----------------	---

ГЛАВА I

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СПИСКА ПИСКАРЕВСКОГО ЛЕТОПИСЦА	22
--	----

- 1) История открытия и публикации
Пискаревского летописца
- 2) Палеографическое и кодикологическое
изучение рукописи
- 3) Пискаревский летописец:
источниковедческий аспект изучения
- 4) Пискаревский летописец в трудах по истории России ..

ГЛАВА II

ИСТОЧНИКИ ПИСКАРЕВСКОГО ЛЕТОПИСЦА.....	64
--	----

- 1) Источники Пискаревского летописца,
от ранней русской истории
до середины XVI в. (862–1552)
- 2) Источники Пискаревского летописца
по истории опричнины (1565–1582).....
- 3) Устные источники Пискаревского летописца.....
- 4) Источники по истории Смутного времени
и первой половины XVII в. (1605–1645).....

ГЛАВА III	
АВТОР ПИСКАРЕВСКОГО ЛЕТОПИСЦА	121
1. Современное представление об авторстве в источниковедении и литературоведении	121
1) Понимание авторства средневековой литературы	126
2) Летописание и приказные дьяки	134
3) Кем был написан Пискаревский летописец	136
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	156
Список сокращений	160
Библиография	161

Издательство

К В А Д Р И Г А

kvadriga-izdat.ru

Отдел реализации издательства

Тел.: 8 (916) 341-92-06

E-mail: marimarbooks@yandex.ru

Наши книги можно купить в магазине издательства
по адресу: г. Москва, ул. Рождественка, 12.
В холле Института востоковедения РАН
с 11 до 20 ч. все дни, кроме воскресенья
тел. 8 (925) 622-40-11

Софья Игоревна Хазанова

Пискаревский летописец:
Происхождение,
источники, авторство

Ответственный за выпуск *И. А. Тихонюк*
Художественный редактор *Н. А. Шакиров*
Корректор *М. Г. Смирнова*
Верстка *Н. А. Шакиров*

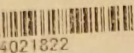
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура «Petersburg». Усл. печ. л. 11.

Издательство «Квадрига»

ISBN 978-5-91791-362-9

Партнерская
программа

ЕСКИЕ

РНБ Русский фонд

2022-3

29858

Летописец содержит подробное описание о строительстве городов, вооружении, причинах и Смуты. Первое монографическое исследование памятника включает его всесторонний анализ. Убедительно показано возникновение его основной части в приказной среде в 1611–1613 гг. под пером московского дьяка Нечая Перфильева. Автору удалось выявить источники памятника: летописи, разрядные записи, окружные грамоты царя Василия Шуйского, записи устных рассказов и наблюдений составителя. Летописец интересен как памятник историографии и как записки современника событий, а также особой манерой изложения.

ISBN 978-5-91791-362-9

9 785917 913629